П. МАКСЯШЕВ

НАШ БЕЛИНСКИЙ

OK

1.043.090

По-нашему, Белинский
является центральной фигурой
во всем ходе развития
русской общественной мысли.

Г. В. ПЛЕХАНОВ

В. Г. Белинский.
Портрет работы художника И. А. Астафьева. 1881.

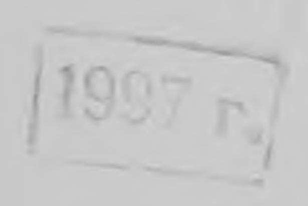
П. МАКСЯШЕВ

НАШ БЕЛИНСКИЙ

Саратов
Приволжское книжное издательство
Пензенское отделение · 1986

Рецензент: член Союза писателей СССР
Н. М. Почивалин.

Максяшев П.

М17 Наш Белинский (изд. 3-е, доп. и перераб.) — Саратов: Приволж. кн. изд-во (Пенз. отд-ние), 1986.— 240 с.

В текущем году все прогрессивное человечество мира будет отмечать 175-летие со дня рождения В. Г. Белинского. Готовя свое исследование к этой знаменательной дате, автор ввел в книгу новые материалы, рассказывающие о непрестанной борьбе за идейное наследие великого критика и революционного демократа, его влиянии на развитие литературы и общественной мысли братских народов, о распространении бессмертных творений Виссариона Григорьевича за рубежом.
Издание рассчитано на широкий круг читателей.

М $\frac{4603000000}{153(53)-86}$ 87.3(2)+83.3Р1

Предисловие

Рассматривая историю развития русской литературы, В. Г. Белинский из-за цензурных условий ни разу не упомянул имя А. Н. Радищева. Но во второй статье «О сочинениях Александра Пушкина» великий критик, безусловно, имел в виду именно его творчество. Он писал: «Есть два ряда деятелей на всяком поприще: одни своими делами творят новую эпоху, действуют на будущее; другие действуют в настоящем и для настоящего. Первые бывают не признаны, не поняты, не оценены и часто даже гонимы и ненавидимы своими современниками; их апофеоза создается в будущем, когда уже самые кости их истлеют в могиле; вторые — всегда любимцы и властелины своего времени, но, уваженные, превознесенные и счастливые при жизни своей, они получают уже совсем не то значение после их смерти, а иногда и переживают свою славу. Без сомнения, первые выше вторых, ибо это натуры великие и гениальные, тогда как вторые — только сильно и ярко даровитые натуры. Первые, если они действуют на литературном поприще, завещевают потомству творения вечные, неумирающие; вторые — пишут для своих современников, и их произведения для будущих поколений получают уже не безусловное, но только историческое значение, как памятники известной эпохи...» (VII, 135—136) *

Эти слова можно полностью отнести к личности и творчеству самого Виссариона Григорьевича. Над ним, писал Н. А. Некрасов, еще при жизни тучи собирались.

И честный сеятель добра
Как враг отчизны был отмечен;
За ним следили и тюрьму
Враги пророчили ему...

Правящие круги и дворянские интеллигенты, свидетельствовал А. М. Горький, не любили этого нового человека. Они не могли примириться с тем, что Белинский, вышедший из разночинной среды, не получивший официального университетского образования, сразу занял в литературе командный пост, невольно заставил подчиниться силе своей мысли и обаянию своей личности.

---

* Здесь и далее все ссылки на произведения В. Г. Белинского даются в тексте по Полному собранию сочинений в 13-ти томах. Изд-во АН СССР, 1953—1959, с указанием в скобках тома и страницы.

Его творческая деятельность протекала в мрачные годы разгула реакции и мракобесия. «Что ж делать при виде этой ужасной действительности? — спрашивал он. — Не любоваться же на нее, сложа руки, а действовать елико возможно, чтобы другие потом лучше могли жить, если нам никак нельзя было жить» (XI, 581).

Верный высокому гражданскому долгу, Белинский посвятил свою короткую жизнь борьбе за распространение просвещения, за свободу мысли и разума, за освобождение закабаленного крестьянства. Как истинный патриот, он с гневом относился к крепостному рабству, страстно верил в прекрасную будущность России. Выдающийся мыслитель и критик-демократ писал о том, что настанет время, когда не будет богатых, не будет бедных, ни царей и подданных, но будут братья, будут люди. «Но смешно и думать,— утверждал Белинский,— что это может сделаться само собою, временем, без насильственных переворотов, без крови... Да и что кровь тысячей в сравнении с унижением и страданием миллионов» (XII, 71).

Познакомившись с жизнью Западной Европы, побывав в Германии и Франции, Виссарион Григорьевич заклеймил позором буржуазные порядки. «Горе государству,— указывал Белинский,— которое в руках капиталистов. Это люди без патриотизма, без всякой возвышенности в чувствах. Для них война или мир значат только возвышение или упадок фондов — далее этого они ничего не видят» (XII, 449).

Своей преданностью великим идеалам освобождения народных масс от порабощения и угнетения он воодушевлял других на борьбу с царизмом и крепостниками-помещиками. Его революционно-демократические взгляды являлись прекрасным компасом для славного поколения «молодых штурманов будущей бури» на пути к прогрессу.

Об этом говорил великий русский писатель-сатирик М. Е. Салтыков-Щедрин. Оценивая деятельность гениального критика, он напоминал о том времени, когда «лилось к вам полное страсти слово Белинского, волнуя и утешая вас, и наполняя сердца ваши скорбью и негодованием, и вместе с тем указывая цель для ваших стремлений», призывая на «честный бой с лицемерием, равнодушием и неправдою».

О величии гения Белинского, его непревзойденном мастерстве и заслугах перед обществом не раз свидетельствовал И. А. Гончаров. В своих воспоминаниях о Виссарионе Григорьевиче он подчеркивал: «Если сами художники встречаются не на каждом шагу, то и критики с такою сильною впечатлительностью, как у Белинского, при силе его ума и дарования, встречаются еще реже. Может быть, этим можно отчасти объяснить недостаток критики в

нашей литературе, на который нередко раздаются жалобы в пуб-лике.

Многие передовые деятели прошлого века проявляли немалый интерес к личной жизни Виссариона Григорьевича, как п... достойному подражания. Именно Белинский — человек, с его особенностями, своими страстями и склонностями, был дорог В. Г. Короленко. В статье, посвященной критику, Владимир Галактионович писал: «Кроме той массы идей, которые он в течение своей недолгой карьеры пустил в обращение, которыми мы и за нами наши дети будут пользоваться, не всегда даже связывая их с первоисточником, кроме стольких-то печатных томов и страниц, Белинский ...щал нам еще цельный живой образ, который останется навсегда наряду с лучшими созданиями гениальней...

Этот образ — он сам, с его страстною жаждой истины, с ... исканиями и искренностью»

Литературно-критические, философские, исторические, педагогические и революционно-демократические воззрения Бели... всегда привлекали внимание литературоведов, политических деятелей. Еще в дореволюционный период вышел ряд работ, по...ных его жизни и творчеству. Однако всестороннее изучение т...чества Белинского началось только в советское время

Наш народ и все прогрессивное человечество с любовью и уважением относятся к имени критика. Внуки и правнуки вели... сына России достойно увековечили его память. Произведения Белинского издаются миллионными тиражами

Идейная борьба за литературное наследие Белинского началась сразу же после его смерти и имеет свою историю. По... по мере роста освободительного движения все отчетливее намечались два направления в оценке его творчества. Одно направление олицетворяло реакционные силы России, другое — объединяло новые силы, борющиеся за освобождение страны от ига царизма и капитализма

Такой классово-партийный подход к творчеству критика не случаен, так как «сам Белинский,— писала еще 14 июня 1936 года в передовой статье газета «Правда»,— был политическим бойцом ... головы до ног. Стрелы его критики были направлены значительно дальше и попадали они в цель значительно большую, чем литература

Отсюда определенные круги общества по-разному относились к литературно-критической деятельности Виссариона Григорьевича Царское правительство принимало все меры, чтобы не допустить распространения революционных идей Белинского, старалось вычеркнуть его имя из истории развития русской общественной мысли Эту точку зрения в первую очередь разделяли приверженцы само-

[illegible] К[illegible] П[illegible], М. Н. Н[illegible], М. Н. К[illegible], С. П. Ш[illegible], князь П. А. Вяземский и им подобные. Они стремились очернит[illegible] [illegible]ие критика, доказать, что он ничего не внес нового в лит[illegible] [illegible] и не имеет никаких заслуг перед потом[illegible]

К реакционному крылу гонителей всего лучшего, чем жила пер[illegible] Россия, присоединились также либеральные интеллигенты [в]сех мастей и направлений — от проповедника теории «чистого искусства» А. В. Дружинина до «легальных марксистов» и кадетов. Они пытались развенчать Белинского, выхолостить революционный [illegible] из его творчества и представить его как «натуру свят[illegible] Белинский, по их мнению, всю жизнь заблуждался и не предста[в]ляет какого-либо интереса для современности, ибо все напр[illegible] и течения «сороковых годов, — вещал в 1896 году либ[illegible] народник С. Н. Южаков,— окончательно изжиты и отошли [illegible] пр[illegible]

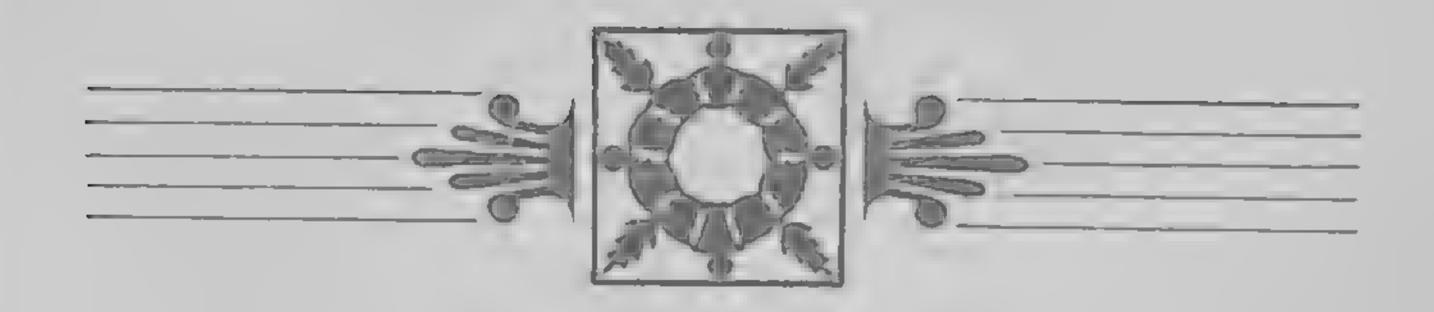
Но в России нашлись достойные силы, которые смогли защитить [illegible]чайшее наследие Белинского, отстоять его заслуги перед обществом, воскресить и дальше развить его идеи. Во главе этого направления встали Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбо[в]

С зарождением российской социал-демократии творчество Бе[л]инского, его революционно-демократические взгляды нашли горячую поддержку у русских марксистов во главе с В. И. Лениным. Высоко оценивая исторические заслуги выдающегося критика, Вла[illegible] Ильич указывал: «Предшественником полного вытеснения [illegible]рян разночинцами в нашем освободительном движении был еще при крепостном праве В. Г. Белинский. Его знаменитое «Письмо к Гоголю», подводившее итог литературной деятельности Белинско[го], было одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пор[у]»[*].

В предлагаемой читателям работе автор на основе архивных [illegible]нтов и обобщения разнообразного печатного материала, опубликованного в различных газетах, журналах, книгах более чем [illegible]летний период, сделал попытку впервые в истории белинсковедения кратко охарактеризовать идейную борьбу за наследие и [illegible]ие памяти выдающегося революционного демократа и основоположника реалистической эстетики; показат[ь], как распространялись его бессмертные творения среди братских народов нашей страны и за рубежом. Наряду с этим отдельные страницы книги посвящены семье Белинского, которая смогла сберечь для потомства многие бесценные рукописи близкого и дорогого ей человека.

---

[*] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 94

СТРАШНОЕ ВРЕМЯ

По Лиговской улице Петербурга от дома Галченкова в сторону Волкова кладбища тянулась бедная и печальная, человек в двадцать, процессия. Она не привлекала особого внимания встречных. Только немногие с почтением обнажали голову и в скорбном молчании подолгу смотрели вслед удалявшемуся похоронному шествию.

Из числа провожавших этот гроб, писал в своих воспоминаниях И. И. Панаев, собственно литераторов было, может быть, не более пяти-шести человек,— остальные принадлежали к людям простым, не пользовавшимся никакою известностью, но близким покойному». Запомнились мемуаристу еще какие-то две или три подозрительные личности, которые появлялись и на пути к кладбищу, и в церкви при отпевании, и на могиле при опускании гроба. Чего хотели они, чем могли возбудить их любопытство эти бедные похороны?

Вполне понятно, что И. И. Панаев не мог открыто в тот период дать ответ на поставленный вопрос. Однако он хорошо знал, в каком ведомстве служили эти «личности» и по чьему приказу они так внимательно за всем следили, прислушивались к разговорам. Позже, рассказывая о последних днях В. Г. Белинского, Н. А. Некрасов подчеркивал: «Вы себе представить не можете, что это за время было. Он умирает, а тут каждый день из III отделения о нем справки наводят, жив ли еще

Место для захоронения выбрали в самой дешевой части кладбища. В приходно-расходной книге церкви 28 мая 1848 года была сделана новая запись: «Виссарион Григорьевич Белинский. За копку могилы 1 руб.

За катафалк 2 руб. На храм 50 коп. За место по 5 разряду 5 руб.

На кладбище над умершим совершили положенную церемонию. Рядом с другими такими же убогими холмиками вырос новый, который венчал наспех сделанный деревянный крест. Над гробом речей не произносили, а в печати появилось лишь несколько коротких сообщений, затерявшихся среди объявлений о житейских происшествиях, рыночных ценах и т. д. Например, «Санкт-Петербургские ведомости» 29 мая 1848 года писали: «23-го мая, в 5-ть часов утра, скончался в С.-Петербурге известный литератор и критик Виссарион Григорьевич Белинский». Причем здесь дата его смерти указана неверно.

По словам И. И. Панаева, ни одна редакция журнала, за исключением трех-четырех, «не сочла необходимым отдать последний долг своему собрату, который честно всю жизнь отстаивал независимость слова и мысли, всю жизнь энергически боролся с невежеством и ложью...».

Однако и в тех немногих некрологах, которые были помещены в ряде журналов, уже тогда, над свежей могилой «неистового Виссариона», четко определялось отношение различных общественных кругов и групп не только к его памяти, но и литературному наследию. В силу цензурных условий наиболее прогрессивные печатные органы не могли раскрыть значения гениального критика-демократа в развитии революционных идей, рассказать о нетленных творениях этого человека, той роли, которую он сыграл в становлении и эволюции передовой русской культуры.

Даже «Современник», где последние полтора года работал В. Г. Белинский, ограничился скромным сообщением о смерти своего сотрудника. В разделе «Современные заметки», находящемся в самом конце шестого номера журнала, наряду с информациями о периоде переселения на дачи жителей Петербурга, всходах хлебов и трав, открытии пассажа, об уставе общества для страхования скота в России, заметках о погоде, присуждении Демидовских наград, в десятистрочном известии редакция уведомляла читателей: «В Петербурге, 26 мая в 5 часов утра, после продолжительной болезни, скончался известный литератор Виссарион Григорьевич Белинский».

Опасаясь «недремлющего ока» царских сатрапов, редакция журнала в предельно завуалированной форме писала о благотворных результатах творчества критика и той тяжелой атмосфере, в которой приходилось ему трудиться. В некрологе говорилось: «Литература составляла исключительное его занятие и была для него единственным средством к существованию. Плоды его непрерывной осьмнадцатилетней деятельности весьма многочисленны. Без сомнения, невозможность прекратить занятия, при упадке сил, была одной из главных причин пагубного действия чахотки, которая при условиях более благоприятных, может быть, и не обнаружила бы столь решительного и быстрого влияния, если взять в соображение лета покойного».

Действительно, за сравнительно непродолжительное время он написал огромное количество статей и рецензий, в своих трудах впервые в мировой науке разработал теорию реализма и народности в искусстве, сформулировал и обосновал основные каноны революционно-демократической эстетики, заложил прочный фундамент боевой реалистической критики в осмыслении и оценке художественного творчества. Наряду с этим В. Г. Белинский стремился к активному воздействию на все стороны жизни, революционному преобразованию русского общества. Таким образом, все его бессмертные творения объединяла одна общая идея — идея патриотического служения Родине, желание всемерно содействовать благу народа. Этому же были подчинены и социологические, и философско-материалистические воззрения В. Г. Белинского.

Проповедуя свои революционно-демократические взгляды, Виссарион Григорьевич проявлял небывалое [illegible] и [illegible] героизм. Несмотря на тиранство и ужасный удел, ожидавший всякого, кто «осмеливался поднять свою голову выше уровня, начертанного императорским скипетром», он смело вел борьбу с самодержавными [illegible] строевщиной. Своим личным примером, [illegible] и дерзновенными помыслами Белинский оказывал огромное влияние на молодых людей из числа писателей, поэтов, мелких чиновников из разночинной среды, преподавателей и учащихся средних и высших учебных заведений. Характеризуя общественную атмосферу тех лет, И. С. Тургенев указывал: «Тяжелые тогда стояли

гремел... Пусть читатель сам посудит: утром тебе, быть может, возвратили твою корректуру, всю исполосованную, обезображенную красными чернилами, словно окровавленную... Бросишь вокруг себя мысленный взор: взяточничество процветает, крепостное право стоит, как скала, казарма на первом плане, суда нет, носятся слухи о закрытии университетов... а тут еще шипят и расползаются доносы; между молодежью ни общей связи, ни общих интересов, страх и приниженность во всех, хоть рукой махни! Ну, вот и придешь на квартиру Белинского, придет другой, третий приятель, затеется разговор, и легче станет; предметы разговоров были большей частью нецензурного (в тогдашнем смысле) свойства

Пожалуй, трудно найти еще кого-либо из тогдашних литераторов, кто с таким самопожертвованием и стойкостью мог писать и говорить о всех язвах николаевской России, обличать существующие полицейские порядки. Не Белинский! Многих одолевала трусость, боязнь «угодить в Петропавловку» или на каторгу в Сибирь, попасть «в черные жандармские списки» или лишиться теплого местечка.

Типично в этом отношении поведение Н. А. Полевого, Н. И. Надеждина и ряда других журналистов, писателей, которые стали ретроградами, изменили своим «вольнолюбивым» убеждениям, превратившись в реакционеров, завзятых противников всякого прогресса. И. И. Панаев писал в воспоминаниях: «К числу петербургских журналистов этого времени принадлежал бывший издатель «Московского телеграфа», с которым Белинский находился одно время в Москве в очень близких отношениях...

В Петербурге Белинский не виделся с ним. Полевой избегал его потому, что после совершенной перемены в своих убеждениях ему, кажется, неловко было взглянуть прямо в глаза Белинскому...

— Белинский — прекраснейший, благороднейший человек! — сказал мне однажды Полевой...— Но теперь нам сходиться не для чего-с. Я здесь совсем не тот-с. Я вот должен хвалить романы какого-нибудь Штевена, а ведь эти романы галиматья-с.

— Да кто же вас заставляет хвалить их? — спросил я с удивлением

— Нельзя-с, помилуйте, ведь он частный пристав.

— Что ж такое? Что вам за дело до этого?

— Как что за дело-с! Ра[illegible] — и, пожалуй, подкинет кто мне в [illegible] вещи да и обвинит меня в краже. Меня и [illegible] на веревке-с, а ведь у меня семейство!

У меня сжалось сердце при этом страшном признании. И это говорил тот человек, который некогда энергически преследовал всякую подлость, проповедовал о свободе духа, о человеческом достоинстве!

Мог бы поступиться своей совестью и Белинский, который постоянно испытывал острую нужду. Он неоднократно признавался: «Беда, да и только. Нет никакого выхода. Или продай свое убеждение, сделай из себя пишущую машину — или умирай с голоду». В другом месте из его переписки с близкими друзьями читаем: «Едва родится во мне сознание силы, едва почувствую я теплоту веры, как квартира, дрянная лавчонка, сертуки, штаны, долги и вся эта мерзость жизни тотчас убивают силу и веру... в комнате хоть волков морозь, а в кармане хоть выспись».

Однако своими мнениями и свободой их высказывания Белинский весьма дорожил и считал величайшим преступлением торговать ими в розницу или оптом. Когда в Москве Погодин и Шевырев задумали организовать свой журнал, Белинский писал: «Мне... предлагалось сотрудничество, но чорт возьми этих подлецов и идиотов, не надо мне их и денег, хоть осыпь они меня золотом с головы до ног» (XI, 158, 178, 223)

И Белинский с честью облекал эту непоколебимую заповедь в плоть и кровь. Даже в самые трудные моменты своей деятельности, в обстановке постоянных доносов, цензурных преследований, он умело обходил все препоны и преграды на пути к намеченной цели. Об этом прекрасно сказал в своих мемуарах И. И. Панаев. Чтобы проводить в то время смелую, независимую мысль сквозь тупую цензуру, вооруженную, впрочем, очень острыми ножницами, подчеркивал он, необходима была глубокая вера в свои убеждения, соединенная притом с величайшим литературным тактом

За десятилетний период совместной журнальной деятельности И. И. Панаев прекрасно изучил особенности литературно-критической тактики своего близкого друга. Иван Иванович свидетельствовал в воспоминаниях: «Белинский, убедившись в своем настоящем призвании

и проникнувшись горячей верой в свои убеждения, приобрел удивительную способность газировать свою мысль и проводить ее незаметно от цензора, несмотря на его строгий надзор...»

И далее мемуарист с грустью писал: «Но все это стоило Белинскому страшных усилий, и притом не всегда удавалось сдержать свою энергическую, кипучую натуру, тайком проводить мысль, удовлетворяться иногда только одними намеками на нее... Для него это была невыносимая пытка. Он страдал, выбивался из сил и горько жаловался...»[5]

Подобные жалобы на беззаконные действия властей можно встретить во многих письмах В. Г. Белинского. Например, сообщая И. И. Панаеву о затруднениях с выходом очередных журнальных книжек, он с прискорбием писал о том, что в цензуре «царствует совершенный произвол: вымарывают большею частью либеральные мысли, подобные следующим: 2×2=4, зимою холодно, а летом жарко, в неделе 7 дней, а в году 12 месяцев» (XI, 260).

О неподдельности и прямоте воззрений великого критика писал в некрологе о нем известный в то время драматург и театральный критик, издатель и редактор умеренно либерального журнала «Пантеон и Репертуар русской сцены» Ф. А. Кони. В июньском номере этого журнала он удостоверял: «Как человек, Белинский принадлежал к числу небольшого остатка баснословно честных людей, которые внутреннего своего судию ставят выше всех благ земных и, в ущерб житейских выгод, ищут только успокоения в своей душевной убежденности..

Кони говорил, что «по своему оригинальному взгляду, благородному направлению и способу передавать своих идей» Белинский представлял собой «замечательное явление в русской критике». Он был постоянно проникнут «духом пользы отечественной литературы, желал ей преуспевания, старался обратить ее творчество к самородным, национальным источникам и потому нередко разбивал критическим же злом старые кумиры, которые, держа ее в оковах, совращали с пути оригинального и самостоятельного развития. В этом стремлении возвышенном и сознательном состоит главная заслуга покойного».

Вместе с тем Ф. А. Кони не удержался и от того,

чтобы запятнать светлый образ умершего. В некрол[illegible] говорилось о его «односторонности и желчно[illegible] страстности и шаткости критических суждени[illegible] П[illegible]ную же мысль проводил и журнал «Отече[illegible] записки». [illegible] А. А. Краевским [illegible] Белинск[illegible] [illegible] из человека кровь и [illegible]

Все современники [illegible] Кра[illegible] как о беспринципном [illegible] человеке, «обиженн[illegible] И. С. Т[illegible], природой насчет эстети[illegible] В [illegible] мемуарах Иван Сергеевич писал: «Ему, например, [illegible]нибудь из кружка Белинского приносил новое стихотворение и принимался читать, не предварив своей жертвы ни одним словом, в чем состояла суть стихотворения и почему оно удостаивалось прочтения. Тон сперва пускался иронический; издатель, заключивший из этого тона, что ему хотят предоставить образчик безвкусия или нелепости, начинал посмеиваться, пожимать пле[illegible]ми; тогда чтец переводил понемногу тон из [illegible] в серьезный, важный, восторженный; издатель [illegible], что он ошибся, не так понял, начина[illegible] мычать, качать головою, иногда даже п[illegible] «Недурно! хорошо!». Тогда чтец снова прибе[illegible]ским нотам и снова увлекал за собою слу[illegible]вращался к восторженному настроению — и тот опять похваливал... Если стихотворение попадалось длинное, подобные вариации, напоминающие игру в головки из каучука, то и дело меняющие свое выражение под давлением пальцев, можно было совершат[illegible] Кончалось тем, что несчастный издатель приходил в совершенный тупик и уже не изображал на своем, впрочем весьма выразительном, лице ни сочувственного одобрения, ни сочувственного порицания

Может быть, И. С. Тургенев несколько сгустил краски. Но факт оставался фактом: Краевский не смог «поднять» журнал на должный уровень. Его ежемесячные книжки представляли собой случайно составленные сборники, не имевшие своего лица. Особенно слабым выглядел отдел критики и библиографии, который то[illegible] считался наиважнейшим в каждом литературном журнале, ибо он определял направление издания и свидетельствовал, насколько оно [illegible]

В результате подобных изъянов осложнялись дела как с распространением «Отечественных записок», так и их финансовым положением. Уже к середине 1839 года убытки составляли около сорока тысяч рублей (ассигнациями). Краевский отлично понимал, что если журнал не обретет определенного направления, то в недалеком будущем может наступить банкротство. Для дельца и предпринимателя такой исход был бы гибельным. Приглашенные им журналисты не оправдали надежд.

Содержатель «Отечественных записок» хорошо знал способности В. Г. Белинского, однако отзывался о нем нелестно. И все же «рыцарь чистогана», несмотря на идейные расхождения, решил пригласить даровитого критика в «Отечественные записки», ибо был уверен, что только он сможет сделать их конкурентоспособными с другими изданиями. 17 июля 1839 года А. А. Краевский в своем послании свидетельствовал

Милостивый государь, Виссарион Григорьевич... Я писал уже И. Панаеву, который, вероятно, вам передал, — с каким удовольствием я готов разделить с вами журнальные труды свои. Об условиях говорить нечего: они общи для всех; но я буду благодарить судьбу, если она доставит мне случай сделать для вас что-нибудь больше. Ваш благородный характер, добросовестность и дарования ваши ручаются мне за то, что вы будете стараться о нашем общем деле, как бы старались о своем, частном. Цель у нас общая, за средствами, по крайней мере с вашей стороны, дело не станет, а мелкие разноречия могут всегда легко уничтожаться взаимными уступками. Следственно, и толковать не о чем. Контракт между нами сделан... приезжайте (т. е. переезжайте), бога ради, поскорее в Петербург

В беседах с известным филологом-славистом И. И. Срезневским Краевский говорил, что вся его на-дежда на Белинского. И когда он в октябре приехал из Москвы и явился в контору «Отечественных записок», рассказывал позже Измаил Иванович, их редактор и издатель побежал навстречу Белинскому с восклицанием: «Наконец-то, спаситель! Только ты можешь поднять и поддержать журнал»

В. Г. Белинский отдавал все силы, чтобы сделать «Отечественные записки» ведущим журналом России. Виссарион Григорьевич сумел объединить вокруг них лучших литераторов из числа молодых поэтов, писате-

лей, придать своему детищу боевой, нас[illegible]ный дух. Когда Краевский, писал в мемуарах И. И. Панаев, [illegible]метил перемену направления в [illegible], это сначала крайне удивило его. Делать, впр[illegible]ем, [illegible] нече-го. В области мысли он не так был силен, [illegible] в области денежных расчетов, и должен был покориться [illegible]но Белинскому... К тому же новое направление, может быть, еще обещало усиление подписки. Вот начало либерализма Краевского...»[9].

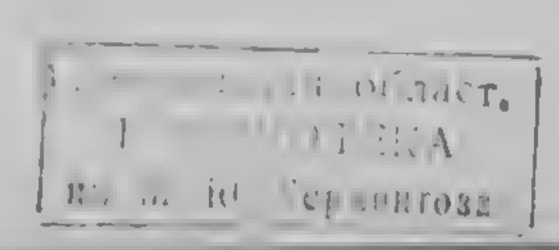
И. И. Панаев имел все основания сделать такой вывод, ибо весьма всесторонне знал Краевского. Они, [illegible] свояки, постоянно общались, особенно дружили их жены — сестры Авдотья Яковлевна и Анна Яковлев[illegible]

Поэтому, на наш взгляд, не убедительно звучат аргументы некоторых литературоведов, которые пишут о том, что основная цель, преследуемая Краевским, заключалась «в желании создать журнал с новым направлением», развернуть борьбу «с пресловутым триумвиратом реакционных журналистов Булгарина, Греча и Сенковского». Краевский якобы «глубоко понимал» необходимость такого журнала и «быстро добился того, что «Отечественные записки» заняли выдающееся положение в тогдашней русской журналистике

Во-первых, клеймил позором Булгарина, Греча и Сенковского еще в 1834—1836 годах на страницах «Молвы» и «Телескопа», затем в 1838—1839 годах в журнале «Московский наблюдатель» Белинский. Так что в лучшем случае Краевский мог лишь продолжить его традицию, но почему-то не делал этого, ибо до прихода Виссариона Гри[illegible] в «О[illegible] [illegible]ски» на их страницах не было ос[illegible] [illegible] статей, направленных против [illegible]. Не [illegible]лялись такие материалы и в [illegible]ниях к Русскому инвалиду», [illegible] вал Краевский с 1837 года.

Во-вторых, на первом плане у него всегда стояли коммерческие цели: «свалить» своих конкурентов, особенно «Библиотеку для чтения», имевшую самое большое число подписчиков из всех журналов, которые в то время издавались.

В-третьих, поднять свой престиж как редактора и литератора. Не случайно же в одном из писем к Белинскому Краевский указывал: «...у нас критики и рецензии... не подписываются ни полными фамилиями, ни

начальными буквами; кто писал рецензию — это тайна, известная только редактору... каждая рецензия считается голосом всех, участвующих в журнале», т. е. прежде всего голосом редактора, самого Краевского. И вполне естественно, что он не прочь был выдавать ряд статей Белинского, печатавшихся анонимно, за свои.

В-четвертых, нет нужды особо доказывать, что «Отечественные записки» заняли ведущее место как в журналистике, так и общественной жизни России благодаря Белинскому, а не Краевскому.

Лицемерие этого человека в сочетании с надменностью и амбициозностью особо проявилось в некрологе о Белинском, помещенном в июньской книжке «Отечественных записок». Сообщив о кончине бывшего своего сотрудника, сказав в нескольких словах о его болезни, Краевский далее писал: «Очень нередко заблуждался он в своих литературных мнениях; заблуждения его происходили иногда, может быть, от недостатка знаний, иногда от пылкости впечатлительной души, но, при достаточно сильном опровержении, он легко от них отказывался. Да и кто из нас не заблуждался? Кто так самоуверен, что почтет себя вправе бросить камень в эту свежую могилу, вместо христианского напутствия, да покоится в мире усопший брат наш».

Издатель и редактор журнала давал понять читателям, что именно ему приходилось «довольно сильно опровергать» частые «заблуждения» Белинского, своей «ученостью» помогать критику и направлять его «на путь истинный». Данная трактовка потом стала широко распространяться в реакционной печати.

Если в некрологе Краевский говорил о «непреклонной честности и благородстве поступков» Белинского, то позже он фарисейски восклицал: «Мы... никогда не благоговели перед ним, как перед человеком», страдавшим крайним самолюбием, которое «убивало его наравне со страданием легких».

Если в «Современнике» указывалось, что действия чахотки у Белинского усугублялись «неблагоприятными условиями», в которых он находился, то у Краевского получалось наоборот: именно «невыносимый характер», «самолюбие» критика, приверженность «к лести и потворству» довели его «до преждевременной смерти».

Словом, издатель «Отечественных записок» пытался, как говорят, навести тень на ясный день и тем самым

раскрывал свое двуличие либерала и апологета самодержавия. Беспокоясь о своем благополучии и о своих коммерческих делах, он в начале 1846 года посетил председателя цензурного комитета графа М. Н. Мусина-Пушкина и сетовал на то, что в его журнале получила засилие партия Белинского, с которым решил расстаться. Именно об этом факте сообщал Виссарион Григорьевич 20 марта 1846 года А. И. Герцену. Говоря о Краевском, Белинский писал: «Слышал я, что он распространяет слухи, что хочет мне отказать, как человеку беспокойному и его изданию опасному. Поздно хватился!» (XII, 268).

В это же время поступил донос на Белинского и на «Отечественные записки», составленный тайным агентом III отделения, издателем пресловутой газеты «Северная пчела» Ф. В. Булгариным. В пространной записке на имя начальника штаба корпуса жандармов Л. В. Дубельта этот завзятый монархист указывал, что «Отечественные записки» издаются явно, без всякого укрывательства в духе коммунизма, социализма и пантеизма» и производят «в России такое действие, какого никогда не бывало».

Далее говорилось о влиянии журнала на «безрассудное юношество и огромный класс, ежедневно умножающийся, людей, которым нечего терять и в перевороте есть надежда все получить». К ним Булгарин причислял кантонистов, семинаристов, детей бедных чиновников и прочих выходцев из низов, почитающих «Отечественные записки» «своим евангелием», а Белинского их первым министром.

Сделав в доказательство приводимых суждений выписки из статей критика, Булгарин подчеркивал: «Все направление или tendence «Отечественных записок» клонится к тому, чтобы возбудить жажду к переворотам и революциям, и это проповедуется в каждой книжке».

В указанном доносе Булгарин взял в союзники Б. М. Федорова. Об этом бездарном романисте и драматурге Белинский с сарказмом писал

1) Я не надеваю перчаток, принимаясь за сочинение г. Б. Федорова, и вообще не принимаю в таких случаях предосторожностей, употребляемых, когда хотят взять в руки что-либо неприятное и неопрятное

2) Я не засыпаю за сочинениями г. Б. Федорова и не вижу во сне, навеянном ими, самолюбивой и жалкой

безопасности, которая ведет подробнейший журнал всего, что кажется ей преступлениями в ее противнике».

В конце 1845 года Белинский опять говорил о Булгарине, Федорове и им подобных людях, как о нечистоплотных ябедниках и наушниках. Имея в виду себя, он указывал: они «объявят вас человеком беспокойным, опасным, подозрительным, ренегатом и будут писать на вас литературные доносы» (IX, 24, 437).

У Белинского, видимо, был надежный источник информации, ибо он не только знал о таких пасквилях, но имел и представление об их содержании, чреватом опасностью. В частности, Булгарин, ссылаясь на Федорова, писал: «Это человек честный, благородный, без упрека и истинный патриот, преданный церкви и престолу. Он собирает все выписки из «Отечественных записок». У него семь корзин с выписками, методически расположенными с заглавиями: противу бога, противу христианства, противу государя, противу самодержавия, противу нравственности и т. п.»

Третье отделение заинтересовалось «корзинами» Федорова. Оказалось, что все указанные выше «материалы» представляли собой извлечения из статей Белинского. Дело ограничилось тем, что Краевский, как издатель, «получил внушение», а Виссарион Григорьевич вскоре расстался с «Отечественными записками» и с января 1847 года встал во главе журнала «Современник».

Либералы, группировавшиеся вокруг издания Краевского, последнее время наряду с цензорами и реакционерами, создавали неблагоприятную обстановку для творчества критика. Прибегая к различным закулисным козням, они распространяли слухи о том, что «неистовый Виссарион» «живет иллюзиями», что у него «нет своего мнения» и он «выписался». Для них были неприемлемы революционно-демократические взгляды Белинского, его непримиримая борьба с эпигонами «чистого искусства», оторванного от жизни и насущных потребностей российской действительности.

Выражая мнение приверженцев «безыдейного» творчества, В. П. Боткин 3 апреля 1847 года писал Краевскому: «Скажу вам по секрету: я считаю литературное поприще Белинского поконченным. Он сделал свое дело. Теперь нужно и больше такта, и больше знания. Еще о

русской литературе он может говорить ... вы, сделалась рутиною, а чуть ... на нее, из рук вон пл...

Чрезвычайно враждебно относились к Белинскому ...щитники так называемой теории «официальной н...ности», которая включала в себя три заповеди: «православие, самодержавие, народность». Их позицию выр...ил в некрологе Виссариону Григорьевичу сподручник небезызвестных реакционеров Н. И. Греча и Ф. В. Б...гарина, издававший в прошлом вместе со своим ... «Московский телеграф» Ксенофонт Полевой. ... десять дней после смерти великого критика он в газете «...Петербургские ведомости» писал: «...вкус его, не изощренный ни основательным учением, ни собственными упражнениями в литературе, ни даже систематическим и разнообразным чтением, часто увлекал его ... пошлости и в безобразие выражений и слога. Ч... ...нется от всей груды его критик? Несколько идей, дурно выр...енных».

Это была не сиюминутная вспышка тупой злобы ... Белинскому и всему передовому в тогдашней литературе.

В некоторых изданиях, посвященных истории развития русской критики и журналистики, указывается, что с самого начала 50-х годов прошлого века Кс. Полевой «совсем отошел от литературы». С подобными утверждениями нельзя согласиться. Бесповоротно скатившись в крайне консервативное ..., он продолжал борьбу с прогрессивными течениями в русской общественной мысли и в более поздний период.

Вслед за Кс. Полевым поспешили высказать свое отношение к Белинскому прямые носители и идеологи политики «официальной народности» М. П. Погодин и С. П. Шевырев. Первый из них в августовском номере журнала «Москвитянин» за 1848 год поместил статью под названием «Несколько слов по поводу некрологов В. Белинского». Профессор Московского университета недоумевал, как же Краевский мог назвать его «очень честным человеком», а Кс. Полевой обмолвился о каком-то ...бы «уме критика». «Охотно верим этим свидетельствам»,— писал с иронией Погодин. И далее он с желчью говорил о том, что «незабвенный критик» лишен всякого образования, не занимался никогда ни одною наукою, не имел понятия и ни об одной литературе... В

таким легким вооружением вздумал он преобразовать совершенно русскую словесность и уничтожить все авторитеты. «Отечественные записки» и провозгласили его своим диктатором... Вариации его были бесконечныя и утомительныя». Вынеся приговор творчеству Виссариона Григорьевича и тем добрым словам, которые были сказаны о нем в некрологе, помещенном в журнале «Современник», Погодин в припадке гнева кликушествовал: «Между тем, найдите мне в этих почти пятнадцатилетних рассуждениях хоть одну мысль собственную, теоретическую или критическую. Ни одной! Или общие места, или чужие мысли!»

В отличие от Кс. Полевого и других недругов великого русского критика Погодин и Шевырев поддерживали прочные контакты с высоким начальством. Их голос не оставался «вопиющим в пустыне». Например, Шевыреву казалось, что А. В. Никитенко проявляет либерализм в исполнении своих служебных обязанностей. В одном из писем именитый издатель журнала «Москвитянин» указывал: «Мне хочется проучить этого дурака за то, что, цензируя «Отеч. записки», позволяет в них всякую против нас мерзость и как будто заодно с ними». А вскоре министр народного просвещения С. С. Уваров предложил чиновникам С.-Петербургского цензурного комитета «не щадить «Отечественных записок», ибо у этого журнала «дурное направление — социализм, коммунизм» и т. д. Подобные распоряжения об усилении контроля за статьями критика Уваров давал неоднократно и позднее, когда Белинский работал уже в журнале «Современник», который издавали И. И. Панаев и Н. А. Некрасов.

Все это до предела отравляло моральные и физические силы Виссариона Григорьевича. К тому же не прекращались доносы. Царские власти усилили надзор за его деятельностью. В письме 6 февраля 1847 года он [illegible] речью указывал: «Никитенко так поправил одно [illegible] моей статье о Гоголе, что я до сих пор хожу, [illegible] получившим в обществе оплеуху... А там [illegible] цензора подрадели — и все это произвольно, без [illegible] 28 февраля критик писал: «Природа осудила меня лаять собакою и выть шакалом, а обстоятельства велят мне мурлыкать кошкою, вертеть хвостом [illegible] лисьи». В письме от 4—8 и 22 ноября Белинский опять говорил о том, что его статью «Ответ «Москвитя-

нину» страшно ошельмовали, что «она искажена цен[illegible] рою варварски» (XII, 322, 339, 422, 432).

23 февраля 1848 года шеф корп[illegible] А. Ф. Орлов, познакомившись с первой статьей Бели[illegible]ского «Взгляд на русскую литерату[illegible] 1847 г[illegible]кованной в январском номере «Совре[illegible] 1848 год, отметил многие «крамольные» места и, [illegible]стности, такие слова: «Есть еще особенный р[illegible] «прогресса» — это люди, которые тем сильнейшую [illegible]ствуют к этому слову ненависть, чем лучше [illegible] его смысл и значение. Тут уже ненависть соб[illegible] к слову, а к идее, которую оно выражает, и на невинном слове вымещается досада на его значение. Им, этим людям, хотелось бы уверить и себя и других, что застой лучше движения, старое всегда лучше ново[illegible] задним числом есть настоящая, истинная [illegible]ненная счастья и нравственности. Они соглашаются, хотя и с болью в сердце, что мир всегда изменялся и никогда не стоял долго на точке нравственного замерзан[illegible] этом-то они и видят причину всех зол на свете...» (см. X, 280—281).

Высокопоставленный чиновник усмотрел в статье Белинского пропаганду «вольнолюбивых идей». В докладной записке III отделению А. Ф. Орлов указывал, что вводимые иностранные слова, такие, как прогресс, принципы, доктрина, имеют аллегорическое значение и «в молодом поколении они могут поселить мысли [illegible] политических вопросах Запада и коммунизме[illegible]

О зловредном направлении журналов, кот[illegible] главлял Белинский, сообщали правительству бывший попечитель Московского университета граф С. Г. Строганов и статс-секретарь М. А. Корф. Последний из них в свое оправдание позже писал: «Среди жгучей тревоги, вдруг овладевшей всеми нами, вследствие парижских вестей, нельзя было не обратить внимания на на[illegible] журналистику, в особенности же на два журнала: «Отечественные записки» и «Современник». Об[illegible] малоразумием тогдашней цензуры, позволяли себе печатать бог знает что, и проповедуемые ими, под ра[illegible]ными иносказательными, но очень прозрач[illegible] посвященных, формами, коммунистические ид[illegible] сделаться небезопасными для общественного спокойствия. Беспрерывно размышляя о том, чем можно было бы это оградить и упрочить в виду судорожных движений

[illegible]... я набросал несколько мыслей о действиях наших периодических изданий и цензуры; но долго колебался дать им ход, из опасения явиться в глазах других, а еще более, в своих собственных, каким-то доносчиком. Рассудив, однако, что жертвовать на общее благо ничтожною своею личностью есть священный долг каждого из нас... я решился отвезти мою записку к наследнику цесаревичу... и исполнил на другой же день после получения известия о французской республике, т. е. 23 февраля вечером.

Спустя четыре дня А. Ф. Орлов сообщил министру народного просвещения графу С. С. Уварову, что, «по дошедшим до государя императора из разных источников сведениям о весьма сомнительном направлении наших журналов», он на его докладе по этому предмету наложил резолюцию: «Необходимо составить комитет, чтобы рассмотреть, правильно ли действует цензура и издаваемые журналы соблюдают ли данные каждому программы. Комитету донести мне с доказательствами, где найдет какие упущения цензуры и ее начальства, т. е. министерства народного просвещения, и которые журналы и в чем вышли из своей программы. Комитету состоять под председательством генерал-адъютанта князя Меншикова, из действительного тайного советника Бутурлина, статс-секретаря барона Корфа, генерал-адъютанта графа Александра Строганова, генерал-лейтенанта Дубельта и статс-секретаря Дегая. Уведомить о сем кого следует... а занятия комитета начать немедля».

В приведенном документе ясно говорилось о целях [illegible] Меншиковского комитета: рассмотреть правильность действия цензуры и донести о ее упущениях. Таким образом, эти административные меры носили ограниченный характер. Однако в ходе проверки публикаций в периодических изданиях были выявлены другие «недозволенные к всеобщему обозрению» материалы.

Шеф жандармов А. Ф. Орлов сообщал царю, что особый характер журналистике придает Белинский, который «всегда отличался от других критиков грубым тоном и резкостью своих суждений». Это приводит «молодых людей,— делал он вывод,— к неуважению всего, к чему народ питает благоговение». В подтверждение верный страж самодержавия и крепостных порядков приводил [illegible] корпуса горных инженеров Банико-

[illegible] который [illegible] журнала «Отечественные [illegible] уважению... и властей, и настоящего порядка дел, и даже особы Вашего Императорского Величества [illegible]

Орлов подчеркивал, что журнал «Отечественные записки» со времени ухода из него Белинского «сделался умереннее в нравственном отношении». «Было бы п[illegible]лезно,— советовал жандарм,— усилить строгости цен[illegible]урного устава», не допускать в печать «не только прям[illegible] преступных мыслей, но даже коммунистических и [illegible]гических намеков, сомнительных выражений», запрещать «грязные сочинения натуральной школы, которые рано или поздно повредят народной нравственности». С[illegible] же Белинского надобно, прежде чем напе[illegible], п[illegible]вер[illegible]гать «наистрожайшему просмотру [illegible]»[illegible]

Барон М. А. Корф так об[illegible]нял возникн[illegible] комитета. В своих «Записках» он [illegible] ревизия близилась к концу и н[illegible] «[illegible]венность» периодической печати, сам собой [illegible] вопрос: раз министерство просвещения недостаточно зорко смотрит за нею, не нужен ли наблюдатель и над ним самим? Кроме того, оставалась вся книжная литература, необревизованная князем Меншиковым.

Государя умели убедить в соответствующем разрешении этих вопросов, и вот у него родилась мысль «учредить, под непосредственным своим руководством, всегдашний безгласный надзор за действиями нашей цензуры. С этой целью *вместо* прежнего *временного* комитета учрежден был, 2 апреля, *постоянный* из члена государственного совета Д. П. Бутурлина, статс-секретаря Дегая и меня, с обязанностью представлять все замечания и предложения свои непосредственно государю

Учредив особый комитет по надзору «за духом и направлением русской литературы», царское правительство предоставило ему огромные права. Сподручные Бутурлина установили негласный надзор за наиболее прогрессивными деятелями, расставили широкую сеть тайных агентов, которые работали в тесной взаимосвязи с III отделением.

В результате образовалась двоякая цензура: предупредительная, которая предварительно просматривала предназначенные для печати произведения, и карательная, следившая за изданиями, уже вышедшими в свет.

Никто из цензоров и авторов не знал о достоверном существовании такого комитета и его функциях. Профессор Петербургского университета и цензор А. В. Никитенко оставил в своем «Дневнике» такую запись: «Распространялись слухи, что комитет особенно занят преследованием вредных идей коммунизма, социализма, всякого либерализма, истолкованием их и измышлением жестоких наказаний лицам, которые излагали их печатно или с ведома которых они проникали в публику. «Отечественные записки» и «Современник», как водится, поставлены были во главе виновников распространения этих идей... Ни от кого не требовали объяснений; никому не дали знать, в чем его обвиняют, а между тем обвинения были тяжкие». Далее Никитенко указывал, что Бутурлин действует в качестве председателя какого-то высшего негласного комитета в цензуре, и действует так, что становится невозможным что бы то ни было писать и печатать.

Многие исследователи 40—50-х годов прошлого столетия считают, что создание бутурлинского комитета связано главным образом с усилением революционных событий в Западной Европе. Следует учитывать и нарастание антикрепостнической борьбы передовых сил России, которые воспитывались на идеях Белинского. Царизм в 40-х годах больше боялся не европейских событий, а русской действительности. Деятельность Белинского, Герцена, направленность журналов «Отечественные записки», «Современник» вызывали тревогу у III отделения. Об этом свидетельствуют доклады на имя царя и журнальные записи особого комитета.

В одном из таких документов говорилось: «До 1848 года (надо: до 1846 г.— *П. М.*) журнал «Отечественные записки», издававшийся тогда при содействии Белинского, Герцена и других участников так называемой «новой» школы, имел вообще весьма вредное направление, так что вместе с журналом «Современник» с д е л а л с я д а ж е г л а в н ы м п о в о д о м к у ч р е ж д е н и ю о с о б о г о, под непосредственным Высочайшим руководством Государя Императора, н а д з о р а з а д у х о м и н а п р а в л е н и е м н а ш е й л и т е р а т у р ы...»[14] (разрядка моя.— *П. М*).

В результате систематического преследования со стороны правительства творческая деятельность Белинского в последние месяцы его жизни не только огра-

ничивалась, а практически запрещалась. Почти все его статьи в «Современнике» помещались без подписи, за исключением некоторых, обозначенных инициалами «В. Б.». Издатели журнала Некрасов, Панаев старались скрывать от правительства, от министра народного просвещения графа Уварова участие Белинского в их органе. Так, в ответе на запрос С.-Петербургского цензурного комитета И. И. Панаев 25 апреля 1848 года сообщал, что в отделе литературной критики журнала «Современник» Белинский лишь иногда помещал свои статьи, «но по тяжелой неизлечимой болезни ныне он вовсе не участвует»[13] (разрядка моя — *П. М.*)

Однако простой подсчет статей критика, опубликованных в «Современнике» за 1847 год и три месяца 1848 года, свидетельствует о его активном сотрудничестве в журнале. За это время в нем было опубликовано свыше сорока работ Виссариона Григорьевича, и среди них такие крупные произведения, как «Взгляд на русскую литературу 1847 года», «Современные заметки» (две статьи), «Ответ «Москвитянину», «Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя» и другие.

Правительство стремилось всячески ограничить деятельность великого русского критика, статьи которого вызывали страх у сатрапов царского трона. «Нынешнее поколение,— вспоминал один из его почитателей,— и даже поколение, ему предшествующее, едва ли могут представить себе живо и ясно, каким тяжелым и удушливым туманом было окружено... имя отца русской литературы и общественной критики. И современники Белинского с ужасом отскочили бы от человека, который отважился бы тогда открыто чествовать его, живого или мертвого

Официальные власти готовили жестокую расправу с Белинским. Не случайно комендант Петропавловской крепости И. Н. Скобелев при встрече с ним спрашивал «Когда же к нам? У меня совсем готов тепленький каземат, так для вас его и берегу». А начальник штаба корпуса жандармов Дубельт яростно сожалел, что Белинский умер, прибавляя: «Мы бы сгноили его в крепости»

Но происки властей не испугали истинных друзей и соратников Виссариона Григорьевича, которые с чувством глубокой скорби восприняли весть о его кончине.

Так, А. И. Герцен 23 июня 1848 года сообщал из Парижа писательнице Т. А. Астраковой: «На днях мы узнали о смерти Белинского — бесконечная жаль! Чудный был человек». Великий русский актер М. С. Щепкин 15 июня писал сыну: «...Белинский умер, жена и дочь без куска хлеба, и им собрали кое-что на первое время, а что будет дальше, бог знает». И с болью в сердце заключал: «Это известие одно тоже из радостей нашей жизни, нет, прощай, гадко писать об этом, невыносимо обидно...»

Подробности о кончине Белинского Михаил Семенович, видимо, узнал от жены Т. Н. Грановского, который писал ей из Петербурга: «Белинский умер вчера, сейчас отправляюсь к Тютчеву, где сговоримся, как похоронить его и что на первый случай сделать для его семейства. Он не оставил по себе ни гроша буквально. Горько и страшно подумать об этой участи. Мы дали свои деньги на погребение. Скажи московским друзьям, чтобы они готовили деньги. Вдове и детям Белинского нельзя же просить подаяния

29 мая Тимофей Николаевич уведомлял супругу Елизавету Богдановну: «Вчера утром мы похоронили Белинского... Его несчастная жена достойна крайнего сочувствия. Мы собрали уже для нее 500 рублей серебром...

Пришел в Петербург отклик на смерть Белинского и из Нижнего Новгорода. 11 июля 1848 года будущий революционер, единомышленник Н. Г. Чернышевского, автор известной прокламации «К молодому поколению» М. Л. Михайлов в письме на имя редактора «Литературной газеты» В. Р. Зотова делился своими мнениями: «Мне горько и больно было прочесть о смерти бедного Белинского... И что за равнодушие, за холодность наших журналов?.. В «Отечественных записках» и «Современнике» тоже в двух-трех словах говорится о его смерти. И не очень приятно разоблачить читающей России, что человек, который 7 лет держал своею головой первый из этих журналов, который неутомимо работал и для второго, не мог даже до последнего времени быть обеспечен, а должен был опять-таки работать, работать и умереть над работою. Господи боже мой! Неужто все так рано гибнут у нас талантливые люди...» [1]

Преждевременная смерть Виссариона Григорьевича болью отозвалась в сердцах многих других молодых людей, о чем можно судить по недавно найденным

архивным материалам. Например, весьма любопытные свидетельства оставил А. Н. Афанасьев, ставший впоследствии ученым-филологом, непревзойденным знатоком русских народных сказок. Еще на студенческой скамье Московского университета он с увлечением читал статьи Белинского в «Отечественных записках» и «Современнике», проявлял постоянный интерес к его жизни и творчеству, знал, в каких условиях приходится работать великому критику. Поэтому ему были понятны те сообщения о кончине Виссариона Григорьевича, которые появились в ряде газет и журналов

Находясь уже на четвертом курсе, А. Н. Афанасьев сделал в своем дневнике такую запись: «Белинский умер и никто не посмел написать в память ему критического некролога. Не посмел, потому что сам Белинский не пользовался хорошим мнением в цензурной и административной сфере и при конце жизни был, кажется, под полицейским присмотром, как человек «Вольнолюбивый»...

Поставленный бедностью в самые печальные обстоятельства, он постоянно умел сохранять в себе всю свежесть нравственного чувства и всю его энергию. Гуманные стремления не были в нем чем-то извне данным, а прямо выходили из его сердца... Так что рецензии его скорей походили на горячие памфлеты, нежели на рецензии в строгом смысле... Редкая статья его избегала при печатании тех цензурных мытарств, которые так искажают труды русских писателей. Эти невзгоды действовали на Белинского весьма неприязненно. Горячий и вспыльчивый по природе, он не мог сохранить спокойного и ровного расположения духа. Он страдал и при виде чужих слез, и при рассказах о торжествующей подлости».

Это, по сути своей, первая по времени написания статья о Белинском, в которой намечен его правдивый портрет [15].

Волновала кончина Белинского также И. С. Тургенева. Будучи во Франции, он спешно отправил письмо А. П. Тютчевой — жене Н. Н. Тютчева, близкого приятеля Виссариона Григорьевича, в котором просил сообщить, при каких обстоятельствах оборвалась жизнь великого критика. В письме от 23 июня 1848 года Александра Петровна дала подробные ответы на поставленные вопросы. «Застали мы его,— указывала она,— полу-

лежащим в кресле, лицо у него было совершенно мертво, но глаза огромные и блестящие; всякое дыхание его было стон, и встретил он нас словами: «умираю, совсем умираю», но это слово было выговорено не с убеждением, не с уверенностью, а скорее с желанием, чтобы его опровергли

Слег он в постель дня за три до смерти и, кажется, надеялся до тех пор, пока жива была в нем память; накануне он стал заговариваться, однако узнал Грановского, приехавшего в тот же день из Москвы. Перед самой смертью он говорил два часа, не переставая, как будто к русскому народу, и, часто обращаясь к жене, просил ее все хорошенько запомнить и верно передать эти слова кому следует; но из этой длинной речи ничего уже нельзя было разобрать; потом он вдруг замолк и через полчаса мучительной агонии умер. Бедная жена его, оставшаяся, как вы, верно, знаете, беременною, не отходила от него ни на минуту и совершенно одна прислуживала ему, поворачивала и поднимала его с постели. Эта женщина... заслуживает всеобщего уважения, так усердно, с таким терпением, так безропотно ухаживала она за больным мужем всю зиму и сама она, бедная, вся насквозь больна...»[19]

После смерти Виссариона Григорьевича его жена Мария Васильевна и трехлетняя дочь Ольга действительно оказались в крайне тяжелом материальном положении Судя по сохранившемуся счету «Современника» с Белинским (на ассигнации) от 5 мая 1848 года, последний раз ему было выдано 262 рубля 50 копеек. Окончательный расчет, сделанный Н. А. Некрасовым, как редактором журнала, подтверждал, что долг, образовавшийся за Белинским, составлял 5799 рублей 80 копеек.

А. В. Орлова, проживавшая вместе с семьей критика свидетельствовала в своих мемуарах: «Весной, перед смертью Белинского, денег в доме совсем не было. За квартиру и прислуге за несколько месяцев не заплачено; пришлось еще при жизни его продать рубашки, что он привез из-за границы... В день смерти пришел Панаев, прошел в заднюю комнату, где была сестра, и сказал ей захлебывающимся от рыданий голосом: «Ради бога, ни о чем не заботьтесь, все будет сделано». И действительно, похоронили его в складчину приятели, которые и содержали нас до конца ноября; тут мы отправились с

двумя детьми и с собакой Белинского в Москву, [illegible] бедствовали в дороге[illegible].

Приехав в Москву глубокой осенью 1848 года, Мария Васильевна получила место кастелянши в Александровском благородном женском институте с жалованием 11 рублей в месяц. Поселилась с детьми Ольгой и Верой в этом учебном заведении, на втором этаже над прачечной. Квартира оказалась сырой и холодной. «Зимой,— вспоминала дочь критика Ольга Виссарионовна,— часто в графине замерзала вода. К тому же у семьи не хватало самого необходимого — питания. Младшая дочь Вера, которая родилась после смерти отца в ноябре 1848 года, заболела. Пригласили врача. Осмотрев больную, он сказал: «Что же ей предписать? Пожалуй, единственное. Ее надо досыта кормить»[illegible].

Бедственное положение М. В. Белинской в значительной степени объяснялось тем, что в условиях жестокого николаевского режима, постоянного полицейского надзора друзья критика, по всей вероятности, опасались поддерживать связь с его семьей [illegible] не навестили Марию Васильевну, не оказывали ей материальной поддержки. В результате на плечи бедной женщины свалилось новое горе — умерла младшая дочь. Казалось, переживаниям и страданиям не будет конца.

Однако Мария Васильевна нашла в себе силы и мужество, чтобы перенести все невзгоды жизни. В этот трудный период особенно проявились прекрасные черты ее незаурядной натуры — сильный характер, предельная скромность и душевная преданность памяти покойного мужа. Она считала своим долгом сделать все возможное, чтобы наследие Белинского не пропало для будущих поколений. Не страшась преследований, она бережно хранила оставшиеся после него рукописи, письма. Мария Васильевна знала, что цензура далеко не все, созданное мужем, пропускала в печать и, как правило, вычеркивались и запрещались к публикации его наиболее важные мысли. И нельзя, считала вдова критика, чтобы потомки не знали о них.

В первопрестольной она на первых порах поддерживала дружеские отношения с Т. Н. Грановским, переводчиками и публицистами Н. Х. Кетчером, Е. Ф. Коршем. Все они глубоко чтили память ее мужа и своего друга, проявляли интерес к корреспонденции Белинского с Гоголем по поводу его книги «Выбранные места из

переписки с друзьями». Еще в конце августа 1847 года В. П. Боткин сообщал П. В. Анненкову: «Бог знает, как любопытно прочесть письмо Белинского к Гоголю и ответ его, равно и письмо Гоголя вам. Мы с Коршем сбирались просить вас: нет ли какой возможности сообщить их нам?..

Боткин не случайно обратился с такой просьбой к П. В. Анненкову. Знаменитое письмо Белинского к Гоголю создавалось на его глазах, когда он вместе с критиком находился в курортном местечке Зальцбрунн. Здесь Виссарион Григорьевич получил письмо от Гоголя, который упрекал его за «сердитый» разбор книги на страницах второго номера журнала «Современник».

В своих мемуарах Павел Васильевич писал: «Белинский вспыхнул и промолвил: «А! Он не понимает, за что люди на него сердятся,— надо растолковать ему это — я буду ему отвечать..

В тот же день небольшая комната рядом с спальней... превратилась в письменный кабинет. На круглом столе появилась чернильница, бумага, и Белинский принялся за работу, и с тем же пылом, с каким производил свои срочные журнальные статьи в Петербурге...

Три дня сряду Белинский не поднимался, возвращаясь с вод домой, в мезонин моей комнаты, а проходил прямо в свой импровизированный кабинет. Все это время он был молчалив и сосредоточен... Не покажется удивительным, что он употребил три утра на составление письма к Гоголю, если прибавить, что он часто отрывался от работы, сильно взволнованный ею, и отдыхал от нее, опрокинувшись на спинку дивана. Притом же и самый процесс составления был довольно сложен. Белинский набросал сперва письмо карандашом на разных клочках бумаги, затем переписал его четко и аккуратно набело и потом снял еще с готового текста копию для себя. Видно, что он придавал большую важность делу, которым занимался, и как будто понимал, что составляет документ, выходящий из рамки частной, интимной корреспонденции. Когда работа была кончена, он посадил меня перед круглым столом своим и прочел свое произведение.

Я испугался и тона и содержания этого ответа... Письмо было послано, и затем уже ничего не оставалось делать в Зальцбрунне... По прибытии в Париж Герцен, уже дожидавшийся нас, явился в отель Мишо, где мы

остановились, и Белинский тотчас же рассказал ему о вызове, полученном им от Гоголя, и об ответе, который он ему послал. Затем он прочел ему черновик своего письма. Во все время чтения уже знакомого мне письма я был в соседней комнате, куда, улучив минуту, Герцен шмыгнул, чтобы сказать мне на ухо: «Это — гениальная вещь, да это, кажется, и завещание его».

Автокопия письма Белинского к Гоголю, благодаря снятым с нее спискам, стала широко известна во многих уголках России. Однако до сего времени в литературоведении нет четкого ответа: у кого же хранился данный документ, кто содействовал его распространению?

В обстоятельном и весьма ценном исследовании К. П. Богаевской «Письмо Белинского к Гоголю» указано: «Белинский прекрасно понимал, что его письмо к Гоголю имеет значение революционного политического документа. Сознавая это, он и оставил себе копию и тщательно хранил ее до последней возможности. Вероятно, только в момент, когда Белинский понял, что дни его уже сочтены, он передал автокопию письма кому-то из московских друзей. Вспомним, что к Белинскому накануне его смерти приезжал Т. Н. Грановский, что незадолго до этого его навестил и К. Д. Кавелин...»

Далее автор исследования выдвигает несколько иную версию, но суть ее почти та же. К. П. Богаевская пишет «Последние минуты великого демократа были отравлены откровенным «интересом» к нему III отделения и осквернены появлением в его квартире жандармов... На основании такого поднадзорного состояния умирающего Белинского естественно предположить: не передал ли он сам, или после его смерти вдова его, автокопию опасного документа (вместе с подлинниками писем Гоголя) в руки Грановского или Кавелина, в Москву, для хранения подальше от недремлющего ока III отделения. В пользу такого предположения свидетельствует и тот факт, что распространение письма Белинского началось именно в Москве, а не в Петербурге»[11].

К сожалению, ни одна из указанных гипотез не имеет под собой документальной основы. Как указывалось выше, Т. Н. Грановский застал Белинского в крайне тяжелом состоянии, когда последний «стал заговариваться», но «узнал» гостя. В таком положении Белинский, конечно, не мог передать свое творение Что же касается К. Д. Кавелина, то здесь явная натяж-

ка. Он наведал Белинского в 20-х числах апреля и в своих мемуарах свидетельствовал: «Помню, мы сидели с ним п[illegible]ике или на дворе. Он [illegible]ворил, задыхался... подтрунивал над вооружением Петропавловской крепости. Это, говорит, из боязни, [illegible] ее не взял». Если бы шла речь о переписке с [illegible] упомянул бы о ней. [illegible] го, не настолько был Белинский наивен, чтобы [illegible] Кавелину.

[illegible] сказать коротко: [illegible] в течение [illegible] 1848 года в Петербурге. Следовательно, [illegible] не могла передать им в этот период [illegible] мужа с Гоголем «для хранения» подальше от [illegible] мундиров.

Мария Васильевна тоже знала цену переписки Виссариона Григорьевича с автором «Мертвых душ» и никогда с ней не расставалась. Внук Белинского Владимир Георгиевич Бенсис в своих воспоминаниях указывал: «Теперь о важнейшем событии, которое произошло за несколько месяцев до смерти Белинского,— я имею в виду знаменитое письмо к Гоголю. Тогда, когда Белинский, преклонявшийся перед Гоголем, писал ему свой пламенный протест, он в последний раз сжигал себя. Он не тешил себя ложными надеждами. Этот умирающий от чахотки человек, находясь уже на краю могилы, судорожно собирает последние силы, вкладывает в четыре полулиста всю свою провидческую, но лихорадочную мысль... Это знаменитое письмо с его крайностями, об[illegible] характером автора, было причиной не только неприятностей, которые произошли в последние дни, оно привело также к тому, что от него отошли многие его друзья. Это была его лебединая песня, не только мысль свою он в нее вложил, но все свое сердце.

Не один раз бабушка рассказывала нам... об этом письме к Гоголю. Но только лишь по истечении нескольких лет я смог оценить вложенную в него страсть и понять его значение» [24].

Из приведенных строк видно, что мемуарист хорошо знал как содержание, так и объем письма — четыре полулиста. Вот с них-то, когда Мария Васильевна доставила рукописи в Москву, и была сделана копия, принадлежавшая Н. Х. Кетчеру, который находился в

дружеских отношениях с Т. Н. Грановским и Е. Ф. Кор[illegible]шем.

Одними из первых а[illegible] письма Белинского к Гоголю стали петрашевцы. Н[illegible] формирование их революционных взглядов [illegible] влияние оказывали произведения великого критика. [illegible] Д. Д. Ахшарумов называл Белинского «своим учителем». А. Н. Плещеев видел в нем «знаменосца правды вечной и мыслей сеятеля благих». По [illegible] А. П. Баласогло, он в первую очередь начинал читать журнал «Отечественные записки» с отдела критики. О большом идейном воздействии статей Виссариона Григорьевича на петрашевцев свидетельствовал М. Е. Салтыков-Щедрин.

В ряде исторических и литературоведческих исследований указывается, что петрашевцы познакомились с письмом Белинского к Гоголю в середине апреля 1849 года. Такое мнение основывается на докладной записке секретного полицейского агента П. Д. Антонелли, сумевшего войти в доверие к членам кружка. В своем доносе он писал: «В пятом собрании у Петрашевского 15 апреля Достоевский читал письмо Белинского к Гоголю, исполненное самых зловредных идей. Это письмо вызвало множество восторженных одобрений общества, в особенности у Баласогло и Ястржембского, преимущественно там, где Белинский говорит, что у русского народа нет религии. Положено было распустить письмо в нескольких эк[illegible]

На самом же деле о послании Белинского к Гоголю многие петрашевцы знали значительно раньше указанного выше времени. Весьма близкие по содержанию к письму великого демократа мысли высказывал активный участник кружка Петрашевского Ф. Г. Толь, служивший преподавателем русской словесности в Главном инженерном училище. В одном из ранних донесений провокатор Антонелли сообщал: «В собрании 11 марта Толь говорил речь о происхождении религии и, развивая вопрос, существует ли в людях религиозное чувство, доказывал, что религия убивает нравственность и не только не нужна в социальном смысле, но даже вредна, потому что подавляет развитие ума [illegible]

Подтверждают изложенную гипотезу и другие документы. В частности, известный поэт А. Н. Плещеев на заданные следственной комиссией вопросы отвечал

Мы здесь несколько раз слышали с Достоевским о письме Белинского к Гоголю по поводу книги этого последнего, и как нам хотелось знать мнение об этой книге Белинского, то я и прислал Достоевскому... вместе с письмом... и ответ Гоголя».

Будучи в первопрестольной, Алексей Николаевич встречался с крайне ограниченным кругом лиц. Среди них находились опять-таки те, кто поддерживал близкие отношения с М. В. Белинской. Плещеев в письме от 26 марта 1849 года на имя С. Ф. Дурова свидетельствовал: «...умные и дельные люди Грановский, Кудрявцев. Я всю неделю ходил к ним на лекции... Рукописная литература в Москве в большом ходу. Теперь все восхищаются письмом Белинского к Гоголю, пиеской Искандера «Перед грозой» и комедией Тургенева «Нахлебник». Все это вы, вероятно, будете читать»[26].

И действительно, как показывал на следствии А. И. Пальм, письмо Белинского к Гоголю читалось Ф. М. Достоевским «на святой неделе» у С. Ф. Дурова. Причем такие собрания чаще проводились по субботам. Если учесть, что «святая неделя» в 1849 году началась в конце марта, то очередное собрание состоялось 2 апреля, о чем свидетельствуют и записи А. И. Пальма об израсходовании денег на проведение вечера в этот день в сумме 10 рублей 16 копеек. На нем присутствовало, видимо, 8—9 человек.

Затем переписка Белинского и Гоголя читалась на квартире у Петрашевского, где находилось свыше двадцати кружковцев, о чем уже говорилось выше.

Он являлся сторонником народной революции, пропагандистом утопического социализма, ратовал за освобождение от крепостной зависимости крестьян с землей и без выкупа. Его мировоззрение складывалось в значительной мере под влиянием творчества Белинского, имя которого уже в конце 30-х — начале 40-х годов было широко известно. Оно могло напомнить отцу М. В. Петрашевского о своем пребывании в Медико-хирургической академии, где он четыре года учился вместе с Г. Н. Белынским — отцом Виссариона Григорьевича. Оба они окончили это заведение в 1809 году. Первого из них, как медалиста, оставили в академии помощником прозектора анатомического кабинета, а второго назначили в морской госпиталь Кронштадта, где через год он получил звание лекаря. Возможно, что

старший Петрашевский не раз гов[illegible]ем соученике, интересовался литературной деятельностью его сына. Таким образом, еще в юношеском возрасте М. В. Петрашевский мог обратить внимание на статьи критика, а в дальнейшем постоянно читать журнал «Отечественные записки», во главе которых стоял В. Г. Белинский.

Известный советский литературовед М. Я. Поляков убедительно доказал, что подготовленные и отредактированные М. В. Петрашевским материалы для второго выпуска «Карманного словаря иностранных слов» во многом были сходны со взглядами и мыслями Виссариона Григорьевича. В ряде же мест «Словарь» почти текстуально воспроизводил основные положения его статей и рецензий. Пронизан идеями Белинского и «Проект об освобождении крестьян», написанный М. В. Петрашевским в 1847 или 1848 годах [27].

Многие петрашевцы за пропаганду письма Белинского к Гоголю, которое они считали программным документом свержения самодержавия и уничтожения крепостного права, были приговорены к расстрелу, который по конфирмации заменили другими мерами наказания. Так, Ф. М. Достоевскому и С. Ф. Дурову — четырьмя годами каторги, Ф. Г. Толю — двумя, И. Л. Ястржембскому — шестью, Ф. Н. Львову — двенадцатью, Н. А. Момбелли — пятнадцатью годами каторги и т. д.

Был вынесен окончательный приговор и революционному демократу. Царские сатрапы наложили запрет на произведения великого русского критика и не разрешали упоминать его имя в печати. Такие меры, по мнению правящих кругов, позволяли предать забвению наследие В. Г. Белинского.

Ищейки III отделения тщательно наводили справки о его знакомых, интересовались содержанием переписки с ним. Обнаруженные письма ставились в прямое обвинение их владельцу, как неблагонадежному по отношению к властям. Такая участь постигла Н. М. Сатина, друга Герцена и Огарева, который при допросе в 1850 году вынужден был объяснить, что обмен несколькими корреспонденциями с Белинским — дело молодости и относится это еще к 30-м годам.

Опасаясь преследований, многие владельцы писем Белинского уничтожали их. Например, Кавелин в своих мемуарах прямо указывал, что «во время неистовств

правительства против литературы» он сжег «огромное письмо Белинского, листах на четырех», присланное по поводу сотрудничества в журнале «Современник». Пропал ряд писем, адресованных критиком Грановскому, Каткову, Великопольскому и другим. По неизвестным причинам исчезла переписка Белинского с Кольцовым, находившаяся у родных поэта в Воронеже. Видимо, не только в столичных, но и в провинциальных [illegible]ая охранка преследовала за связь с критиком.

Те, кто осмеливался сберечь дорогие реликвии, прятали их в самые недоступные тайники. Об этом свиде[illegible]ует переписка П. В. Анненкова с первым иссле[illegible]ем жизненного и творческого пути критика А. Н. Пыпиным, который в начале 70-х годов прошлого века решил собрать оставшиеся рукописные материалы Белинского и воспоминания о нем современников. В [illegible] из Франции 2 февраля 1874 года Анненков [illegible] «Письменного материала от Белинского осталось у меня немного — всего два письма от 1847 г... Но вот вопрос,— как передать вам этот небольшой остаток его корреспонденции со мной. Письма остались у меня в Петербурге и притом запрятаны так, что только я один могу их найти».

Наряду с розысками рукописного материала Белинского III отделение поручило специальному комитету по надзору за цензурой и литературой заняться просмотром «Отечественных записок» и «Современника», в которых помещались произведения критика. В результате обнаруживались все новые и новые «вольнодумные» статьи, разрешенные ранее цензурой. Министр просвещения Уваров, в ведении которого находился надзор за печатью, вынужден был уйти в отставку. На его место назначили еще большего мракобеса — князя П. А. Ширинского-Шихматова.

Главное управление предписывало цензорам, чтобы они проявляли особую бдительность и пресекали малейшую попытку протащить на страницы журналов предосудительные мысли, хотя бы они выражались и в косвенном виде. Об авторах произведений, которые [illegible]ещались цензурой, требовалось немедленно сообщать в жандармское управление. Все это привело к тому, что журналы «сделались чисто сборниками переводов с иностранного»,— писал В. П. Боткин Гер

цену в Париж. Другой корреспондент Герцена — А. А. Чумиков указывал: «А в русской литературе нечего читать; так, например, в повестях запрещено говорить о любви без позволения родителей, о том, что у замужней есть любовник. Уничтожается все, где встречается самостоятельность, сильный характер [illegible] ния... Мы перечитываем старые «Отечественны[illegible] потому что в России нет более лите[illegible]

Но и над «Отечественными записками» со статьями Белинского был вынесен приговор. В 1851 году газета «Ведомости Московской городской полиции» за № 208 поместила объявление о том, что в книжной лавке купца Степана Васильева продаются номера «Отечественных записок» за 1840—1843 годы по цене де[illegible] против означенной в 5—6 раз. Особый комитет об[illegible] внимание на это объявление. На имя Николая I [illegible]вал рапорт, в котором указывалось, [illegible] книжки» «Отечественных записок» заключают [illegible] разные статьи, из коих одне в целости, другие в частностях своих носят на себе отпечаток тех ложных и пагубных идей, которые тогда, быв удачно прикрываемы покровом иносказаний и разных отвлеченностей, та[illegible] легко проскользали в печать, но с 1848-го года призвали на себя всю блительность [illegible]

Не ограничиваясь общей [illegible] журналов, члены комитета внесли в доклад царю выписки из ряда публикаций Белинского и других авторов. Так, их внимание привлекла статья критика, помещенная в мартовском номере «Отечественных записок» за 1841 год, «Разделение поэзии на роды и виды». Чин[illegible]ники особых поручений выделили слова Белинского о том, что «жизнь слагается из толпы и героев, обе эти стороны в вечной вражде, ибо первая не[illegible], а вторая презирает первую... Их низк[illegible] направлены только [illegible], сплетням, унижению человеческого достоинств[illegible]

Подручные царского трона усмотрели в этом «покушение» на существующий порядок. Они считали, что под «толпой» подразумеваются широкие народные массы, а под «героями» — помещичье-бюрократический аппарат крепостной России.

Особый комитет был обеспокоен продажей «Отечественных записок» прошлых лет со статьями Белинского и Герцена. «Такой свободный доступ к этому журна-

[illegible] есть нечто вроде измены, если не умышленной, то уже конечно через меру неосторожной

[illegible] от этого начала, Комитет считал бы более осторожным и даже необходимым пресечь упомянутую дешевую продажу, но дабы через отобрание имеющихся в виду экземпляров не дать делу огласки и не привлечь еще более внимания к означенным вредным нумерам «Отечественных записок», то предоставить Министру Внутренних дел немедленно велеть скупить все оные у книгопродавца Васильева под рукою, через доверенное лицо, употребив нужную для сего незначительную сумму на счет Государственного Казначейства, после чего все сии книжки прислать в Комитет

Комитет также изъял 36 номеров «Отечественных записок» со статьями Белинского и Герцена из Петербургской Публичной библиотеки и тщательно осмотрел все книжные лавки Апраксина двора и других торговых рядов.

На основе рапорта особого комитета Николай I дал распоряжение, чтобы все изъятые номера «Отечественных записок» немедленно уничтожались и впредь не допускались в продажу.

Не только в столицах, но и провинциальных городах проводилась строгая ревизия библиотек и книжных лавок. В секретном циркуляре, разосланном в 1852 году губернаторам, предписывалось выявить «Отечественные записки» за 1840, 1841 и 1843 годы, конфисковать или скупить их через доверенных лиц и препроводить по назначению. Наряду с этим, на имя попечителей учебных округов поступило также секретное распоряжение об изъятии «Отечественных записок» за указанные выше годы из учебных библиотек. Ширинский-Шихматов приказывал запечатать номера журнала «в особые ящики и никому не предоставлять в пользование ни одного экземпляра».

Казалось, все пути, по которым могло распространяться наследие критика, перекрыты. Но сподручные царя не смогли поставить заградительные кордоны на узких тропинках, идущих не от дворцов и царских палат, а от скромных хижин простого люда.

Вспоминая конец 40-х — начало 50-х годов прошлого столетия, известный педагог и методист русской литературы В. П. Острогорский указывал: «С детства самого

я слышал имя Белинского, произносимое с ярким сочувствием, с глубоким благоговением. Так относились к этому имени во многих петербургских кружках того времени. Я сейчас помню, как однажды вошел мой отец и сказал мне: «Знаешь ли, кто помер? Нет, ты не знаешь, не можешь понять, что умер великий человек! — «Мне жаль его, отец»,— ответил я. «Да жалей, жалей; помни о нем целую жизнь». И это имя нас, многих петербургских юношей, сопровождало всю жизнь. Гимназистами мы читали Белинского украдкой. В старших классах мы уже знали всего Белинского, хотя имя это не могло еще проникнуть в гимназические программы. Но мы его и в гимназии услышали. Однажды мой учитель в 3-й гимназии, Стоюнин, пришел в класс подготовлять нас к экзамену. «Знаете ли, какой сегодня день? Сегодня — 26-го мая, годовщина смерти Белинского!» Мы знали, мы были подготовлены и услышали в гимназии живое, убежденное слово Стоюнина, того Стоюнина, которого, вместе с Ушинским, Пироговым и Водовозовым, нужно считать преемниками Белинского в области русской педагогики, куда они внесли идеи и заветы великого критика».

Внимательно знакомился с творчеством Белинского в студенческие годы Н. Г. Чернышевский. Об этом свидетельствуют его дневники. Сначала он недоброжелательно воспринял рецензию критика на книгу Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». Затем 4 сентября 1848 года Чернышевский сделал в дневнике такую запись: «...Срезневский говорил против наших беллетристов и критиков: «Этот вздор,— говорит,— высоко ценят, ученый труд — ничего». Это меня несколько встревожило; он, однако, увлек и показался одним из лучших, кого я слышал. Он сказал между прочим: «Напр.: хоть в «Отеч. записках» писал критики человек, который, кроме новейшей литературы, ничего не знал, да и вообще у нас пишут критику, сами ничего не зная...» Неужели это так?.. И это не пристрастный взгляд?

И. И. Срезневский, ученый и литератор, одновременно исполнял должность цензора. Сотрудничал в журналах «Московский наблюдатель» и «Отечественные записки». Белинский тепло отозвался о его исторических очерках «Иван Барабаш» и «Палий». Однако критик весьма нелестно охарактеризовал диссертацию

И. И. Срезневского «Опыт о предмете и элементах статистики и политической экономии сравнения». Белинский [illegible] вие этого ученого сочинения очень не нравится, язык сбивчивый, «беспрестанные повторения [illegible]ного и того же, растянутость — вот недостатки диссер[illegible] г. Срезневского» (III. 229—230)

Критически воспринимал читаемый профессором курс и молодой студент. Он не довольствовался лекци[illegible]х искажалась деятельность Белинского Волновавшие Чернышевского вопросы помогал в какой-[illegible] решать один из близких саратовских знакомых, служивший в Петербурге чиновником, И. В. Писарев. У него, судя по некоторым источникам, имелась библио[т]ека и комплекты «Отечественных записок». Черны[illegible] старался понять, на[illegible] В результате у него [illegible]

[illegible] 2 ноября, в дневнике появи[illegible] «Прочитал 10-ю статью о [illegible] (Б[illegible] [Го]дунов), которую взял [illegible] в самом деле, снова хорошо [illegible] взгляд во многом весьма [illegible] верностью и большими сведениями

[illegible] отношение Чернышевского к [illegible] период обучения в университете, [illegible] запись в дневнике от 17 февраля [illegible] лекции профессора русской сло[illegible] Никитенко, Николай Гаврилович под[illegible]а говорит, что, например, о Держа[illegible] ничего у нас не сказали, они не [illegible] говорит в виде общих мест то, что давно с [illegible]мом, резкостью и последовательностью высказано Белинским

Спустя пять лет после окончания университета Чернышевский писал: «Критика Белинского все более и более проникалась живыми интересами нашей жизни, все лучше и лучше постигала явления этой жизни, все решительнее и решительнее стремилась к тому, чтобы объяснить публике значение литературы для жизни, а литературе те отношения, в которых она должна стоять к жизни, как одна из главных сил, управляющих ее развитием

Именно эта особенность критика Белинского, помогавшая понять и объяснить явления жизни, обладала

исключительной притягательной силой, оказывала огромное воздействие на молодое поколен[illegible].

Под ее влиянием развивалось и мировоззрение Н. А. Добролюбова. Уже в период пребывания в Нижегородской духовной семинарии он с увлечением изучал творчество Белинского. Особенно юношу заинтересовали статьи о Пушкине, ежегодные обзоры русской литературы и другие публикации, [illegible] великий критик развивал свои революционно-дем[illegible]ические и материалистические взгляды. Это помогло семинаристу [illegible]одолеть религиозные предубежден[illegible] воспринятые им [illegible]етстве, и окончательно порвать с духовенством, посвятив свою жизнь светлым идеалам [illegible]

Позднее Добролюбов указ[illegible] [illegible] минуты юности, когда энергические слова Белинского открывали перед ним новый мир знаний, размышлений и деятельности, совершенно не похожий на то, что преподносила казенная семинарская наука. «Читая его, мы забывали мелочность и пошлость всего о[illegible]кающего, мы мечтали об иных людях, об иной деятельности и искренно надеялись встретить когда-нибудь таких людей и восторженно обещали посвятить себя самих такой деятельности...» [31]

Это обещание было исполнено. 21 февраля 1855 года по случаю смерти царя Николая I в газете «Северная пчела» появилась статья, начинавшаяся словами: «Плачь, русская земля! Не стало у тебя отца». В ответ на это раболепие автор статьи Греч получил письмо, полное негодования и беспредельной ненависти к царизму, как главному политическому врагу русского народа. По своему характеру и революционному духу оно напоминало письмо Белинского к Гоголю. Да и подпись под ним стояла Анастасий (т. е. по-гречески воскресший) Белинский. Этим Добролюбов ясно высказал свое отношение к памяти критика [illegible].

Об увлечении статьями Белинского в период обучения в Харьковской семинарии рассказывал в своих воспоминаниях русский демократ-просветитель, философ-материалист М. А. Антонович. «Несмотря на то, что в начале 50-х годов,— писал он,— имя Белинского находилось под спудом, мы, воспитанники одной провинциальной семинарии, жившие за городом в самом строгом интернате, отделенные от внешнего мира китайскою стеною,— уже каким-то образом прослышали, что оно запретное,

странице. Однако это не испугало молодых людей. Им удалось достать несколько книжек «Современника» и «Отечественных записок». Прочтя ряд статей Белинского, они несказанно удивились, что многие суждения и остроты критика повторял на уроках преподаватель словесности, но боялся назвать имя автора.

Произведения критика проникали и в другие учебные заведения. Известный библиограф А. Е. Викторов указывал, что студенты Московской духовной академии, в которой он учился с 1846 по 1850 год, «упивались статьями Белинского». Выдающийся русский географ, статистик и ботаник П. П. Семенов-Тян-Шанский свидетельствовал в своих мемуарах: «Белинский пользовался высоким уважением во всех кружках сороковых годов, где не пропущенные цензурою его сочинения читались с такой жадностью».

Ни в одном из сохранившихся источников ничего не сообщается о том, как и в какой мере выражал в студенческих аудиториях свое отношение к великому критику Т. Н. Грановский, который высоко ценил В. Г. Белинского. Первый биограф Тимофея Николаевича А. В. Станкевич свидетельствовал, что в начале 50-х годов известный историк и профессор Московского университета в беседах с близкими людьми часто говорил о его заслугах. Грановский любил вдохновителя журналов «Отечественные записки» и «Современник» «за чистоту убеждений, за энергию, за неизменно благородные побуждения».

«Вспоминая Белинского в последнее время своей жизни, — подчеркивал А. В. Станкевич, — Грановский высказывал мнение, что, принимая во внимание уровень и размеры умственного и нравственного состояния современного Белинскому русского общества, можно сравнить значение его деятельности... с значением деятельности Лессинга для современной ему Германии».

Дошли до нашего времени также многие свидетельства о том, что постоянный интерес проявляли к творчеству великого критика студенты Казанского университета. После «бесцветных, — указывал один из современников, — скучных по своей риторике или по очевидным уступкам господствующей действительности лекций» они со страстным молодым трепетом «читали тогдашние «Отечественные записки» со статьями Белинского», и «целые страницы разборов многим известны были поч-

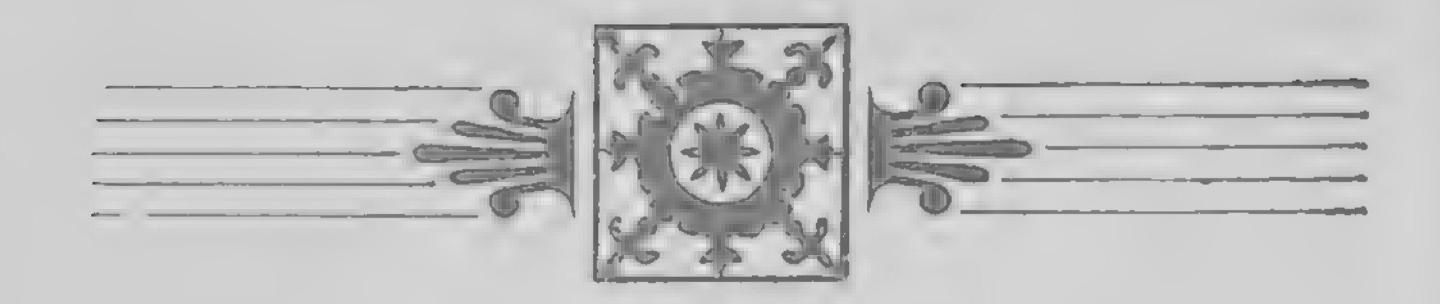
ти наизусть... Горячие слова наполняли душу честными стремлениями, звали к честной деятельности».

Благотворное влияние произведений Белинского и их распространение в России вынуждены были признавать и недруги критика. Один из активных представителей славянофилов Ив. Аксаков, который считал творчество Белинского «вредным и дурным», в 1856 году с явным сожалением сообщал своим родителям: «Много я ездил по России: имя Белинского известно каждому сколько-нибудь мыслящему юноше, всякому жаждущему свежего воздуха среди вонючего болота провинциальной жизни. Нет ни одного учителя гимназии в губернских городах, который бы не знал наизусть письма Белинского к Гоголю... «Мы Белинскому обязаны своим спасением»,— говорят мне везде молодые честные люди в провинциях... И если вам нужно честного человека, способного сострадать болезням и несчастьям угнетенных, честного доктора, честного следователя, который полез бы на борьбу, ищите таковых в провинции между последователями Белинского»[34].

Словом, вопреки попыткам правительства искоренить «дух Белинского», в разных уголках России с каждым годом все больше ширились ряды почитателей и поклонников революционного демократа. Журналы «Отечественные записки» и «Современник» со статьями Белинского уже в начале 50-х годов прошлого столетия стали редкой книгой. Отдельные экземпляры, передававшиеся из рук в руки, настолько утрачивали первоначальный вид, что их трудно было читать

Сторонники Белинского принимали меры, чтобы сохранить память о нем. Они горели желанием издать полное собрание сочинений критика, делали попытку разыскать и сохранить его рукописи, а также организовать сбор средств по подписке на памятник. Такие намерения часто высказывались в кругу сотрудников журнала «Современник».

Таким образом, в условиях жестоких репрессий и цензуры полицейской реакции лучшие люди России не забывали великого критика, на традициях которого воспитывались и закалялись новые борцы с самодержавием и крепостным рабством. Со смертью Николая I, с усилением революционной ситуации, вызванной ростом крестьянских восстаний, они возродили учение Белинского и объявили его своим идейным вождем.

ВОЗРОЖДЕННЫЕ ИДЕИ

Соратники и продолжатели дела Белинского, несмотря на строгости цензуры, стремились пропагандировать его идеи. Особенно эта тенденция усилилась на страницах журнала «Современник» с середины 1854 года. Некрасов и Чернышевский стали активно восстанавливать позиции, утраченные в период разгула реакции. Отстаивая революционно-демократические взгляды Белинского, они умело опирались на его теоретические положения в борьбе за реалистическое искусство, как могучее средство познания и преобразования окружающей действительности

В первую очередь надо было нанести удар по проповедникам либерально-дворянского направления в литературе. Они призывали писателей не касаться «мелочей» жизни, уйти «в мир призрачных мыслей», ратовали за создание «ничем не омраченных творений», далеких от социальных проблем, ибо художник, по их мнению, независим в своих деяниях от общества и насущных вопросов времени. Приверженцы субъективно-идеалистических взглядов на искусство ревизовали и извращали основное требование Белинского, считавшего, что «свобода творчества легко согласуется с служением современности: для этого не нужно принуждать себя, писать на темы, насиловать фантазию; для этого нужно только быть гражданином, сыном своего общества и своей эпохи, усвоить себе его интересы, слить свои стремления с его стремлениями; для этого нужна симпатия, любовь, здоровое практическое чувство истины, которое не отделяет убеждения от дела, сочинения от жизни» (VI, 286).

Сторонники «чистого искусства» сосредоточили свой удар по революционно-демократической критике, кот[illegible]рая, по выражению Белинского, являлась «движущей эстетикой». Они, в частности, обвиняли его в «грубости, резкости суждений и непоследовательности». Таким образом, все их усилия сводились к тому, чтобы [illegible] русскую [illegible] направляющих [illegible] в борьбе с о[illegible]

Против эстетов [illegible] Чернышевский. В [illegible]ском номере «Современника» за 18[illegible] статья «Об искренности в критике». В ней он возобновлял традиции Белинского, который указывал, что есть два способа «выговаривать новые истины: один — уклончивый, а другой — прямой и резкий»

Именно об уклончивой критике, царившей в тогдашних периодических изданиях, говорил в своей статье Чернышевский, подчеркивая при этом, что [illegible] стала слишком уступчивой, неразборчивой, малотребовательной. Особенно выделял молодой сотрудник «Современника» журнал «Отечественные записки», взявший, по его словам, на себя труд защищать и хвалить «умеренную и спокойную критику

В связи с этим автор статьи, полемизируя с представителями «умеренности» в оценке литературных произведений, напоминал мысли Бе[illegible] о том, что «критика, достойная своего имени, пишется не для того, чтобы господин критик щеголял остроумием, не для того, чтобы доставить критику славу водевильного куплетиста, возвеселяющего публику своими каламбурами. Остроумие, едкость, желчь, если ими владеет критик, должны служить ему орудием для достижения серьезной цели критики — развития и очищения вкуса в большинстве его читателей, должны только давать ему средство соответственным образом выражать мнения лучшей части общества

Заканчивая статью, Чернышевский снова напомнил слова Белинского и в заключение указывал: «Критика не должна быть «журнальною перебранкою»; она должна заняться делом более серьезным и достойным — преследованием пустых произведений и, сколько возможно, обличением внутренней ничтожности и разладицы произведений с ложным содержанием

В это же время Чернышевский окончательно доработал свою магистерскую диссертацию «Эстетические

отношения искусства к действительности». В письме к [illegible] он указывал, что проблемы, поднятые в ней, имеют [illegible] важное значение, ибо «у нас очень затмились [illegible] о философии с тех пор, как умерли или замолкли люди, понимающие философию и следившие за нею». Здесь автор письма, по всей вероятности, намекал на Белинского. И не удивительно. По выражению Д. Я. Райхина, мысль Белинского: «Природа — вечный образец искусства» — легла в основу диссертации Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности».

Выдвигая свой известный тезис: «Прекрасное — есть жизнь», Чернышевский утверждал, что, кроме действительности, нет других источников, способных породить прекрасное. Тем самым Чернышевский развивал важнейшее положение материалистической эстетики Белинского: «...все прекрасное заключается только в живой действительности».

Разрабатывая основные законы эстетики, Чернышевский глубоко изучал наследие Белинского. Многие положения, выведенные в диссертации, прямо или косвенно заимствованы у него. Это касается таких категорий эстетики, как единство содержания и формы, возвышенного и трагического, единичного и типичного и т. д.

О примечательной деятельности Белинского напоминал Чернышевский и в статьях о Пушкине, помещенных в февральском, мартовском, июльском и августовском номерах «Современника». Не называя открыто имени великого критика, Чернышевский с позиции революционного демократа отстаивал его заслуги перед русским обществом, разоблачал эстетов, которые изменили заветам «критики 40-х годов».

Верным учеником и продолжателем Белинского явился Н. А. Некрасов. В ряде критических статей и обзоров он, как и Чернышевский, постоянно боролся за высокую идейность искусства, воскрешал традиции Белинского. Так, в «Заметках о журналах за октябрь 1855 года», которые были опубликованы в ноябрьском номере «Современника», Николай Алексеевич, рассматривая появившиеся на страницах «Отечественных записок» отзывы о сочинениях Гоголя, писал: что касается нас, «то мы всегда принадлежали и надеемся впредь принадлежать к тем, которые, по словам г. Писемского, питали полную веру в лиризм Гоголя, и думаем, что в России

этого найдется людей, думающих оди[illegible] нами. Напрасно г. Писемский ссылается на «горяч[illegible]ким чутьем, критика», который будто бы, *по преимуществу*, открыл в Гоголе социально-сатирическое значение. Критик, о котором говорит г. Писемский, выше всего ценил в Гоголе — Гоголя-поэта, Гоголя-художника, ибо хорошо понимал, что без этого Гоголь не имел бы и того значения, которое г. Писем[illegible] сатирическим. Вспомним, что сам[illegible] в применении к писателю-прозаику начало на Ру[illegible]ся в первый раз в статьях этого кри[illegible] Гоголя. А до него у нас думали, что п[illegible] только людей, пишущих стихами

Вслед за «Заметками» Некрасова в «Современнике» появляется целая серия публикаций Чернышевского под названием «Очерки гоголевского периода русской литературы». В этом замечательном труде продолжатель традиций великого революционного демократа всесторонне раскрыл его значение и заслуги в истории развития русской общественной мысли

Уже в первой статье, помещенной в декабрьском номере журнала за 1855 год, автор, ссылаясь на Белинского, указывал: «Прежде всего скажем, что Гоголя должно считать отцом русской прозаической литературы, как Пушкина — отцом русской поэзии. Спешим прибавить, что это мнение не выдумано нами, а только извлечено из статьи «О русской повести и повестях г. Гоголя», напечатанной ровно двадцать лет тому назад в «Телескопе» (автором которой был Белинский). И далее Чернышевский добавлял: «...наши слова о значении произведений самого Гоголя будут только в немногих случаях дополнением, а по большей части только сводом и развитием воззрений, выраженных критикою гоголевского периода литературы, центром которой были «Отечественные записки», главным деятелем тот критик, которому принадлежат «Статьи о Пушкине».

Возрождая идеи Белинского, разоблачая сторонников «официальной народности» и защитников «чистого искусства», Чернышевский свидетельствовал, что нельзя проходить мимо высказываний относительно Гоголя представителей прежних литературных партий. «Это, — подчеркивал Чернышевский, — тем более необходимо, что критика гоголевского периода развивала свое влияние на публику и литературу в постоянной борьбе с этими

партиями, что отголоски суждений о Гоголе, высказанных этими партиями, слышатся еще до сих пор...»

Печатание «Очерков гоголевского периода русской литературы» совпало с некоторыми послаблениями цензурного характера. Под напором передовой общественности и в связи с изменившимися историческими условиями правительство вынуждено было упразднить 6 декабря 1855 года особый комитет 2 апреля. Близкие знакомые Белинского постарались незамедлительно воспользоваться этим. Сын знаменитого актера Н. М. Щепкин и К. Т. Солдатенков, чтобы как-то материально помочь семье критика, сразу же обратились за разрешением о переиздании сборника «Стихотворения Кольцова. С портретом автора, его факсимиле и статьею о его жизни и сочинениях, писанною В. Белинским». В феврале следующего года этот сборник поступил в продажу.

Однако имя Белинского еще не могло занять соответствующее место на страницах «Современника». Когда Чернышевский подготовил к печати четвертую статью своих «Очерков», то Некрасов вынужден был 29 марта 1856 года обратиться к цензору В. Н. Бекетову с письмом. В нем он писал: «Почтеннейший Владимир Николаевич! Бога ради восстановите вымаранные Вами страницы о Белинском. Это слишком печальное действие... <...> Вам принадлежит честь первого печатно-пропущенного доброго слова о Белинском (в статьях о Пушкине)... <...> Цензор Фон-Крузе в Москве пропустил сочинения Кольцова с биографией, писанной Белинским и подписанной его именем... Самое худое, что может случиться, что после напечатания этих страниц не велят хвалить Белинского. Ну, тогда и перестанем, а теперь умоляю Вас поступить с прежней снисходительностью».

Вероятно, цензор Бекетов не решился дать полного согласия на подготовленный к печати текст. Поэтому на страницах апрельского номера «Современника» читатели в который уже раз должны были «догадываться», о ком идет речь. Но и те иносказательные определения, касавшиеся Белинского, свидетельствовали о страстной пропаганде его идей, его заслуг перед русской литературой. Чернышевский, говоря о достоинствах «критики гоголевского периода», особо подчеркивал, что «человека, который был органом этой критики, невозможно не признать гениальным

Лишь в пятой статье, помещенной в июльском номере «Современника», Чернышевский окончательно утвердил право Белинского занять подобающее ему место в печати. Как в этой, так и в последующих статьях, автор «Очерков» раскрыл неутомимую, полную благородной ярости деятельность своего учителя, назвав его первым историком русской литературы и главою критической школы существующих в России порядков. Путь развития, указывал Чернышевский, которым шла критика Белинского, определялся «тою существенной чертою, что она все более и более проникалась живыми интересами нашей действительности и вследствие того становилась все более и более положительною... Потому во многих людях, интересы которых основывались на господствующих заблуждениях, вражда против него доходила до непримиримого ожесточения»

Противники Белинского в лице либералов и [illegible] защитников самодержавия обвиняли его в неучености, ограниченности, неумеренности, жестокости и прочих грехах. В связи с этим Чернышевский писал, что изучение сочинений великого критика самым неоспоримым образом опровергает всякое сомнение в основательности его знаний. У нас мало было писателей, которых можно было бы сравнить с ним в этом отношении. Кажется, нельзя сказать, чтобы круг вопросов, обнимаемых его сочинениями, был тесен, а между тем, положительно видишь, перечитывая его статьи, что обо всех вопросах, каких ни касался он, он имел понятия очень основательные, которым могли бы позавидовать многие ученые писатели

Что же касается его специальной науки — истории русской литературы, он был и до сих пор остается первым знатоком ее. В этом отношении никто из наших ученых не мог до сих пор сравняться с ним. Вообще, надо признаться, Белинский, будучи значительнейшим из всех наших критиков, был и одним из замечательнейших наших ученых. Это факт, неоспоримо доказываемый его сочинениями. Сомневаться в том — значит обнаруживать или недостаток научного образования в себе, или свое незнакомство с сочинениями Белинского»

Давая достойную отповедь либералам и крепостникам, Чернышевский в подтверждение своих мыслей приводил целые страницы из произведений Белинского, указывал, что «эти извлечения с достаточной ясностью

возобновляют в памяти читателей личность гениального нашего критика.

В наследии Белинского автор «Очерков» видел теоретические обоснования неизбежности победы новых общественных сил, которые, действуя «сообразно с законами природы и души», могут изменить действительность, т. е. самодержавные порядки России. Поэтому на творчество Белинского, делал вывод Чернышевский, «надобно смотреть не только как на замечательное историческое явление, но также и как на руководительный пример»[5].

Одновременно с публикацией «Очерков» Н. Г. Чернышевский напечатал в восьмом номере «Современника» в разделе «Заметки о журналах» небольшую корреспонденцию, проникнутую страстной любовью к памяти незабвенного критика. В ней автор под впечатлением свежих мыслей, навеянных посещением последнего пристанища Виссариона Григорьевича, указывал, что на днях ему опять удалось побывать на кладбище. Он шел «дальше и дальше, из аристократической части» туда, «где лежат бедняки». Все реже и реже попадались могилы, увенчанные «мраморными и чугунными памятниками», «реже и реже встречались люди». С грустью в сердце Николай Гаврилович «брел по пустынным тропинкам». Вдруг из состояния задумчивости его вывел «чей-то твердый и полный какой-то торжественности голос»:

— Вот могила NN, которой хотел ты поклониться.

Автор говорит, что это отец привел сына отдать дань почтения великому человеку.

Несказанные чувства охватили и Чернышевского. «Так вот она,— изливал он свои сокровенные признания,— могила моего бедного друга, которую так напрасно искал я много раз, о которой напрасно спрашивал общих наших знакомых, бывших здесь во время его смерти!..»

Кто ж этот человек, спрашивал Чернышевский, что ж особенного сделал он, что отец привел сына поклониться его могиле?.. И далее говорил: «Вы угадываете, кто был он: просто писатель, не более, как писатель, всю жизнь остававшийся бедняком... Но тысячи людей сделались людьми благодаря ему. Целое поколение воспитано им... И когда я перечитываю наши нынешние журналы, я всегда вспоминаю о нем. Вот ученая

статья — она производит эффект в публике, приобретает автору уважение в кругу ученых — отчего это? Оттого, что она писана под влиянием *его* мысли, писана на тему, которую и указал и объяснил он; вот критическая статья, которую называют все умною и благородною, — опять-таки все, что есть в ней хорошего, подсказано им, и автор не считает нужным даже намекнуть о том... Вот повесть, которую называют прекрасною,— опять это только плод его учения: он указал и мысль и форму, в которую должна облечься эта мысль... Повсюду *он*! Им до сих пор живет наша литература!

А что сделали мы, литераторы, в доказательство своей признательности к тому, кто был общим воспитателем всех лучших между нами? Ровно ничего. Мы не потрудились даже подумать, что потомство обвинит нас, когда не отыщет его бедной могилы.

Я не осуждаю его друзей... в самом деле, их можно было понять. Он умер во время страшной болезни, когда каждый трепетал за себя, когда никто не был уверен поутру, что доживет до вечера. В боязни за себя, они могли забыть о нем — о чужих ли могилах думать, когда самому надобно готовиться к ответу за свою жизнь?

Теперь они знают, кому обязаны оживлением нашей литературы; теперь они чаще и чаще говорят о нем. Они исполняют то, что не было в свое время исполнено друзьями его...»

Эти страстные слова, наполненные скорбью и неизбывным чувством почтения к величию личности и творчества Белинского, всколыхнули все прогрессивные силы России. Интерес к его жизни и литературному наследию возрастал изо дня в день как в столичных, так и провинциальных городах.

Вслед за Чернышевским выступил его соратник Н. А. Добролюбов. В ряде статей и рецензий, опубликованных в 1857—1860 годах в «Современнике», он говорил о Белинском как о талантливом и непревзойденном критике, который оказал огромное влияние на развитие умственных течений 40-х годов и сделался выразителем мнений лучшей части русской публики. Под его знаменем, писал Николай Александрович, ратовала тогда литература против неправды и застоя, от него заимствовала она свою энергию и жизнь.

Добролюбов восхищался бойцовскими качествами Белинского в единоборстве с прислужниками царизма и

[illegible] В [illegible] [illegible] он отмечал великую нравственную стойкость, которую сохранил Виссарион Григорьевич в условиях невыноси[illegible] николаевского режима. Немногие, указывалось в статье, могли противопоставить всем невзгодам свои принципы и придать им реалистичность. Только у Белинского «внешний, отвлеченный принцип превратился [illegible] внутреннюю, жизненную потребность: проповедовать свои идеи было для него столь же необходимо, как есть и пить».

После смерти критика, подчеркивал Добролюбов, когда на страницах изданий процветала безвкусица, печатались всякие бездарные поделки, вроде таких, как «Беды от нежного сердца», «Сердце с пере[illegible]ми», «История одного женского сердца», «Слабое сердце», «О религиозно-языческом значении избы славянина», «О значении слова Баян» и т. п., «новое поколение перечитывало Белинского... Таким образом, несмотря на молчание русской литературы, молодая, живая часть [illegible] не переставала развиваться и постоянно старалась идти в уровень с современными требованиями».

Как установил литературовед М. Я. Поляков, невзирая на цензурные условия, Добролюбов с присущей ему смелостью первым в легальной русской печати попытался цитировать знаменитое письмо Белинского к Гоголю. В статье «Заграничные прения о положении русского духовенства» напечатанной в мартовской книге «Современника» за 1860 год, он писал: «Мужики наши ничего не читают, а можно ли сказать, чтоб они очень уважали священников и причетников? Стоит послушать сказки народа и заметить, какая там роль дается «попу, попадье, поповой дочери и попову работнику», стоит припомнить названия, какими честят в народе «поповскую породу», чтобы понять, что тут уважения не сохранилось».

Оценивая наследие великого критика, Добролюбов утверждал, что до сих пор его влияние ясно чувствуется на всем, что только появляется у нас прекрасного и благородного; до сих пор каждый из лучших наших литературных деятелей сознается, что значительной частью своего развития обязан Белинскому. Поэтому, что бы ни случилось с русской литературой, как бы пышно ни раз-

вивалась она, говорилось на страницах «Современни... Белинский всегда будет ее гордостью, ее сла... украшением

Следует заметить, что немалую роль в пропаганд... наследия великого критика сыграл его друг и ... тель, видный писатель-романист И. И. Лаж... С декабря 1857 года он цензуровал жур... ник» и, несмотря на предписание со стороны властей ...бращать на статьи г.г. Чернышевского и Добролюбова самое строгое внимание», разрешал публиковать «приятные ему строки о Белинском». Вскоре и сам Лажечников начал работать над заметками для биографии Виссариона Григорьевича, которые увидели свет на страницах «Московского вестника

С большой симпатией обрисо... мемуарист облик юного Виссариона. Будучи директором ... лищ Пензенской губернии, Иван Иванович осенью 1823 года прибыл в Чембар. «Во время делаемого мною экзамена,— писал он,— выступил передо мною межд... прочими учениками мальчик лет двенадцати, которого наружность с первого взгляда привлекла мое внимание Лоб его был прекрасно развит, в глазах светился разум не по летам... на все делаемые ему вопросы он отвечал так скоро, легко, с такою увере...стью, будто налетал на них, как ястреб на свою добы... Я особенно занялся им, бросался с ним от одного предмета к другому, связывая их непрерывною цепью, и, признаюсь, старался сбить его... Мальчик вышел из трудного испытания с торжеством

Иван Иванович с любовью вспоминал о многократ ных встречах с Белинским в Москве, переписке с ним, о его прекрасных человеческих качествах и достоинствах, путях развития литературного мастерства. Защи щая деятельность Виссариона Григорьевича от нападок реакционеров, Лажечников указывал: «Мало кому из молодых писателей случалось начинать свое поприще так смело, сильно и самостоятельно... Белинский угадал свое призвание и не ошибся в нем. Критик, какого мы до него не имели, он до сих пор ждет себе преемника Что бы ни говорили об его ошибках... за ним навсегда останется слава, что он сокрушил риторику, все натянутое и изысканное, всякую ложь, всякую мишуру и на место их стал проповедовать правду в искусстве... никто, как он, так зорко не угадывал в первых опытах мо

[illegible] большего [illegible]тельного таланта, не [illegible] так твердо славы за теми, кому она, по его [illegible], следовала... Став на страже у алтаря прав[illegible] готов был поднять камень и против друга, кото[illegible] осмелился бы обратиться спиной к его богине»

Реабилитация Белинского, начатая Чернышевским и Добролюбовым, нашла горячую поддержку и сочувствие в передовых кругах русского общества. По случаю выхода в свет «Очерков гоголевского периода русской литературы» один из корреспондентов Герцена указывал, что на Руси совершаются чудеса. Тургенев в письме Л. Н. Толстому 16(28) ноября 1856 года сообщал из Парижа: «Я радуюсь возможности их появления, радуюсь воспоминаниям о Белинском, выпискам из его статей,— радуюсь тому, что, наконец, произносится с уважением это имя».

Однако Лев Николаевич, находясь под влиянием либералов Анненкова и особенно Дружинина, на первых порах не мог согласиться с Тургеневым и в ответном письме назвал статьи Чернышевского «фетишизмом», поклонением старине и отжившим, по его мнению, понятиям. Спустя ровно месяц в следующем послании Иван Сергеевич, полемизируя с Толстым, указывал, что вопрос о взглядах и заветах Белинского является весьма острым и принципиальным, ибо речь идет об имени человека, который всю жизнь свою не знал не только счастья или покоя, но даже самых обыкновенных удовлетворений и удобств, что в него за высказывание тех самых мыслей, которые стали теперь общими местами, со всех сторон бросали грязью, камнями, эпиграммами, [illegible], что он смертью избег судьбы, может быть, очень горькой. И далее, защищая наследие великого критика от нападок Анненкова и Дружинина, Тургенев делился с Толстым своими воспоминаниями о борьбе Белинского за «правильное и здравое развитие нашей словесности». В конце своего послания Иван Сергеевич, оправдывая адресата, писал: «Вы всего этого не застали — будучи 10-ю годами моложе нас... потому Вы и не судья заслугам Белинского

Переписка с Тургеневым оказала огромное влияние на Толстого. Последнее письмо от Ивана Сергеевича ему вручили на Новый год. В своем дневнике 1 января Лев Николаевич сделал такую запись: «Проснулся в 12-м часу, получил сухое, но милое письмо от Тургенева».

Оно заставило Толстого по [illegible] лите-турно-критическую [illegible] Белинского и его заслуги перед русским обществом. К сожалению, до наших дней не сохранились те издания с про[illegible] великого критика, которые внимательно читал Толстой Но о том, что изучение наследия революционного демократа заинтересовало Льва Николаевича, свидетельствуют последующие дневниковые записи. Так, на другой же день, 2 января, он отметил: «Утром читал Белинского, и он начинает мне нравиться». Запись от 3 января гласила: «Очень поздно встал, прочел прелестную статью о Пушкине». А 4 января Толстой признался «Статья о Пушкине — чудо. Я только теперь понял Пушкина». И далее великий писатель подтверждал: «Я решительно счастлив все это время. Упиваюсь быстротой морального движения вперед и вперед»

Об изменениях, происходивших во взглядах Толстого, говорил и Боткин, который писал Тургеневу: «Толстой все это время здесь — ты бы не узнал его, если б увидел. Это во всех отношениях редкая натура; много сил и необыкновенное внутреннее стремление... Великий нравственный процесс происходит в нем»

Несомненно, как заметил литературовед Б. М. Эйхенбаум, большую роль в этом «нравственном процессе сыграло знакомство Л. Н. Толстого со статьями Белинского. Возможно, что отсюда протягиваются нити не только к рассказу о погибшем гениальном музыканте («Альберт», задуманный в эти дни), но и к такой необыкновенной по идейной смелости и моральной страстности вещи, как «Люцерн

О громадном значении наследия критика писали и другие ученые, литераторы. Так, прогрессивный русский экономист профессор И. К. Бабст в статье «Промышленное и техническое образование» заявлял: «Поверьте, скажем мы каждому технику, каждому инженеру, что творения Пушкина, что статьи незабвенного Белинского, читавшиеся с жадностью целыми поколениями молодых людей, внесшие в общество столько благородных мыслей, несравненно полезнее и в промышленном отношении целых сотен ремесленных школ, потому что только благодаря таким учителям и в ремесленные школы пойдет народ» [10]

Представившаяся возможность открыто говорить и писать о Белинском окрылила его друзей и соратников

[illegible] …енно
[illegible] Р[illegible]

[illegible] …стить [с]борник литературных произведений в пользу семьи Ви[illegible] …ние восторженно [illegible] о лучшими писател[illegible] …ого периода. Тур[illegible] в письме к П. В. Анненкову 23 сентября (5 октяб[illegible] 1857 года сообщал: «Прежде всего — скажите Нек[illegible] …бещаю ему две статьи — повесть или рас[с]каз и воспоминания о Белинском. Я глазам не верю — неужели позволили наконец альманах с именем Белинского на заглавном листе и с отзывами о нем! Как бы то ни было — я с восторгом впрягаюсь [illegible] …рету и буду везти из всех с[illegible]

Особое же беспокойство у почитателей Виссариона Григорьевича вызвала судьба его могилы. Первой про[явила] заботу о ней жена Мария Васильевна. Как ни [illegible] …ела была ее жизнь, она сумела скопить 30 рублей и [illegible] …е 50-х годов поручила Д. П. Иванову, родствен[illegible] …вить на эти деньги скромное и [illegible] …дгробие близкому и дорогому ей человеку. Однако на неблагоустроенном, заболоченном кладбище, [illegible] …енно в той его части, где хоронили в то время мел[illegible] …их чиновников, обедневших мещан и других просто[illegible] …е было особого порядка в отводе мест для [illegible]. И не случайно в 1853 году Н. А. Некрасов [illegible] …ворении, посвященном Белинскому, свидетель[illegible] …рана давно твоя могила, и память благодарная друзей дороги к ней не протори[illegible]

Об этом же, как указывалось выше, писал Н. Г. Чер[illegible]. Примерно одновременно с ним решил разыскать могилу Белинского давнишний его друг, впо[с]ледствии известный библиограф П. А. Ефремов, при[illegible] …Виссарион [illegible] …асти кладбища, он целый день внимательно осматривал каждый холмик, читал редкие надписи, сделанные иной раз прямо на [illegible] …ивших деревянных крестах, но не находил доро[г]ого имени. Потребовалось еще два воскресенья для [illegible] …исков, и «наконец,— рассказывал П. А. Ефремов, нахожу полуразвалившуюся могилу, покрытую камнем, на котором написано «Виссарион Григорьевич Белинский...». Ефремов пригласил смотрителя кладбища и попросил его привести в порядок надгробие

Ве[illegible], что могила Белинского найдена, распро[illegible] среди петербуржцев. Через несколько дней [illegible]мент был украшен венками. 15 август[illegible] [illegible] Б[illegible]ково кладбище пришел Н. Н. Ге, в то [illegible] Академии художеств, позж[illegible] [illegible]льптор. По просьбе П. А [illegible] сделал эскиз, на котором запечатлел для [illegible]вопачальный вид могилы великого критика

Оставлять в таком виде место захоронения В[illegible]риона Григорьевича было нельзя. Следовало обновить надгробие и в дальнейшем установить другой, более надежный и долговечный памятник. По инициативе М. В. Белинской открылась подписка доброволь[illegible] жертвований. Было собрано 600 рублей, которые пере[illegible]дали в ее полное распоряжение. Видимо, вносили деньги на это благородное начинание не только в столичных городах. Сестра Марии Васильевны А. В. Орлова сви[illegible]детельствовала в своих воспоминаниях, что «по пол[illegible] собрали деньги на памятник по всей России». И здесь нет, по всей вероятности, большого преуве[illegible] с февраля 1857 по июнь 1858 года в Москве и Петер[illegible]бурге было внесено 284 рубля. В подписке участвовали Некрасов, Чернышевский, Добролюбов, Анненков, Пы[illegible]пин, Ефремов, Кавелин и другие, всего 33 человека

Личность Белинского все больше привлекала внима[illegible] [illegible]щей публики. Она желала видеть дорогие [illegible]того истинного патриота русской земли, его пор[illegible]ре[illegible] [illegible]лось так, что при жизни Белинского его облик ни разу не воспроизводился в печати. И вот в майском еженедельном листке «Иллюстрация» № 20 за 1858 год в России впервые был напеч[illegible]тика и первоначальный вид его могилы

Но поистине величайшим событием в общественной и культурной жизни России явилось первое издание [illegible]
В этом деле самое горячее участие приняла вдова критика. Все бумаги мужа Мария Васильевна передала в распоряжение давнего друга Виссариона Гри[illegible] Н. Х. Кетчера. Он вместе с К. Т. Солдатенк[illegible] Н. М. Щепкиным взял на себя хлопоты, связанные с подготовкой издания. Работа ш[illegible]а быстро. Уже в [illegible] [illegible] писал: «В литературе нашей не может быть ново[illegible] отраднее той, которая только что явилась к нам из Моск-

ви. Наконец сочинения Белинского издаются. Первый том уже напечатан и получен в Петербурге, следующие, говорят, не замедлят. Наконец-то! Наконец-то...»

Восторженно приветствуя выход сочинений Белинского, Добролюбов указывал на их значимость для русской публики, которой представилась возможность ближе познакомиться с этим гениальным человеком, его взглядами, сложившимися «в ожесточенной борьбе с невежеством, ложью и злонамеренностью своих противников».

Отрадным было и то, что издатели, выпуская творения критика, не преследовали коммерческой цели. Каждый том стоил один рубль, что было в три-четыре раза дешевле по сравнению с другими книгами такого же объема. Издание печаталось на хорошей бумаге, в добротном оформлении. К нему были приложены прекрасно гравированный Ф. И. Иорданом портрет критика и его факсимиле.

Первое собрание сочинений революционного демократа пользовалось исключительным успехом и в течение тридцати шести лет, т. е. с 1859 по 1895 год, переиздавалось семь раз. Оно сыграло огромную роль в развитии передовой литературы, искусства, оказало значительное влияние на рост революционной борьбы.

«Никакие классы, курсы, писания сочинений, экзамены и все прочее,— говорил В. В. Стасов,— не сделали столько для нашего образования и развития, как один Белинский... Он издали приготавливал то здоровое и могучее интеллектуальное движение, которое окрепло и поднялось четверть века позже. Мы все — прямые его ученики»[1].

Имя Белинского, указывал в воспоминаниях П. И. Прозоров, заняло в то время одно из тех почетно высоких мест, когда каждый случай из его жизни, каждое слово о нем было дорого для публики. Она не только с жадностью читала и с глубоким наслаждением перечитывала его произведения, но желала знать биографию писателя. «Но для этого,— продолжал Прозоров, с которым Белинский учился в университете и жил в одной комнате, именовавшейся «Одиннадцатым нумером»,— в настоящую минуту нет у нас никаких материалов, а поэтому всякий, кого только судьба сталкивала в жизни с этим замечательным литературным и общественным деятелем, обязан, по моему мнению, напечатать все, что

известно ему о нем». Сам Прозоров в своих мемуарах, опубликованных в декабрьском номере журнала «Библиотека для чтения» за 1859 год, рассказал о студенческих годах Белинского, истории возникновения его антикрепостнической драмы «Дмитрий Калинин» и исключения за нее молодого сочинителя из Московского университета.

Вслед за Прозоровым в январском номере «Современника» за 1860 год напечатал свои «Воспоминания о Белинском» И. И. Панаев, которые сразу же привлекли внимание читателей. Это заставило его продолжить работу над мемуарами. «Литературные воспоминания» увидели свет в первом, втором, девятом — одиннадцатом номерах «Современника» за 1861 год.

Указанные публикации Ивана Ивановича отличались глубиной и точностью освещения наиболее важных событий в деятельности Белинского. И это вполне естественно. Ведь мемуарист почти десять лет теснейшим образом общался с Виссарионом Григорьевичем, являлся, пожалуй, самым близким его другом.

Продолжая начатую Чернышевским и Добролюбовым реабилитацию великого критика, Панаев говорил о том великом вкладе, который внес Белинский в развитие русской литературы и общественной мысли. Автор на многих страницах тепло и сердечно отзывался о человечности и необычайной скромности Виссариона Григорьевича, его чуткости к тем людям, которые входили в его кружок. «Они,— свидетельствовал Иван Иванович,— благоговели перед ним, смотрели на него, как на своего учителя... Каждый из них готов был за него в огонь и в воду, но... Белинский никогда ни на кого из своих петербургских друзей не смотрел с высоты своего авторитета и никому из них не дал ни разу почувствовать своего превосходства; напротив, он отыскивал в каждом лучшие его стороны, даже преувеличивал их». Особенно его внимание привлекали молодые литераторы, которых встречал радушно, и «открытие всякого нового таланта было для него праздником». Именно он открыл дарования Некрасова и Тургенева, Достоевского и Гончарова и многих других, может быть, не столь ярких и способных художников слова. Но в свое время они играли важную роль в развитии «натуральной школы», создании демократических произведений, которые призывали к «лучшему будущему», раскрывали «несостоя-

тельность старых порядков», постоянно давали «чувствовать их тягость».

Одновременно с «Воспоминаниями о Белинском» И. И. Панаева в третьем номере «Московского вестника» за 1860 год появилось письмо на имя редактора указанного издания Н. А. Основского под названием «Встреча моя с Белинским». Автором письма являлся И. С. Тургенев. Обладая прекрасной зрительной памятью, он как бы восстановил на страницах еженедельника живой и яркий портрет своего наставника.

Когда меня привели на квартиру Виссариона Григорьевича, делился своими впечатлениями автор публикации, «я увидел человека небольшого роста, сутуловатого, с неправильным, но замечательным и оригинальным лицом, с нависшими на лоб белокурыми волосами и с тем суровым и беспокойным выражением, которое так часто встречается у застенчивых и одиноких людей. Одет он был в старый, но опрятный байковый сюртук, и в комнате его замечались следы любви к чистоте и порядку».

Запомнилась Тургеневу и беседа с Белинским, который вначале говорил как-то вяло, без особого энтузиазма. Но постепенно воодушевился, и все лицо его преобразилось. «Прежде суровое,— свидетельствовал Иван Сергеевич,— почти болезненное выражение заменилось другим: открытым, оживленным и светлым; привлекательная улыбка заиграла на его губах и засветилась золотыми искорками в его голубых глазах, красоту которых я только тогда и заметил».

Мемуарист касался и других вопросов, характеризующих личность великого критика. Он был самолюбив, писал Тургенев, но «себялюбия и эгоизма в нем и следа не было». «Собственно себя,— подчеркивал Иван Сергеевич,— он ставил ни во что: он, можно сказать, простодушно забывал о себе перед тем, что признавал за истину... нравственная чистота этого — как выражались его противники — *«циника»* была поистине изумительна и трогательна; знали о ней только близкие его друзья».

Определяя место и роль Белинского в тогдашнем общественном движении, Тургенев писал, что мы решились бы назвать его «центральной натурой», ибо он «всем существом своим стоял близко к сердцевине своего народа» и сделался «одним из руководителей общественного сознания своего времени». «Ум его постоянно

и неутомимо работал», и мемуариста более всего поражал «тот глубокий здравый смысл», который не позволял Виссариону Григорьевичу отклоняться «от единственно полезной в то время деятельности: литературно-критической, в обширнейшем смысле слова...». Он превосходил всех без исключения «силой и тонкостью эстетического понимания» каждого произвед[illegible]ти непогрешительным вкусом». «При появлении нового дарования, нового романа, стихотворения, повести — никто, ни прежде Белинского, ни лучше его, не произносил правильной оценки, настоящего, реша[illegible]

По всей вероятности, Тургенев намеревался д[illegible] целую серию очерков, в которых считал долгом рассказать о феноменальной «натуре» критика. В заключении автор корреспонденции обещал «поговорить об этом» [illegible]ром письме». Однако, несмотря на просьбы и напоминания Н. А. Основского ускорить «пр[illegible] обещанного продолжения», Иван Сергеевич по неизвестным причинам обещание не выполнил. Только в 1869 году он напечатал вторую часть во[illegible]ском номере журнала «Вестник [illegible]

А вскоре после обнародования м[illegible] П. [illegible]горова, И. И. Панаева, И. С. Тургенева в Петербурге вышла небольшая книжка видного поэта-сатирика, обличителя чиновничье-бюрократических порядков в России Д. Д. Минаева, напечатанная под псевдонимом «Д. Свияжский». Она называлась: «Виссарион Григорьевич Белинский. Биографический очерк». Автор с большой симпатией относится к имени революционного демократа, указывает на его высокие нравственные качества, стойкое мужество в преодолении трудностей. Кратко описывая первоначальный период жизни и творчества критика, он говорил, что Бел[illegible]лежит к числу тех имен, которые «ярко и долго будут светить среди меркнувших и потухавших светил; и станут не одним пустым звуком для молодых поколений, для которых память об этом имени связана с собственным своим логическим развитием[illegible]

Не только на страницах книг и журналов писалось о заслугах Белинского перед русским обществом. Находились смелые люди, которые говорили о нем с кафедр учебных заведений. Начало этому положено в Пензенской гимназии. В мае 1860 года директор училищ Пензенской губернии по настоянию передовых преподавате-

лей обратился в Казанский учебный округ министерства народного просвещения за разрешением о чествовании памяти Белинского по случаю пятидесятилетия со дня рождения, ибо тогда считали, что он родился в 1810 году. При этом к прошению была приложена речь «О жизни и сочинениях Белинского», написанная старшим учителем гимназии В. И. Захаровым — другом И. Н. Ульянова, который преподавал с мая 1855 по июнь 1863 года физику и математику в Пензенском дворянском институте.

Получив указанные документы, попечитель округа направил текст доклада В. И. Захарова для проверки в Казанский университет. Кафедра историко-филологического факультета одобрила содержание речи, хотя усмотрела в ней небольшую резкость выражений против врагов и недругов Белинского. В результате в Пензу поступило предписание, в котором давалось разрешение «произнесть возвращаемую при сем речь на торжественном акте гимназии».

Страстный поклонник творчества Белинского, В. И. Захаров старался на уроках российской словесности привить своим питомцам самостоятельность в оценке не только литературных произведений, но и самой жизни. Даже комиссия, проверявшая знания учащихся в 1860 году, отметила в протоколе, что «преподаватель Захаров с полной любовью, искренним воодушевлением занимался своим делом; ответы учеников были ясны и отчетливы, в них видно было пробужденное преподавателем желание все понять самим и судить обо всем с полным участием».

Не удивительно, что впоследствии руководящее ядро революционно-народнического кружка «Ад» и «Организация» составили Н. А. Ишутин, Д. В. Каракозов, стрелявший в царя Александра II в апреле 1866 года, Д. А. Юрасов, М. М. Загибалов — ученики В. И. Захарова[14]. «Под его влиянием,— показывал на допросе Загибалов,— мы все стали читать Белинского и учредили домашние литературные вечера».

Идеи Белинского распространялись повсеместно с небывалой быстротой. Его пламенное слово зажигало сердца людей, звало их на борьбу с царским деспотизмом. Об этом с нескрываемым негодованием сообщал давнишний противник Белинского Погодин. Совершая в 1862 году путешествие в восточные районы России, он

писал: «Сибирякам [illegible] правильное учение, основательное образование,— и вот о чем [illegible]ботиться [illegible] начальство. Оборони их бог от критики Бе[illegible] от всей этой дребедени, которая завладела, [illegible]меется, до первого умного начальника, почти [illegible]еми гимназиями по сю сторону Урал[illegible]

[illegible]е осталась без внимания и семья Белинского. По[illegible] [illegible]атайством в Литератур[illegible] фонд о назначении ей пенсии. Комитет фонда 15 января 1860 года поручил его секретарю А. Д. Гала[illegible] [illegible] покойного и на основе [illegible]ести вопрос об оказании ей мат[illegible]. Члены комитета Н. Х. Кетчер, Н. К. Баб[illegible] [illegible]ивавшие в Москве, навестив М. В. [illegible], [illegible]ючение, что она получает [illegible], [illegible]е может обеспечить даже сам[illegible] [illegible]ребностей жизни», здоровье ее «в [illegible] [illegible] состоянии»; при ней «находит[illegible] 14 лет, [illegible] нужду в приличном воспитан[illegible] [illegible] ее отца[illegible]

17 февраля комитет назначил М. В. Белинской пен[illegible]азмере 600 рублей в год. Семья критика смогла несколько раз выехать на лечение в Гапсал на Балтику [illegible]ема морских и грязевых ванн, создать более [illegible]ятные условия, чтобы подготовить Ольгу Вис[illegible] [illegible]у для сдачи экстерном экзаменов за полный [illegible] Московском университете на право гувернант[illegible] [illegible]ательницы

[illegible] 1865 году материальное положение М. В. Белин[illegible] [illegible]чительно улучшилось. Она получила от [illegible]ей собрания сочинений ее мужа 14 тысяч рублей [illegible]аждения и в июле обратилась в Литературный фонд [illegible]явлением, в котором просила снизить ей наполовину пенсию с тем, чтобы «другие неимущие литераторы и их [illegible]а могли пользоваться остальною пол[illegible]

[illegible] высоких гуманных чувствах [illegible]ку, стремлении оказать поддержку подобным себе люд[illegible] [illegible]рко свидетельствует также письмо к Н. М. Щепкину. В [illegible]ем М. В. Белинская писала: «Из 600 рублей, собранных на памятник Виссариону Григорьевичу, нельзя иметь такую стипендию, как в память Грановск[illegible] [illegible] можно в нынешнем мае, когда будут поступать в университет студенты, за троих из них, самых бедных, внести по 50 рублей, а так как курс продолжается четы-

ре года, то на эти 600 рублей они могут в память Белинского получить образование.

Предложение М. В. Белинской, по-видимому, осуществилось, так как в начале 1866 года она сдала мастеру Долгину заказ на изготовление надгробного памятника на могилу мужа за счет личных средств и уплатила ему 500 рублей. Этот памятник, установленный в июне 1866 года, до сего времени украшает место погребения критика.

Все растущий авторитет Белинского, распространение его идей вызвали противодействие либералов и прямых сторонников крепостных порядков в России. Вокруг имени критика разгорелась борьба, еще более острая, чем при его жизни. Газеты и журналы, отражавшие взгляды реакции, обрушились на творчество критика и даже на его личные достоинства как человека.

С появлением в печати «Очерков» Чернышевского ряд литераторов, как В. П. Боткин, С. С. Дудышкин и другие, возглавляемые влиятельным писателем и критиком А. В. Дружининым, не замедлили подать свой голос. Орган этих либералов — проповедников идеалистической теории «искусства для искусства» — «Библиотека для чтения» (1855, № 11 и 12) опубликовала заметки своего редактора Дружинина под названием «Критика гоголевского периода и наши к ней отношения». В них со всей полнотой наметилось размежевание представителей «двух исторических тенденций, двух исторических сил,— как указывал В. И. Ленин,— которые с тех пор и вплоть до нашего времени определяют исход борьбы за новую Россию»[17].

Полемизируя с Чернышевским, Дружинин не только оспаривал прогрессивность «гоголевского периода в литературе», не только отрицал его значение для последующего поколения писателей, но, главное, старался оторвать литературу от общественных интересов, ратуя за светское «успокоительное» искусство, далекое от жизни и политической борьбы. Острие своей полемики он направлял не столько против Чернышевского, сколько против Белинского, как вдохновителя литературных явлений 40-х годов и теоретика реализма.

Защищая идеи «чистого искусства», автор берет под сомнение правильность критики Белинского, говорит, что в ней «мы беспрерывно подмечаем страницы невыносимо лживые, выводы более чем детские... и особенно

в последние годы» т. е. в годы, когда с полной силой развернулись талант и мастерство критика, определились его политические взгляды как революционного демократа.

Дружинин обвинял Белинского в том, что он держал литературу под неослабным контролем, сокрушался, что никто из тогдашних критиков не смог дать ему достойную отповедь за нападки на таких «прекраснодушных» поэтов, как Марлинский и Бенедиктов, и «переписку» Гоголя. Под личиной защиты интересов литературы лидер сторонников «чистого искусства» призывал «изменить убеждения», сложившиеся под влиянием критики 40-х годов, удалиться «от житейских тревог и мутной современности», уйти «в область возвышенного мира».

Еще более рьяно выступил против Белинского поэт князь Вяземский. Он не осмелился на первых порах излить свое возмущение в печати. Под предлогом, что ему самому «по чину не подобает» выступать с полемикой (Вяземский в то время занимал должность товарища министра народного просвещения), он решил найти достойного партнера и с его помощью обрушиться на творчество Белинского. Выбор пал на махрового реакционера, давнего недруга критика профессора Московского университета Шевырева. «Подайте свой голос,— обращался к нему Вяземский 4 января 1857 года,— против этой реставрации, этого апофеоза памяти Белинского, которому все журналы наши поют ныне акафисты и панихиды. Даже и «Русская беседа» называет его столь сильным деятелем в нашей литературе. Да разве баррикадники, которые ломают мостовую, разве они деятели? Белинский был не что иное, как литературный бунтовщик, который, за неимением у нас места бунтовать на площади, бунтовал в журналах».

Но и Шевырев не нашел в себе мужества открыто опровергнуть Белинского. В ответном письме от 9 декабря 1857 года он поучал высокопоставленного чиновника, чтобы тот силой власти помешал размножать в России племя «таких учителей как Белинский вместе с его учением...», иначе он будет виновником этого размножения, на него ляжет ответственность перед всеми литературными предками. «Я же решился писать к вам это письмо,— оправдывался Шевырев,— чтобы снять с себя перед ними и потомками ответственность,

что при этом случае не подал вам искреннего своего голоса и не вступился за будущее отечества».

Заступники самодержавной идеологии нашлись в газете «Северная пчела» (1859, № 229, 281). Ее сотрудник Ксенофонт Полевой, вспомнив свои пасквильные заметки 1848 года о Белинском, спустя одиннадцать лет снова выступил со статьями, пропитанными злобой и ненавистью. Как и Дружинин, он отдает предпочтение начальному периоду творчества критика, когда Белинский «показывал ум и наблюдательность», когда не думал быть «оракулом партии», когда его идеи не имели еще решающего влияния на русское общество

К. Полевой откровенно высказал мнение своих единомышленников, видевших в Белинском не человека «поэзии в мире идеалов», а «поклонника богини Разума», который замечал прекрасное «только в вещественном, осязаемом, материальном и оттого-то обожал Кольцова, Гоголя и не понимал Жуковского». Злобные прислужники самодержавия старались уверить читателей в том, что Белинский «не принес никакой пользы» для литературы и только портил у людей вкус, извращал понятия, внушал ложные мысли молодежи.

В противовес Чернышевскому, который назвал Белинского «одним из замечательнейших наших ученых», К. Полевой охаивал личные качества критика, утверждая, что он был «человек с умом тяжелым, не образованным», имел «жалкое нравственное воспитание». «Северная пчела» вещала, что лучше всего «не издавать более сочинений Белинского», которые «не представляют никаких достоинств» для «внимания современной публики».

Вслед за К. Полевым на страницах этой же газеты (1861, № 83) выступил небезызвестный Погодин, который писал: «Белинский принес пользу тем, кто не имел никаких других учителей, кроме него, принес, может быть, пользу своему времени, но останавливаться теперь на Белинском... есть знак ограниченности, бездарности и, смею сказать, невежества».

Но лобовые атаки реакционеров не имели успеха. Слишком заметна была их злопыхательская тактика, направленная на уничтожение Белинского. Поэтому апологеты «православия, самодержавия и народности» решили пойти на извращение учения Белинского путем подбора соответствующих цитат из сочинений критика,

объявить его не кем иным, как... самым последовательным мистиком. С этой целью в 1862 году была издана при непосредственном участии министра народного просвещения Головнина анонимная книга «Белинский как моралист», где указывалось, что «редко у кого из светских писателей можно еще встретить такое благоговение к слову Евангелия, как у него».

Нападки реакционеров на революционную демократию поддерживало правительство. Оно свело в могилу Добролюбова, сослало на каторгу Чернышевского, заключило в Петропавловскую крепость Писарева. Выстрел Каракозова в царя повлек за собой усиление репрессий, закрытие ряда прогрессивных журналов, строгость цензуры

Вместо Головнина министром народного просвещения стал Д. А. Толстой, одновременно занимавший должность обер-прокурора синода. Этот «умный начальник», о котором некогда мечтал Погодин, принял ряд мер, направленных против Белинского. При посещении гимназий и других учебных заведений он лично срывал со стен портреты великого критика, выбрасывал и уничтожал его книги. Не довольствуясь этим, Д. Толстой издал специльный циркуляр, в котором запрещал иметь в ученических библиотеках сочинения Белинского

Как ни старался министр, он не смог оградить подведомственные ему заведения от влияния Белинского, идеи которого проникали не только в светские, но и духовные школы. Об этом свидетельствует секретное предписание святейшего синода от 27 апреля 1870 года, разосланное во все епархии. В нем говорится: «По поводу допущенного в одной из семинарий преподавателем словесности указаний ученикам на сочинения Белинского и Добролюбова, как на учебные пособия, Святейший Синод определением от февраля сего года предоставил сообщить епархиальным просвещенным конфиденциально, чтобы приняли надлежащие меры к изъятию сочинений этих авторов в семинариях, а равно и из семинарских библиотек».

В условиях наступившей реакции и полицейских преследований, когда на имя революционного демократа опять обрушились его недруги и главный враг — царизм, вдова критика не могла перенести унижений и оскорблений, допускаемых в отношении мужа, и вынуждена была покинуть Россию.

Несколько лет пробыла Мария Васильевна за границей. Вместе с дочерью она жила в Германии, Швейцарии, Италии, а затем переехала на остров Корфу в Греции. Здесь Ольга Виссарионовна познакомилась с помощником прокурора крепости Корфу Георгием Бенсисом. Надежд на возвращение в Россию не предвиделось, и в 1873 году, когда Г. Бенсис попросил ее руки, она ответила взаимностью.

В эти годы М. В. Белинская поддерживала связь с революционно настроенной русской эмиграцией. В 1874 году она совершила поездку в Лондон, где встретилась с Огаревым. В записке на его имя жена критика писала: «Очень жаль, что Вы хвораете. Надобно надеяться, что с переменой погоды Вам будет легче, а я еще раз побываю у Вас: я пробуду здесь недели две, а может быть, и больше. Я Бакунина не видела, а надеюсь его видеть в августе на возвратном пути, и, если Вы напишете ему письмо, я с удовольствием его доставлю».

Из письма видно, что М. В. Белинская выполняла некоторые поручения, которые ей давались за границей. Так, перед отъездом из Лондона Огарев вручил Марии Васильевне рекомендательный адрес на имя своего приятеля и тестя А. А. Тучкова, проживавшего в селе Яхонтово Пензенской губернии. В короткой записке Огарев указывал: «К тебе едет жена моего покойного друга Белинского. Прими ее братски в мое старое воспоминание».

Цель поездки Марии Васильевны в пензенские края до сего времени остается загадкой и ни в одном исследовании пока не раскрыта. Если предположить, что она желала посмотреть на места, где прошли детские и юношеские годы мужа, то ей лучше было бы остановиться у сестры Белинского — Александры Григорьевны, которая проживала тогда в Нижнем Ломове, значительно ближе к Чембару и Пензе, чем село Яхонтово, где находилось поместье Тучкова.

В связи с этим невольно возникает вопрос: не являлся ли он агентом заграничной «Вольной русской типографии»? Ведь в изданиях Герцена и Огарева помещались многие корреспонденции, рассказывающие о событиях в Пензенской губернии. Причем сведения, как правило, были весьма достоверными, которые нередко исходили из секретных данных, рассылаемых предводи-

телям дворянства и полицмейстерам из канцелярии губернатора. Например, в «Колоколе» неоднократно сообщалось о жестоком подавлении крестьянских выступлений в селах Танеевка, Пушкино, Жмакино, Зыково и других, расположенных недалеко от Яхонтова.

К тому же по своим взглядам Тучков принадлежал к наиболее прогрессивной части русского общества. Еще в молодости он примыкал к кругу декабристов. Его вольнолюбивые мысли проявлялись и в 50—60-х годах. Пензенский губернатор не раз доносил в III отделение, что предводитель дворянства Тучков внушает молодым людям в высшей степени либеральные мысли и распространяет ложное понятие о коммунизме»[19]

Не исключено также, что Тучков являлся одним из связующих звеньев, через которые проходила в России запрещенная литература, издававшаяся за границей. Если это так, то М. В. Белинская могла передать адресату вместе с запиской и печатные материалы.

Как бы то ни было, но Мария Васильевна стремилась в эти трудные годы вложить посильную лепту в благородное дело, за которое боролся покойный муж. Ее утешали встречи с товарищами и близкими критику людьми. Она старалась оказать им по возможности моральную поддержку и дружескую помощь

В 70-х годах к творчеству и личности Белинского обращается ряд литераторов, художников, скульпторов.

В 1871 году известный живописец Н. Н. Ге, который, еще будучи студентом, запечатлел первоначальный вид могилы Белинского, на основе собранных воспоминаний о нем, благодаря непосредственной помощи выдающегося скульптора-реалиста, близкого к передвижникам, М. М. Антокольского, закончил работу над бюстом критика. Это было первое воспроизведение образа революционного демократа в скульптуре.

В этот же период начал работать над портретом Виссариона Григорьевича академик живописи К. А. Горбунов, родившийся в селе Владыкино Чембарского уезда Пензенской губернии. Почти после двадцати трех лет, прошедших со времени написания им небольшого полотна «Белинский на смертном одре», Горбунов снова воспроизводит его образ. На этот раз он пишет портрет в масле по заказу известного собирателя П. М. Третьякова. Единственный художник-профессионал, который

ранее с натуры нарисовал несколько портретов Белинского, с большим вниманием отнесся к поручению основателя будущей знаменитой картинной галереи.

Для большей точности воспроизведения дорогого образа своего друга он неоднократно приглашал на консультации Тургенева и других современников критика, которые хорошо знали его при жизни. В результате был создан портрет, по праву завоевавший самую высокую оценку у знатоков иконографии Белинского. Работу Горбунова Третьяков купил за 300 рублей. В 1889 году этот портрет был передан в Саратовский Радищевский музей, где он находится до настоящего времени.

В [illegible] году портрет Белинского создает крупнейший русский живописец-передвижник В. М. Васнецов. В основу портрета положена гравюра Иордана, снятая с рисунка Горбунова. Выдающемуся мастеру кисти удалось передать мужественный образ революционного демократа. Мало кто из исследователей творчества Васнецова говорит об этой работе художника, так как оригинал не дошел до наших дней, сохранились с него лишь литографии, ставшие редкостью.

Дорогие черты великого русского критика привлекали внимание Н. А. Астафьева. Сначала он предполагал создать полотно «В. Г. Белинский за работой». Чтобы сравнительно точно передать интерьер кабинета, где Виссарион Григорьевич писал свои произведения, художник обратился за помощью к его жене Марии Васильевне. В ответном послании, отправленном 24 декабря 1873 года с острова Корфу, она сообщала: «Милостивый государь Иван Александрович! Извините, что я не тотчас ответила на Ваше доброе, сочувственное письмо: я всегда благодарна тем, кто чтит память покойного мужа моего, а Вы, как кажется, один из его усердных поклонников. С большой готовностью исполняю Ваше желание (насколько память мне может служить) насчет рабочего кабинета за последние два года; в последние три-четыре месяца Виссарион Григорьевич не мог сам писать, а, лежа на кушетке, диктовал мне; изнурительная лихорадка пожирала его в это время (это, как мне помнится, было великим постом), лицо у него страшно горело, а лоб был перевязан белым носовым платком, намоченным в холодной воде...»

В этом же письме Мария Васильевна подробно рассказывала о рабочем кабинете: где стояли книжные, во

всю стену, шкафы под орех, большой, красного дерева стол с зеленым сукном и множеством ящиков, пушистая кушетка, этажерки, небольшой дамский письменный столик; говорила о бюстах Руссо и Вольтера — вершков в десять и поясных, вершков в пять — Гете, Пушкина, Гоголя; литографированных портретах Пушкина, Гоголя, Гете, Шиллера, Кольцова, Н. Станкевича и т. д.

Однако данной информацией И. А. Айвазовскому воспользоваться не пришлось. Почему-то от первоначального замысла он отказался. Только в 1879 году художник снова обратился к задуманной теме и написал маслом небольшой портрет-эскиз, а спустя два года сделал прекрасный рисунок в карандаше. Эти портреты широко известны. Первый из них находится в Государственном Литературном музее, а второй — в Третьяковской галерее.

Но самым знаменательным событием в популяризации наследия критика после издания его собрания сочинений явилась двухтомная монография А. Н. Пыпина «Белинский, его жизнь и переписка», вышедшая в 1876 году. До этого она печаталась в журнале «Вестник Европы» за 1871—1875 годы. Это была первая научная биография великого критика, в которой рассматривался весь его жизненный и творческий путь.

Автор монографии доводился двоюродным братом Чернышевскому. Вместе они росли в Саратове, затем оба начали сотрудничать в петербургских журналах. Александр Николаевич всю свою жизнь посвятил литературе. Его труды переводились на немецкий, французский, чешский и другие языки. В начале 70-х годов Российская Академия наук избрала Пыпина своим сочленом по кафедре русской истории. Но министр народного просвещения Д. А. Толстой рьяно выступил против этого, ибо не мог простить ученому ту высокую оценку, которую он дал заслугам Белинского в фундаментальном исследовании «Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов».

Пыпин, не считаясь со временем и материальными затратами, много сил приложил для того, чтобы собрать копии с большинства писем критика, находившихся у А. А. Бакунина, Солдатенкова, Тургенева, Д. П. Иванова, А. А. Фета, А. В. Станкевича и других. Подлинники многих посланий позже пропали. Поэтому благодаря стараниям Пыпина до наших дней сохранилось

бесценное эпистолярное наследие революционного демократа.

Кроме того, по просьбе Пыпина написали воспоминания о Белинском его современники, близкие к нему люди: Н. Н. Тютчев, И. А. Гончаров К. Д. Кавелин, П. В. Анненков, ценные сведения и ряд документов предоставили И. Н. Захарьин (Якунин), Е. И. Якушкин, Н. Х. Кетчер, Е. Ф. Корш, П. А. Ефремов, А. Д. Галахов. [illegible] не ограничился указанным кругом лиц. Он [illegible]рался установить связи со многими знакомыми критика и по возможности пополнить свой архив дополнительными сведениями

Переписки Белинского,— делился своими мыслями [illegible] корреспондентов Пыпин,— у меня собралось [illegible]ерь почти тома на четыре средней величины; но издание ее, я убежден в этом, еще невозможно в настоящее время...» Автор монографии указывал, что писать «очень трудно», однако, независимо от того, он полон энтузиаз[illegible] дать труд, достойный памяти великого че[illegible]

Пыпин считал своим долгом на основе имеющегося материала воспроизвести личность Белинского «в последовательном развитии его характера и взглядов под [illegible]ными влияниями общественной среды и под властью тех идеалов, проповедь которых наполняла его [illegible]о деятельность и дала, наконец, этой дея[illegible]ости широкое общественное значение

[illegible]лизируя эпоху Белинского, Пыпин констатировал, что обширная популярность его имени вызвала ожесточенную ненависть одних и горячее уважение других. Это не случайное явление, ибо он смело бичевал существующую действительность, благодаря ему возник тот водораздел, который разграничивал все прогрессивное и консервативное.

[illegible]щищая Белинского от злобных нападок и [illegible]леветы со стороны реакции, Пыпин с глубокой симпатией пока[illegible] [illegible]равственную силу критики Белинского, его благородные человеческие достоинства.

Опровергая К Полевого, М Погодина, славянофилов И. Аксакова, Ю. Самарина, которые утверждали, что в сочинениях Белинского ничего нет своего и они подобны «объедкам с чужого стола», Пыпин показал самостоятельность мышления критика, раскрыл значение его наследия для развития русской передовой об-

щественной мысли. Пыпин писал, что Белинский первым внес критический анализ в историю нашей литературы и явился лучшим ее знатоком. Приводя в пример с некоторыми сокращениями письмо Белинского к Гоголю, Пыпин указывал, что в нем наиболее четко отражены стремления критика, для которого интересы литературы стали неразделимы с интересами самой жизни, ее социальными изменениями. Автор монографии подчеркивал, что Белинский не мог при тогдашней цензуре высказывать и десятой доли того, что ему хотелось сказать, но в близком ему кружке он ставил открыто насущные вопросы, которые необходимо решить. К ним в первую очередь относились свобода слова и печати, отмена крепостного права, улучшение суда, расширение образования, освобождение личности и особенно женщин от всех домостроевских порядков[20].

Пыпин сожалел, что «стесняющие обстоятельства» не позволяют ему сказать большего, ибо и на его статьи, как он сообщал в одном из писем, было «обращено предостерегающее внимание». Поэтому биограф критика вынужден был приспосабливаться «к духу времени» и придавать своей книге более спокойный характер в изложении революционно-демократических взглядов Белинского, в какой-то мере затушевывать их.

Однако, несмотря на эти недостатки, книга Пыпина имела исключительно прогрессивное значение и оказала огромное влияние на публику, что признавали даже представители лагеря славянофилов. «Должен теперь сознаться, — писал 8 июля 1877 года Кошелев, — я Белинского до сих пор вовсе не знал и судил о нем по чужим словам... Я слышал о Белинском самые невыгодные отзывы от Погодина, Шевырева и других. Сам я почти ничего не читал из сочинений Белинского. Из книги, только что мною прочитанной, вижу, что Белинский был человек отменно даровитый, пламенный, что он во всю жизнь страстно любил истину и искал ее неустанно... Конечно, он не дошел до твердых начал; конечно, не дали ему вполне развиться, но толчок он дал значительный, и за это ему спасибо и вечная память»

Страстный интерес к публикациям Пыпина проявил Ф. М. Достоевский, который стал смотреть, по выражению литературоведа В. Я. Кирпотина, на наследие Белинского «через призму изменившейся действительности». Над думами передовой молодежи и передовой ин-

теллигенции стало властвовать народничество, считавшее одним из «своих предков» великого критика. Это привлекло внимание Федора Михайловича. Он начал рассматривать и примерять, соответствуют ли идеологические сдвиги в русской общественности заветам Белинского.

Новый оттенок в исканиях Достоевского вскоре сказался на его отношении к личности и деятельности Белинского. Теперь писатель не сомневался ни в искренности, ни в чистоте намерений, ни в патриотизме критика-трибуна. Взгляд Достоевского на Белинского в 1876 году, свидетельствует В. Я. Кирпотин, имеет уже очень мало общего с настроениями, которые появились у него в период написания «Бесов» и заставили его в припадке безумного гнева называть великого критика «паршивиком», отрицать в нем какие бы то ни было дарования. Достоевский счел своим долгом воздать должное достоинствам Белинского, что нашло широкое отражение в романе «Братья Карамазовы» [21].

О том, какой отзвук вызвала книга Пыпина в различных слоях русского общества, можно судить по дошедшим до нас письмам, отзывам и т. д. В частности, В. П. Соколов — бывший воспитанник Константиновского межевого института, где в 1838 году Белинский преподавал русский язык, сообщал автору монографии: «Я читал... Вашу биографию Белинского не один раз: личность прекрасного человека, страстного проповедника истинной красоты и гуманности ярко и величественно рисовалась в моем воображении, как дивное создание природы. Я испытывал какое-то нервное возбуждение, всем и каждому рассказывал о Белинском; расспрашивал о нем у своих сослуживцев, его бывших учеников; решил поделиться с Вами тем, что узнал...» [22].

Совершенно по-иному встретили исследование ученого ярые монархисты. Так, журнал «Русский вестник» — рупор крепостнической реакции, возглавляемый мракобесом Катковым, — не замедлил выступить против Пыпина, пытаясь не только очернить его заступничество за Белинского, но прямо высказать свое презрение к творчеству великого критика.

В ходе общественной борьбы, на рубеже 70—80-х годов, изменили точку зрения бывшие друзья Белинского — Анненков, Кавелин и другие, перешедшие от умеренного либерализма в лагерь открытых привержен-

цев царизма. Перепуганные революционным подъемом, они отказались от своих «вольнодумных» мыслей и постарались «приспособить» Белинского для своих интересов. Они договорились до того, что Белинский якобы полностью разделял точку зрения правительства и даже являлся чуть ли не сторонником самодержавия.

Анненков прямо утверждал, что Белинский никогда не был революционером, «любителем страшных социальных переворотов», и «все, что не носило на себе печати мысли, не имело интеллектуального характера и выражения, вселяло ему ужас».

Отрицая революционную сущность исканий Белинского, буржуазные интеллигенты делали попытку принизить боевой характер творчества критика, развенчать его значение для развития революционных идей в России и доказать, что конечная цель всех мотивировок, требований и призывов Белинского сводилась не к революции, а лишь к «распространению просвещения». Такой Белинский вполне устраивал идеологов пореформенной России, которые старались оторвать молодежь от революционных традиций и повернуть ее на путь просветительства.

Против либералов направил огонь своей сатиры М. Е. Салтыков, выступавший в печати под псевдонимом Н. Щедрин. Во многих циклах очерков, и прежде всего в таких, как «В среде умеренности и аккуратности», «Благонамеренные речи», «Круглый год», он высмеивал мечтателей-идеалистов, всяких постепеновцев, которые в прошлом увлекались прогрессивными идеями и считали себя сторонниками Белинского. Раскрывая причины их нравственного падения, Михаил Евграфович со всей страстью обнажал внутренний мир русских реформистов, разоблачал тактику этих ренегатов, потерявших чувство ответственности за судьбы страны.

Так, в очерках «Круглый год» писатель ярко обрисовал, как в пореформенную эпоху либералы осуждали «ошибки своей молодости», как многие из них, пройдя школу Белинского, становились ретроградами, «легко освобождались» от бывших увлечений и почти незаметно «превращались в самых заурядных помещиков, в чиновников-формалистов и даже писцов, служителей крепостных дел».

Самые искренние симпатии к памяти В. Г. Белинского проявил И. А. Гончаров, который в острой борьбе,

разгоревшейся в тот период за наследие великого критика, занял твердую и последовательную позицию. Еще в апреле 1873 года, удовлетворяя просьбу А. Н. Пыпина о предоставлении в его распоряжение материалов и воспоминаний, связанных с жизнью и творчеством великого критика, Иван Александрович направил ученому свои заметки «Как я понимаю личность Белинского». В них проводилась основная мысль «о громадности значения его деятельности в развитии литературы, о том, что он являлся «гонителем и карателем всяких зол, предрассудков, темных нравов и обычаев, рутины и т. д.». «Это был,— писал Гончаров,— и поэт, и художник, и критик, и трибун, и оратор

Спустя год, когда Иван Александрович познакомился с воспоминаниями, написанными К. Д. Кавелиным, у него возникла мысль выступить в защиту великого критика от наветов со стороны «его друзей». В письме к автору мемуаров о Белинском 25 марта 1874 года Гончаров указывал: «Все мы, знавшие его, конечно, принадлежим к первой категории и в наших отзывах платим ему горячею защитою его против враждебной ему стороны... Но между тем у Вас проскользнуло одно замечание, которое задело мое внимание... Вопрос этот довольно важный... Вы упоминаете о недостатке подготовки, или знания, или учености у Белинского

В весьма деликатной форме Гончаров давал понять Кавелину, что подобный «ярлык» будет веским аргументом в руках противников великого критика. Они «смело составят ему репутацию «неуча», «недоучки» и т. д.— и с этим паспортом передадут его внукам нашего поколения»

Отстаивая свою точку зрения, Иван Александрович утверждал, что он неоднократно видел Белинского и «в изустных беседах, и в журнальных схватках» «с тогдашними передовыми, самыми образованными и, наконец, учеными» людьми и всегда приходилось убеждаться в его огромной эрудиции, непосредственно ощущать, «насколько он был выше в этом отношении множества современных ему присяжных ученых». Виссарион Григорьевич, подчеркивал Гончаров, умел служить живому делу, тогда как «ученость» патентованных и дипломированных «образователей» лежала «мертвым капиталом

Однако Кавелин не изменил свою трактовку. В воспоминаниях он говорил: «Мы знали, что сведения Бе-

линского... были не очень-то густы», который «вечно переходил из одной крайности в другую» и по сравнению с Грановским отличался «необузданностью и малообразованностью».

В 1881 году И. А. Гончаров опубликовал свои «Заметки о личности Белинского». Наряду со многими вопросами, которые касались его жизни и творчества, Иван Александрович особо обратил внимание на [illegible] и голословные упреки относительно «необразованности великого [illegible]».

[illegible] с Кавелиным, Погодиным, Шевыревым, [illegible] и другими [illegible] мемуаров указывал: «Матери[illegible] [illegible]нечно, был тот, что [illegible] получил университетского ди[illegible] ухватились все завистливые [illegible] значение бледнело по мере того, [illegible] [illegible]ся талант Белин[illegible]

Сочинения его [illegible] ров. Где же он грешит в них каким[illegible] Нет, утверждал Иван Александрови[illegible] был образованнее всех своих сото[illegible] [illegible] запас знаний в тех кружках, в которых он уча[illegible] и которые возглавлял, и из той огромной массы [illegible] которую он прочел по обязанности сотрудника, от «Молвы» до «Современника», в течение двадцати лет. [illegible]ельно, говоря о его знаниях, необходимо обус[illegible]ивать в точности, какой именно учености недоставало ему...». Он возглавил «новое литературное движе[illegible] [illegible]л «провозвестником новых грядущих начал [illegible]бщественной жизни». И понятно, писал Гончаров, [illegible] критик «неизбежно должен был впадать в рез[illegible] иногда крайности». Но «кто не оправдает его [illegible]помня, с какой умственной и нравственной тьмой надо [illegible]ло бороться», «в каком застое покоилась масса, перед [illegible]оторой он проповедовал».

Ведь «крепостное право,— замечал Гончаров,— лежало не на одних крестьянах». Оно олицетворяло собой всю государственную систему, весь чиновничье-полицейский аппарат. И Виссариону Григорьевичу, невзирая на обстоятельства и цензурные условия, «приходилось оспаривать право начальников» и «тут же рядом объяснять тонкости и прелесть пушкинской и лермонтовской поэзии». «Без него,— констатировал автор мемуаров,—

смело можно сказать, и Гоголь не был бы в глазах большинства той колоссальной фигурой, в какую он, освещенный [illegible] Белинского, сразу стал перед публикой».

Иван Александрович в подтверждение своих доводов пояснял, что «с посторонним, мало знакомыми лицами» Виссарион Григорьевич «не говорил или говорил мало, несвязно и не блистал ни умом, ни знанием. Только с близкими он был свободен в речи, не остерегался ошибок и давал волю своим силам. И в таких именно спорах он обнаруживал массу знаний... Он ронял и сыпал их нечаянно, как часто нечаянно в печатных статьях сверкал остроумием, удачными сравнениями, ссылками на те или другие авторитеты..»

Прибавляя к сказанному, Гончаров саркастически отмечал, что Белинский «не держал на ученой конюшне оседланного готового коня, с нарядной сбруей, не выезжал в цирк показывать езду высшей школы, а ловил из табуна первую горячую лошадь и мчался куда нужно, перескакивая ученых коней».

Борьба вокруг памяти Белинского выразилась и в таком факте. Еще при жизни Тургенев написал завещание, чтобы после смерти его тело перевезли в Россию и похоронили рядом с Белинским. Это [illegible] об огромной любви Тургенева к Белинскому, о солидарности с его общественно-политическими взглядами, над которыми под конец своей жизни крупнейший русский писатель все больше задумывался. Он понимал, что его творчество носит двоякий характер. Отображая русскую действительность, Тургенев не нацеливал читателя на борьбу за освобождение народа от ига самодержавия. Эту идею революционной борьбы масс он старался не замечать ни у Белинского, ни у его последователей — Чернышевского и Добролюбова.

Только после выхода в свет монографии Пыпина Тургенев писал: «А. Н. Пыпин, в известной своей биографии Белинского, оспаривает мое мировоззрение на то, что я назвал [illegible] в темпераменте Белинского... Я готов согласиться с почтенным ученым: весьма вероятно, что оценка г-ном Пыпиным этой стороны характера нашего великого критика вернее моей...» Поэтому Тургенев пришел к выводу, что ему не по пути со своими бывшими друзьями и в завещании дал ответ, к какой партии он принадлежит.

Когда умер Тургенев, перед либерал[illegible] вопрос, как исполнить его завещание. Их беспокоила одна мысль — писатель принадлежал к потомственному дворянскому роду и, следовательно, не[illegible] место для его погребения в самом дешевом месте [illegible]бища, где покоился прах критика. К такому заключ[illegible] пришли члены похоронной комиссии, возглавляем[illegible] историком М. М. Стасюлевичем.

В «Русских ведомостях» за 15 сентября 1883 года они поместили сообщение, в котором указывалось, что «могила Тургенева на Волковом кладбище выбрана около соборной церкви. Чтоб исполнить желание покойного, предполагается перенести туда же гроб Белинског[illegible]

Против этой затеи первой выступила М. В. Б[illegible]ская. В письме на имя Общества для пособия [illegible]щимся литераторам и ученым она просила [illegible] Вас употребить все зависящие от Вас средства, [illegible] воспрепятствовать подобному решению, как святотатству, и неужели же и по смерти не оставят в покое того, кто всю жизнь был мучеником? Неужели же, чтоб чествовать одного, необходимо оскорблять другого? Если И. С. Тургенев желал [illegible]теля своего Белинского, то и пусть исполняют же[illegible] его [illegible]льно. Тургенев не хотел и не требовал, чтоб [illegible] прах его друга [illegible] Г[illegible]ча, протестую против перенесения его праха [illegible] теперь по крайней мере по памятнику, который я на [illegible] ставила, все почитатели знают и посещают [illegible] могилу, чему доказательством служат [illegible] на ней, а тогда место, где был похоронен Бе[illegible], будет забыто и за[illegible]».

Протест М. В. Белинской был горячо поддерж[illegible]щественностью. За него выступили А. Н. Пыпин, [illegible]ный философ М. А. Антонович и другие. В [illegible] могила Белинского осталась неприкосновенной, а желание Тургенева исполнено наполовину. Члены комиссии откупили место на 10 могил за 1500 рублей и, прибл[illegible]зившись к границе «литераторских мостков», похорони[illegible] Тургенева все же на дворянской [illegible]

В то время, когда почитатели великого критика отстаивали от посягательств его могилу, А. А. Наумов заканчивал работу над своей известной картиной «Белинский перед смертью». Воскресив историческую правдивость последних дней жизни Виссариона Григорьеви-

[illegible] художник воссоздал трагическую обстановку, в которой он умирал. На полотне предстала «не святая натура идеалиста», а неистовый боец, готовый на любые лишения в борьбе с самодержавием, которое олицетворял изображенный на полотне жандарм.

Картина сразу же привлекла внимание общественности. Корреспондент «Новостей и Биржевой газеты» (1884, № 18) писал, что от нее нельзя оторваться, так [illegible] зрителя, и чем более вы в нее вглядываетесь, тем она больше нравится вам, тем больше изумляет и восхищает своей строгой обдуманностью, своей идеей и своей художественностью». Такие же [illegible] других периодических изданий.

В [illegible] поклонники Белинского. С картины заказывали фотографии. Наумов предлагал [illegible] передвижников, которая должна была открыться [illegible] 1884 году. Но картина не [illegible]. Царская цензура не [illegible] ее перед широкой публикой и вскоре предложила Наумова, чтобы он не допускал посетителей для обозрения своего творения.

Более того, ему предложили изменить идейную направленность и композицию полотна с тем, чтобы не [illegible] жандарма [25]. Художник переделал картину. На ней остались в прежнем положении все персонажи. Только дверь, ведущая из прихожей в кабинет, где [illegible] жандарма. Но через посред[illegible] лиц Некрасова, Панаева, жены Белинского, настороженности любимой собаки Малки, [illegible] закрытой дверью и всем [illegible] видом давала почувствовать присутствие чужого человека, художнику удалось передать замысел произведения. В результате вторичного просмотра цензура предложила убрать... собаку. Однако и после этой «доработки» картину запретили экспонировать. Наумов [illegible] восстановил ее в прежнем виде, в котором она и дошла до наших дней.

До [illegible] времени почти ничего не было известно о том, как он работал над полотном. Новые материалы, полученные от потомков Белинского, вносят ясность в этот вопрос. Оказывается, Наумов встречался с Марией Васильевной, внимательно слушал ее рассказы о

болезни мужа, его внешнем виде, интересова[illegible]ложением комнаты, в которой он лежал, ее мебл[illegible]кой, посещением жандармов. Кроме того, М. В. Белинская разрешила художнику воспользоваться посмертной маской, снятой в первый же день кончины Виссариона Григорьевича. Таким образом, советы и консул[illegible] Марии Васильевны помогли Наумову создать произведение, которое получило мировую известность

В знак благодарности живописец несмотря на [illegible]рет властей, дозволил снять с картины копию. Данную работу по просьбе Ольги Виссарионовны выполнил [illegible]ный греческий художник Н. Ли[illegible] [illegible]жавший для этой цели в Росси[illegible] В [illegible] указанная копия находится у правну[illegible]тика, проживающих в Афинах. У них же хранится небольшая, но прекрасно исполненная картина академика портретной живописи К. А. Горбунова «Белинский на смертном одре», которая считалась прежде утерянной

Последний раз Ольга Виссарионовна приезжала [illegible] Москву на похороны матери. В газете «Русские ведомости» 27 июня 1890 года в рубрике «Московские [illegible]стия» был напечатан некролог, ни разу еще не приводившийся в белинсковедческой литературе. В нем говорилось: «На днях скончалась в Москве вдова Виссариона Григорьевича Белинского, Мария Васильевна Белинская. Мария Васильевна была дочерью московского священника Орлова, имевшего приход около Бутырской заставы. Воспитание она получила в Александровском институте, где, по окончании курса, заняла место классной дамы. Здесь же она познакомилась с В. Г. Белинским, который часто бывал у одного из служащих института. Знакомство это относится ко второй половине 30-х годов, когда имя Белинского сделалось уже известным и сочинения его читались с уважением молодежью. В числе увлекавшихся произведени[illegible] [illegible] была и М. В. Орло[illegible] [illegible] статей Белинск[illegible] признававшихся в то время зловредными, она получала несколько раз замечания от начальства института. Это однако, не могло удержать классную даму от желания сблизиться с автором произведений, так сильно влиявших на ее духовное развитие. Вскоре Белинскому воспрещен был вход в институт. Затем, переселившись из Москвы в Петербург, Виссарион Григорьевич не прекра-

щал сношений с Марией Васильевной и часто переписывался с ней. Брак состоялся в Петербурге, в ноябре 1843 года...

Похоронив мужа, Мария Васильевна переехала на житье в Москву и здесь через некоторое время получила место кастелянши в Александровском институте, сестра ея определилась классной дамой, а дочь пользовалась уроками в том же заведении. Когда двенадцать лет спустя основан был Литературный фонд, одним из первых его дел было назначение пенсии семейству Белинского. Пенсия эта была самая значительная, какие определял фонд; потом она была сокращена, по заявлению Марии Васильевны, получившей возможность пользоваться доходами от изданий К. Т. Солдатенковым и Н. М. Щепкиным сочинений Белинского (1859—1862 гг.). Ввиду опасения за здоровье своей единственной дочери Ольги Виссарионовны (двое еще детей В. Г. умерли в раннем возрасте), Мария Васильевна отправилась с ней за границу, где на острове Корфу прожила несколько лет. Здесь дочь вышла замуж за грека г. Бенси, занимающего должность обер-прокурора местного суда. По возвращении в Россию Мария Васильевна опять поселилась в Москве и в течение последних одиннадцати лет жила в меблированных комнатах в доме Андреева, на углу Большой Бронной и Казицкого переулка, вместе с незамужней своей сестрой А. В. Орловой.

Мария Васильевна недостатка в средствах не испытывала, пользуясь процентами с обеспечивающего ея капитала.

Мария Васильевна была женщиной весьма образованной и до самой смерти с большим интересом следила за всем, что появлялось более или менее значительного в нашей литературе. Периодические журналы были ея любимым чтением. Она скончалась 79-и лет от роду. Похоронена на Лазаревском кладбище, где покоятся ея родные. Дочерью своей Ольгой Виссарионовной, прибывшей по случаю ея болезни в Москву, но не заставшей уже в живых матери, которая скончалась за два часа до ея приезда. Смерть Марии Васильевны и похороны ея прошли незамеченными, так что в газетах об ея кончине не было сделано даже объявления. Дочь покойной с теткой А. В. Орловой выехала за границу»

В опубликованном некрологе допущены некоторые неточности. Так, переписка между М. В. Орловой и Бе-

линским началась не в 1839 году, когда последний переехал в Петербург, а с марта 1842 года. Фамилия Ольги Виссарионовны произносилась Бенси, а ее мужа в соответствии с нормами греческой фонетики — Бенсис».

Дочь великого критика поддерживала постоянную связь с русскими литераторами, художниками, издателями. Она передала Обществу любителей российской словесности ценнейшие автографы — письма Виссариона Григорьевича к Марии Васильевне, которые были опубликованы в сборниках «Помощь голодающим», «[illegible]», «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам», «Памяти В. Г. Белинского», «Дело», в газете «Русские ведомости» (1895, № 101, 109, 163, 185; 1893, № 112, 124). Кроме этого, в указанной газете Ольга Виссарионовна поместила корреспонденцию «Беспорядки на Корфу».

Письма Виссариона Григорьевича к Марии Васильевне являются важным документальным источником, раскрывающим их семейную жизнь, круг знакомых, взаимоотношения между членами петербургского кружка гениального критика. Эти послания позволяют наиболее зримо представить их натуры, глубже понять те отношения, которые складывались между ними на основе прогрессивных морально-этических норм и взаимопонимания.

В переписке с женой Белинский освещал свою поездку с выдающимся актером М. С. Щепкиным на юг России в 1846 году, встречи со многими лицами на Украине, в Крыму и ряд других немаловажных вопросов. Весьма интересны письма, полученные Марией Васильевной от Виссариона Григорьевича из Германии, Франции во время пребывания его за границей в 1847 году. В них также прослеживается связь гениального критика со своими друзьями, говорится о впечатлениях, оставшихся у него от посещения исторических мест и знакомства с существовавшими в этих странах порядками.

Словом, ни один биограф Белинского не может теперь обходиться без эпистолярного наследия, которое сохранила Ольга Виссарионовна для будущих поколений.

В 1891 году в «Сборнике общества любителей российской словесности» впервые увидела свет драма Белинского «Дмитрий Калинин», которую он начал писать летом 1830 года во время пребывания на каникулах в

Чембаре и закончил в декабре, после возвращения в Московский университет. В этом сочинении, по собственному признанию в письме к родителям, он «со всем негодованием души, ненавидящей несправедливость... в картине довольно живой и верной представил тиранство людей, присвоивших себе гибельное и несправедливое право мучить себе подобных» (XI, 49).

Наряду с обличением крепостничества В. Г. Белинский затронул в своем произведении другие важные стороны жизни русского общества. В первую очередь это касалось морально-этических вопросов. В драматической повести автор наделил высокими человеческими достоинствами простых людей, показал их честность гуманность, сострадание к таким же труженикам, как и [illegible] В[illegible]ерез все произведение красной [illegible]роводится мысль о разложении и деградации [illegible]елей «благородного сословия», пропитанных [illegible] своей «крещеной собственности

[illegible] в русской литературе В. Г. Белинский кос[illegible] [illegible]блемы эмансипации женщин, которая займет [illegible]же важное место в творчестве ряда писателей, по[illegible]в, художников, деятелей театрального искусства. В [illegible]матической повести автор вывел прекрасные обра[illegible] [illegible]ой и Софьи Лесинской, стремящихся к обра[illegible]ванию, выступающих против домостроевских устоев и сословных предрассудков, готовых пожертвовать своими интересами ради участи простых людей.

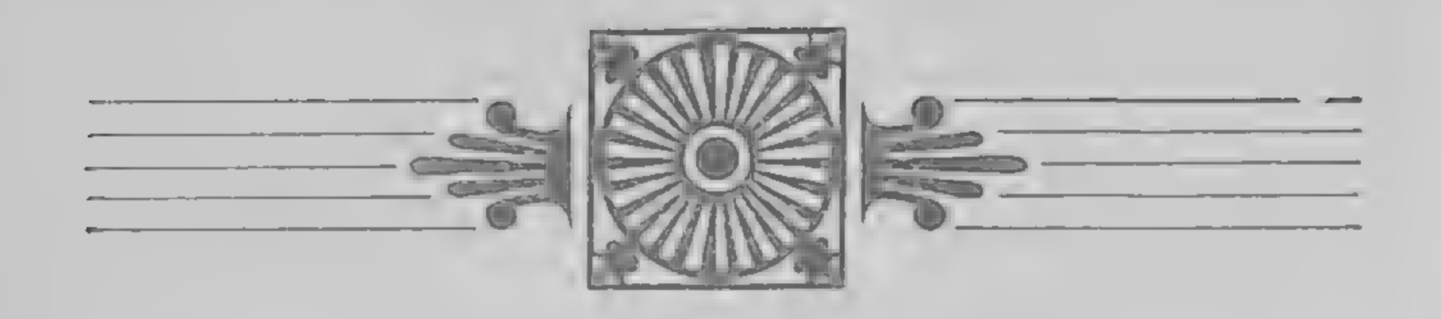
И наконец, в произведении В. Г. Белинского весьма [illegible] антирелигиозные мотивы. В лице Си[illegible] [illegible] показал лицемера и ханжу, го[illegible] [illegible]вом «священного [illegible] нанти [illegible]ению и [illegible] крепост[illegible] [illegible] крестьянами. А в монологах Дмитрия Калинина не только берется под сомнение, но и [illegible]о отрица[illegible] [illegible]ие «всевышнего

П[illegible]енное против устоев самодер[illegible] [illegible] появиться в печати. Цензор [illegible] [illegible]ного религии, нравственности и российским [illegible] В ней автор, сделал заключение цензор, «дек[illegible]ламирует против рабства возмутительным образом» и этим подрывает существующее в России крепостное состояние. В результате на рукопись наложили арест, [illegible] [illegible]тановили [illegible]

Отношение царского правительс[illegible] Бе[illegible] не [illegible]лось и в 90-х годах прошлого ст[illegible]. Об [illegible] [illegible]тельствует интересный документ [illegible] ученого комитета министерства народного пр[illegible] от 28 июля 1894 года по поводу книги «Пензенская губерния», написанной учителем Нижнеломовског[illegible] классного училища Н. Ф. Кузьминым. В этом краевед- [illegible] вал, что недалеко от Пензы — в городе Чембаре — прошли детские и юношеские годы Белинского, который [illegible] следствии стал знаменитым критиком. «Делая от[illegible] [illegible]б этом писателе,— говорится в журнале особого [illegible] [illegible] Кузьмин ограничивается только следу[illegible] [illegible]теристикой: «Белинский оставил после [illegible] 12 [illegible] в сочинений, в которых содержится много ум[illegible] рассуждений и прекрасных мыслей о разных предметах[illegible] Ведь это рекомендация книги для учеников, между тем [illegible]охрани бог нашу школу и неопытную юность от соприкосновения с Белинским. В последний, и самый шумный, период своей деятельности это был завзятый проповедник неверия и грубого материализма, не видев[illegible] [illegible] доброго в России и ждавший спасения для [illegible] [illegible]т всесветной революции. Конечно, полная кра[illegible] [illegible]о рода воззрений и вожделений не могла найти [illegible]ебе места в тех 12 томах его сочинений, о которых говорит автор рассматриваемой рукописи и которые прошли сквозь цензуру. Чтобы понимать Белинского и [illegible] нем, надобно заглянуть в другие памятники его [illegible]рной деятельности, в его переписку с друзьями [illegible]у прочим, в знаменитое письмо его к Гоголю Тут Белинский обнаруживается весь, как есть и был Если говорить о Белинском... то достаточно ограничиться упоминанием лишь о том, что родился там-то и там-то, а еще лучше вовсе о нем не упоминать

В этом документе со всей наглядностью проявилась полувековая ненависть самодержавия к одному из лучших представителей русского народа

Но идейная борьба за Белинского, начатая Чернышевским, Добролюбовым и их соратниками, дала свои результаты. В эту борьбу включились широкие слои интеллигенции и простого народа как в столичных городах, так и в провинции. Имя великого критика стало известно во всех уголках России и далеко за ее пределами.

СТЕЗЕЮ БЕЛИНСКОГО

Творчество великого критика и революционного демократа, как и деятельность Герцена, Чернышевского, Добролюбова, оказало огромное воздействие на формирование передовой общественной мысли народов Российской империи и славянских стран. Так, еще при жизни Белинского к его статьям и рецензиям проявляли постоянный интерес известные в свое время писатели Г. Ф. Квитко-Основьяненко и Е. П. Гребенка. Знали произведения Виссариона Григорьевича Н. И. Костомаров, И. П. Котляревский, Н. А. Маркевич, В. Н. Забела, Степан Писаревский и другие украинские беллетристы, поэты, ученые.

Имя Белинского известно было не только в литературных кругах, а гораздо шире. Об этом свидетельствуют сведения, дошедшие до наших дней из лагеря недругов великого критика. И. И. Срезневский, переехавший в 1847 году с Украины в Петербург, рассказал как-то своим новым товарищам о том чествовании, которым удостоили харьковчане Белинского во время его пребывания в их городе. Это до крайности уязвило ректора университета П. А. Плетнева. В письме к С. П. Шевыреву он сообщал: «...мы живем в жалкую эпоху. Глупейший враль становится для нынешней публики оракулом. Еще сегодня Срезневский рассказывал о торжестве Белинского в Харькове, о таком народном торжестве, какого не удостоивались при жизни ни Карамзин, ни Пушкин. Афишу, которую в грязных лапах своих подержал Белинский в Харьковском театре, тамошние дамы разорвали по клочкам и разделили меж собою»

Виссарион Григорьевич внимательно следил за раз-

витием украинской литературы. В [illegible] на сборник «Молодик», изданный И. Бецким, он [illegible] «Харьков [illegible] по своему многолюдству и красоте, [illegible] с другими губернскими городами, есть [illegible] столица Украины, а следовательно, и [illegible] литературы, украинской прозы и в особенности [illegible]ских стихов. Во всех русских губерниях много [illegible] стихов, но в Харькове особенно. Стихи эти хор[illegible] только могут быть хороши провинциальны[illegible], в столицах их читают мало, но зато много читают [illegible] провинции, особенно на Украине...» (VII, 87).

На страницах «Отечественных записок» и «Современника» великий критик тепло, с чувством особого восх[illegible] отзывался об украинском народном творчестве. В одной из статей он указывал: «...народная [illegible] Малороссии была верным зеркалом ее истор[illegible] жизни. И как много поэзии в этой поэзии» (V, 435).

Разоблачая мнимый патриотизм славянофилов, а также националистические проповеди ред[illegible] журнала «Маяк» С. А. Бурач[illegible] [illegible] вал знаменательный акт вос[illegible] народов. В статье «История [illegible] Н. [illegible] вича он подчеркивал: «Слив[illegible] ной ей Россиею, Малороссия [illegible] цивилизации, просвещению, искусству, нау[illegible] дотоле непреодолимою преградою разлу[illegible]ал ее полудикий быт ее. Вместе с Россией ей предс[illegible]т теперь великая [illegible]ущность» (VII, 64—65).

Эти истинно интернационалистические взгляды ре[illegible]ционного демократа горячо разделяли представители молодой прогрессивной украинской литературы. Под влиянием критики Белинского многие из них старались осмыслить роль и назначение писателя в борьбе с косностью и самодержавными порядками, стремились создавать произведения, отражающие интересы народных масс. Особенно заметно воздействие идей Виссариона Григорьевича сказывалось на творчестве Т. Г. Шевченко.

Первым, кто решил выяснить суть эволюции его эстетических и идейных воззрений, был Иван Франко. В [illegible] к Пыпину от 23 января 1888 года он сообщал: «Задумал я заняться историко-литературной работой над произведениями Шевченка и, главное, над теми (по [illegible]у), которые до сих пор не были напечатаны — значит над произведениями *политическими*, написанны-

ми до 1847 года. Собрав важнейшие из напечатанных
материалов для биографии Шевченко того времени...
[illegible], что все они не дают мне ровным счетом ничего,
кроме намеков, часто ценных, еще чаще маловразуми-
тельных, а нередко противоречивых, однако по ним
совершенно невозможно ответить на вопрос: *откуда по-
явилась политическая поэзия Шевченка*? Какие побуж-
дения толкнули Шевченка на этот путь, какие влияния
[illegible] в выработке его мировоззрения. Конечно, лег-
ко можно объяснить его происхождением ненависть
крепостного ко всякому произволу, и все-таки мне ка-
жется, что такие вещи, как «Сон», «Кавказ» — этим не
объяснишь.[1]

Далее автор письма к Пыпину указывал: «Лишь про-
читав Вашу биографию Белинского, я увидел из опубли-
кованных Вами отрывков писем, что среди выдающихся
русских людей той поры много говорилось и писалось
о таком, что действительно могло натолкнуть Шевченка
на создание политических поэм». В связи с этим Иван
Франко ставил перед адресатом ряд вопросов. «В био-
графиях и письмах Шевченка,— делился он своими мне-
ниями,— находим следы его знакомства с множеством
людей,— а как и откуда взялись эти знакомства — не
видим. Так, например, Шевченко является также в боль-
шой дружбе с Щепкиным еще до 1847 года. Откуда?
Что представляет собой Щепкин с политической сторо-
ны? Щепкин был другом Белинского, нет ни каких-либо
следов знакомства Белинского с Шевченком?»

В этом же письме Иван Франко высказал мысль о
том, что «критическая заметка Белинского о «Гайдама-
ках», хоть и беглая и не совсем справедливая, оказала
значительное влияние на Шевченко, охладила его казац-
кий патриотизм и повернула в направлении, параллель-
ном убеждениям Белинского,— к патриотизму на чисто
человеческой, социальной основе. Очень важно было
бы,— добавлял автор письма,— добыть какие-нибудь
фактические подтверждения этой догадки»[2].

Советское литературоведение в основном дало доста-
точно полный ответ на выдвинутую И. Франко гипоте-
зу. Так, Ф. Я. Прийма в своем капитальном труде «Шев-
ченко и русская литература XIX века» широко раскрыл
тему «Белинский и великий украинский поэт»[3]. В своих
статьях и рецензиях, по мнению автора исследования,
гениальный критик был полон желания обратить вни

мание украинских писателей, в том числе и Тараса Гри[illegible]ча, на огромный опыт русской литературы, ука[illegible]ать им пути и средства создания реали[illegible] и воодушевленных великими идеями прои[illegible] [illegible]бодных от национальной ограниченности [illegible]ских мечтаний и натуралистического бытопи[illegible]

Но вопрос о возможном [illegible]стве Виссари[illegible] Григорьевича и Шевченко до [illegible] остается [illegible]. Данная проблема ни в одном [illegible]довании практически не [illegible]. Не [illegible] [illegible] в шевченковедении. [illegible] [illegible] мере объясняется тем, [illegible] [illegible]этой темы, не оказалось под руками более мотивированных фактов. В частности, не обращалось должного внимания на окружение Т. Г. Шевченко с марта по май [illegible]сяц 1840 года

Можно предположить, что первые и более достоверные сведения о Тарасе Григорьевиче Белинский мог по[illegible] от К. А. Горбунова. Оба они по стечению [illegible] [illegible] оказались учениками Академ[illegible] [illegible]. Объединяло их и социальное пол[illegible] [illegible] годаря хлопотам К. П. Брюлло[illegible], В. А. [illegible] был выкуплен у помещика за 2500 рублей. Горбунов при[illegible] из Москвы в Петербург 19 марта 1840 года. Перед этим он познакомился с Н. В. Гоголем. Несмотря на крепостное состояние, в котором находился Кирилл Антонович, великий писатель обещал юноше, что Брюллов непре[illegible]нно примет его в ученики. Карл Павлович на свой [illegible] и риск, ибо крепостных в академию не брали, исполнил просьбу Гоголя

Спустя месяц, то есть 19 апреля, в письме к В. П. Боткину Белинский сообщал: «Кирюша редко у меня бывает — не может расстаться ни на минуту с Брюлловым, который очень полюбил его» (XI, 515). В это же время у [illegible]аститого художника учился и Шевченко.

Вполне допустимо, что молодые люди сразу же нашли общий язык. Горбунов мог рассказать о встречах с Гоголем, Кольцовым, близких отношениях с Белинским и другими литераторами; поведать о нелегком пути крепостного мальчика, родившегося в селе Владыкино Чембарского уезда Пензенской губернии, о той заботе, [illegible] проявляют о нем Брюллов, Жуковский, Белинский, князь В. Ф. Одоевский, чтобы вызволить его из рабского состояния. В свою очередь Тарас Григорьевич

пожелал поделиться с одаренным юношей своими задумками, взглядами на жизнь, прочитать что-то из написанного.

Поэтому несколько в ином плане, на наш взгляд, надо рассматривать и строки Виссариона Григорьевича в цитированном выше письме к Боткину. Белинский спрашивал своего адресата: «Да, кстати: о каком ты пишешь к нему (Кирюше.— *Н. М.*) «Сне», о котором будто бы я писал к тебе? И знать не знаю и ведать не ведаю. Или у тебя отсохла бы рука приписать имя автора? Ломаю голову и мучаюсь — бога ради, уведомь».

В комментариях к данному письму говорится, что Белинский забыл про раннее стихотворение А. Н. Майкова «Сон», о котором сообщал Боткину 24 февраля 1840 года. Действительно, в своем послании Виссарион Григорьевич не только оценивал стихотворение А. Н. Майкова, но и полностью переписал его (XI, 475). Так что едва ли у Боткина мог пробудиться особый интерес к указанному сочинению поэта. Однако самое главное не в этом, а в том, какое отношение данное стихотворение имело к Кирюше Горбунову, почему именно его вдруг решил спросить Боткин о таком-то загадочном «Сне», о котором даже запамятовал Белинский? Видимо, Боткин имел в виду какие-то более важные мотивы, заставившие Виссариона Григорьевича «ломать голову и мучиться».

Словом, ясно одно: здесь шла речь не о стихотворении А. Н. Майкова. Но тогда невольно возникает вопрос: а о каком же? Пока на него трудно дать точный ответ. Переписка Боткина и Горбунова до сих пор в архивах не обнаружена. Лишь единственное с уверенностью можно сказать, что Горбунов сообщал о стихотворении, несколько необычном по своему содержанию, причем стихотворении новом, неизвестном.

За месяц пребывания в Петербурге, судя по сохранившимся источникам, Горбунов ни с кем из поэтов не встречался. Таким образом, остается только Шевченко. Не мог ли он познакомить Кирилла Антоновича со своими набросками, какими-то вариантами, которые позже легли в основу знаменитой поэмы «Сон», послужившей главной причиной обвинения поэта в крамоле.

По всей вероятности, при первой же встрече (так как в это время Горбунов редко навещал Белинского) Виссарион Григорьевич мог получить от своего молодого го-

друга более подробную информацию по существу дела. Узнав о том, что у Шевченко в конце апреля выходит стихотворный сборник под названием «Кобзарь», критик решил, видимо, написать на него рецензию. И тут нет ничего необычного. Широко известно, как он доброжелательно относился к талантливым и подающим надежды дебютантам на литературном поприще, особенно тем, кого рекомендовали близкие ему люди.

В связи с этим важное значение представляет сообщение А. Н. Струговщикова. С ним Белинский познакомился еще до переезда в Петербург и высоко ценил его как переводчика Гете. 1 или 2 января 1840 года Виссарион Григорьевич присутствовал на торжественном обеде по случаю выхода в свет первого номера «Пантеона русского и всех европейских театров», на котором также были А. Н. Струговщиков, актер В. А. Каратыгин, драматурги Р. М. Зотов, Е. Ф. Розен и многие другие представители из числа литературного и театрального мира.

27 апреля состоялся музыкальный вечер у Струговщикова. Среди гостей, как свидетельствовал Александр Николаевич, находились В. Г. Белинский, И. И. Панаев, К. П. Брюллов, В. Ф. Одоевский, Н. А. Маркевич, Т. Г. Шевченко, М. И. Глинка [1]. В этом сравнительно небольшом кругу лиц Виссарион Григорьевич мог близко познакомиться с молодым литератором, непременно заинтересоваться его творчеством и, как говорят, по горячим следам составить общее представление о вышедшем сборнике «Кобзарь». Ведь сам характер рецензии и ее объем всего в полторы страницы говорят именно о том, что она писалась буквально на скорую руку. Даже стихи, цитированные в ней, взяты со страниц 19 и 107, т. е. с начала и конца сборника. Причем она была помещена в пятом номере «Отечественных записок», который уже 15 мая рассылался подписчикам.

Белинский одобрительно отозвался о начинающем поэте. Больше того, из рецензии видно, что ее автор знал Шевченко. Об этом свидетельствуют такие строки: «Но зачем г. Шевченко пишет на малороссийском, а не на русском языке? Если он имеет поэтическую душу, почему не передает ее ощущений на русском?— скажут многие.— На это можно ответить вопросом же: а если г. Шевченко вырос в Малороссии; если его поставила судьба в такое отношение к языку, на котором мы пишем

и изъясняемся, что он не может выразить на нем своих чувств? если с младенчества его представления одевались в формы южного наречия, то неужели для этого нужно зарывать талант в землю?..» (IV, 171—172).

Однако ряд литературоведов взял под сомнение принадлежность данной рецензии перу Белинского. В частности, Ю. Г. Оксман, не соглашаясь с комментариями к критической заметке в четвертом томе академического издания сочинений Виссариона Григорьевича, подготовленными Ф. Я. Приймой, говорит о том, что ее содержание не соответствует «общеизвестным высказываниям Белинского» об украинском языке и литературе, а также другим аспектам его взглядов на эту тему.

В монографии «Шевченко и русская литература XIX века» Ф. Я. Прийма весьма убедительно аргументировал свою точку зрения и привел многие дополнительные доказательства о принадлежности рецензии на «Кобзаря» Белинскому.

Спустя три года В. И. Кулешов в довольно обстоятельной статье «Итоги и перспективы изучения Белинского», оспаривая мнение Ф. Я. Приймы, указывал: «Отношение Белинского к молодой украинской литературе было сложным, и «улучшать» Белинского не следует, он не нуждается в этом. Все нам доподлинно известные высказывания критика о Шевченко (их немного) — отрицательные».

Действительно, на определенных этапах своей критической деятельности Белинский неодинаково относился к некоторым украинским писателям, не исключая и автора «Кобзаря». Объяснялось это теми исторически сложившимися явлениями, на которые Виссарион Григорьевич чрезвычайно остро реагировал. Главным для него была идея, верность служения высокому гражданскому делу и требованиям самой жизни. Он глубоко уважал национальные традиции и был интернационалистом в самом высоком смысле этого слова.

В тот период, когда появилась в печати рецензия на «Кобзаря», Белинский проявлял постоянную симпатию к молодой украинской литературе. Нередко он выступал в защиту ее представителей от нападок со стороны критиканов и реакционной прессы. Так, 29 мая 1840 года в «Литературной газете» была напечатана статья «Журналистика». В ней Виссарион Григорьевич, отбивая

наскоки издателей журнала «Сын отечества» на украинских писателей, горой встал за Основьяненко, Гребенку, Даля и других (IV, 178—187).

В майском же номере «Отечественных записок» за 1840 год Белинский дал благожелательный отзыв на альманах «Киевлянин». Его назначение, писал критик, «знакомить публику с древностями и со всем, относящимся к истории Киева и вообще Южной Руси — [illegible]ской и галицкой». Автор рецензии высоко отзывался о статьях профессора Киевского университета М. А. Максимовича «Обозрение старого Киева», «Воспоминание о городах Пересопнице и Дубровицах и о князьях, ими владевших»; профессора Киевской духовной академии И. И. Максимовича — «Древняя Феодосиева пещера в окрестностях Киева»; историка В. Ф. Домбровского — «Острожная старина». «Кроме этих статей ученого содержания,— указывал Белинский,— в «Киевлянине» есть еще четыре беллетрические статьи, из которых [illegible] малороссийские рассказа г. Кулеша заслуживают особенного внимания...» (IV, 153, 154).

Так же спешно (как и на «Кобзаря») был написан отзыв о книге Основьяненко «Пан Халявский». «Отечественные записки»,— писал Белинский,— совсем было отчаялись за свою декабрьскую Библиографическую хронику, не надеясь представить читателям ни одного беллетрического произведения, ни одной примечательной книги, которая бы могла остановить на себе внимание... Но честь и благодарность г. Основьяненко! Ему декабрь 1840 г. обязан спасением от горькой участи быть роковым, последним месяцем чахоточной литературы; он описывает и воскрешает ее... является с своим забавным Паном Халявским» (IV, 398, 399)

Высокого мнения придерживался Белинский и о произведениях, написанных Основьяненко на украинском языке. Критик сожалел, что автор «Пана Халявского» не продолжил начатые еще в 1834 году «Лысты до любезных землякив», в которых простым и понятным для народа языком рассказывалось «о разных полезных предметах гражданского и семейного быта» (VI, 173).

В обзоре «Русская литература в 1840 году» Белинский среди лучших произведений назвал «превосходную сатиру, написанную рукою отличного мастера», «Пана Халявского», «Повести и предания народов славянского племени» И. П. Боричевского. А в число «примечатель-

ных явлений по [illegible] ученой литературы прошлого года» вошел «Киевлянин» Максимовича (IV, 446).

[illegible] примеры [illegible] образом не [illegible] с [illegible] Ю. Г. Оксманом. Что же касается непосредственно произведений самого Т. Г. Шевченко, то о них до апреля 1842 года Белинский ни разу [illegible] с [illegible] стороны, хотя уже к [illegible] 1841 года [illegible] украинскую [illegible] общест[illegible] к тому периоду [illegible]

Но даже в это время Виссарион Григорьевич [illegible] высоко ценил дар Шевченко как художника-ре[illegible] выпусков «Наши, списанные [illegible] в февральском номе[illegible] 1842 год, Белинский [illegible] «сколько изящным, [illegible] «Рисунки гг. Тимма, Щедров[illegible] отличаются типическою [illegible] сти... отлич[illegible] картинки и [illegible] указывал: «Не видав [illegible] не были слишком [illegible] столь многих [illegible] типических изображений [illegible] А много ли у нас этих [illegible] (V, 602, 603).

[illegible] творчество Шевченко [illegible] «Кобзаря» [illegible] поступках. Не имея прямого повода для выступления по этому вопросу в печати, Виссарион Григорьевич, надо полагать, вспомнил о [illegible] в 1841 году, и написал на нее [illegible] рецензию. Она появилась [illegible] 1842 год.

Обычно Белинский сразу же [illegible] на новые [illegible] В данном же случае он [illegible] более чем [illegible] В чем же дело, почему [illegible] единственный раз [illegible] деятельность пришлось поступить [illegible] правилами? [illegible] сыграла определенную роль [illegible] Шевченко, который вме[illegible] с П. А. Кулешом, Н. И. Костомаровым, Чужбинским,

[illegible]
[illegible] русской литературы, [illegible] Пушкина, Гоголя, Лермонтова [illegible] Белинский [illegible] не только «Гайдамакам», [illegible], авторы которых поддерживали связь с редак-цией «Маяка».

Вообще Виссарион Григорьевич был кра[illegible]шим к тем, кто проявлял даже малейшую лояльность [illegible] отношению к реакционной журналистике. [illegible]монтовское стихотворение «Спор», переданное поэтом в «Москвитянин». И Белинский уже выражал [illegible]. В письме [illegible] от 28 июня 1841 [illegible] сообщал о том, что в [illegible] «плохих» и в целом [illegible]. И, чуть «поостыв», в декабре [illegible] «Спор» превосходным и оригинальным произведением.

Сложнее обстояло дело с автором «Кобзаря». В ходе полемики Виссарион Григорьевич допускал опре[деле]нные ошибки. И это вполне объяснимо. [illegible]ских кругов Петербурга ходили слухи, [illegible] Бурачка Шевченко величают «братом», «запорожцем», призывают его вести борьбу с «Отечест[венными запи]сками» и их вдохновителем Белинским. Но истинн[ой] точки зрения, которой придерживался Тарас Григо[рье]вич, критик не знал. Не знал он и о том, как «подправляли» произведения Шевченко, прежде чем выпустить в свет. А издатели «Маяка» умели это делать. [illegible] поэта было написано: «Воспойте свободу на рабс[кой] земле», а в «Маяке» вместо этого напечатали: «Воспойте победу без злобы и кр[illegible]».

И все же, несмотря на какие-то передержки, стр[а]стный голос Белинского помог Шевченко, как заметил Иван Франко, расстаться с компанией Бура[чка], «увлечься огромной волной передового духа», занять новые позиции в изображении окружающей действительности и твердо встать на путь революционно-демократического творчества. Уже в середине 40-х годов Тарас Григорьевич создает произведения, направленные против самодержавия и крепостничества, национальной ограниченности и идеализации истории Украины. В поэ-

ме «Кавказ», а также в своем известном послании «И мертвым, и живым» он с глубокой симпатией относится к другим народам России, воспевает свободу и равенство между людьми.

Будучи в ссылке, Шевченко по мере возможности продолжал следить за передовой журналистикой. В глухих степях Оренбуржья, судя по его дневниковым записям, он читал «Отечественные записки» и «Современник» со статьями Белинского.

Освободившись от солдатчины, гениальный поэт прибыл в Нижний Новгород. Здесь он познакомился с заграничными изданиями Герцена. Внимание автора «Кобзаря» привлекли многие листы «Колокола», альманах «Полярная звезда». Возможно, что в это время Тарас Григорьевич прочитал знаменитое письмо Белинского к Гоголю, ибо некоторые мысли, высказанные в настоящем произведении, он воплотил в антимонархической поэме «Неофиты».

Интерес к наследию Белинского продолжался у великого украинского поэта и в последующие годы, о чем свидетельствуют книги, оставшиеся после его кончины. В небольшой библиотеке было пять томов сочинений Виссариона Григорьевича, изданных К. Т. Солдатенковым и Н. М. Щепкиным, а также «Петербургский сборник», в котором помещена статья Белинского «Мысли и заметки о русской литературе», определявшая идейную направленность альманаха.

Буржуазные либералы и националисты под видом защиты Шевченко от «критики» Белинского проповедовали шовинизм, ратовали за «самостийный» путь развития украинской литературы. Так, в сентябрьском номере журнала «Основа» за 1861 год П. А. Кулиш выступил против проникновения на Украину не только произведений Белинского, но даже и Гоголя. К его голосу присоединился А. Я. Конисский, а позже И. С. Нечуй-Левицкий и другие. Они пошли дальше своего собрата по перу и стали отождествлять всю русскую культуру с самодержавием.

Достойный ответ таким выступлениям дал Иван Франко. В статье «Литература, ее назначение и важнейшие черты», он писал: «Разумеется, русское государство, его жандармы и чиновники и подавление ими всякой свободной мысли — одно дело, а русская литература с Гоголями, Белинскими, Тургеневыми, Добролюбовыми,

Писаревыми, Решетниковыми и Некрасовыми — совершенно иное дело».

Выдающийся украинский писатель и ученый высоко ценил наследие Виссариона Григорьевича, считал его «гениальным родоначальником новой критики и литературы», воспитателем и образователем молодого поколения. Иван Яковлевич с юношеских лет читал и изучал произведения Белинского, хорошо знал многие публикации, посвященные его жизни и деятельности.

Отстаивая принципы реализма в литературе, он во вступительной статье к своему переводу «Фауста» Гете писал: «Теми же словами, какими полвека назад Белинский начинал свою критическую деятельность, приходится и мне начинать свое предисловие. У нас нет литературы! Споры, ссоры и крики о литературе — это еще не литература. Газеты, полные фраз, маскирующие потоком слов недостаток мыслей, и брошюры, громко и убежденно толкующие о выеденном яйце... повести о прошлогоднем снеге, в которых можно увидеть все, кроме жизни, правды и острой мысли; стихи о весне, лете, зиме и осени, о любовных вздохах и святой троице, о природе, засушенной в промокашке, и о чувствах, законсервированных в спирту,— это еще не литература».

Поясняя тезис Белинского — «у нас нет литературы»,— взятый из его знаменитых «Литературных мечтаний», Иван Франко указывал, что эта статья была написана «как раз в то время, когда молодой Гоголь готовился твердо стать на ноги, когда в детской голове Лермонтова бурлили уже поэтические образы, когда новая, реалистическая литература нарождалась на свет и трепет ее рождения проникал во все чуткие сердца. Признание того, что у России нет литературы — породило русскую литературу».

Иван Яковлевич, полемизируя с консервативными кругами галицкой интеллигенции, считавшими великого русского критика «неблагонадежным», чуждым украинской культуре, писал, что Белинский был человеком чутким, с чистым сердцем, и он видел, что все люди, имеющие совесть, испытывают отвращение к пустозвонству и фальши, ищут иных путей общественного развития. И такой путь был указан Белинским. За ним пошли сперва немногие, а затем и все, потому что он сам был противоположностью старому — у него было то, чего не

хватало прежним: «...непосредственное отношение к жизни, любовь к правде и добру и убеждение, горячее, страстное убеждение в необходимости и возможности этого добра среди людей». Только это убеждение, подчеркивал И. Франко, неугасимым огнем горевшее в его крови, придало ему такую великую силу, заставило идти за ним его современников и потомков, сделало его основателем новой школы

Сопоставляя [illegible] мыслей критика о состоянии тогдашней русской словесности, Иван Яковлевич ставил вопрос: «А у нас разве не то же самое, что было... в России до Белинского?.. Разве наша литература не столь же далека от жизни и правды, как небо от земли? Разве наше воспитание и образование не является тем жерновом, под который детей кладут здоровыми, а вынимают искалеченными?..

Беспощадный приговор, вынесенный Иваном Франко «галицким изящным творениям», вызвал переполох не только среди недругов, но и близких к нему писателей. Поэтому он вынужден был издать свой перевод с другим предисловием. Но основные идеи, заложенные в первом варианте, нашли вскоре отражение в статье «Темное царство», написанной осенью 1881 года и опубликованной во львовском журнале «[illegible]

В этой крупной работе, посвященной творчеству Шевченко, Иван Франко дал характеристику общественным явлениям 40-х годов, сложившимся в результате деятельности Белинского. Автор говорил, что великий русский критик, неутомимо трудясь над развитием своих идей, начинал видеть цель искусства в том, чтобы «правдиво показывать действительность с ее недостатками и задатками лучшего будущего, пробуждать в людях [illegible] к устранению этих недостатков и веру в возможность их устранения». Все это, констатировал Иван Франко, расчищало путь к реализму, способствовало появлению таких произведений, которые наносили «первый открытый удар по огромной, наболевшей язве русского общества, по крепостному праву

Выступая против безыдейного, оторванного от жизни искусства, Иван Яковлевич постоянно опирался на творчество русских революционных демократов, рекомендовал читать их произведения. Он лично сам переводил на украинский язык статьи Д. И. Писарева, Н. А. Добролюбова. По его совету было издано в 1880 году на укра-

[illegible] «Поэзии [illegible]» [illegible] [illegible]сь в Женеве.

Благотворное влияние наследие В[illegible] [illegible] украинской культуры. Например, [illegible] трудами Белинского известн[illegible] П. А. Грабовский. Основываясь н[illegible] [illegible], он предъявлял высокие тре[illegible] рам, считал, что они обязаны выра[illegible] [illegible] Арсентьевича [illegible] [illegible]енных и угнетенн[illegible]

Хорошо были известны лите[illegible] [illegible] Белинского многим писателям [illegible] [illegible] том числе М. М. Коцюбин[illegible] Лесе Украинке, Панасу Мир[illegible] М. Л. Кропивницкому. Они с глубо[illegible] [illegible]сились к его личности. Так, видн[illegible] режиссер Н. К. Тобиле[illegible] [illegible]мяти великого русского критика [illegible] [illegible]

Прогрессивная украинская инт[illegible] [illegible]теля, старались постоянно про[illegible] [illegible] о рассказывать в гимназия[illegible] [illegible] [illegible]ебных заведениях о его ж[illegible] [illegible]арское правительство всячески пре[illegible] благородным начинаниям. Еще в 1868 [illegible] [illegible] в некоторых ученических библи[illegible] Херсонской и Екатеринославской [illegible] [illegible]инения Белинского, власти распорядил[illegible] [illegible] изъятии и недопущении в[illegible] меры были приняты в 90-х годах по отношен[illegible] [illegible]рым гимназиям попечителем Хар[illegible] [illegible]

Однако, несмотря на запре[illegible] критика продолжали распространяться. [illegible] [illegible] сборники, включавшие отдельные ста[illegible] были изданы в Одессе, Киеве, Харько[illegible]

Немаловажную роль наследие револю[illegible] [illegible]рата играло в развитии общественно[illegible] Кавказа. Виссарион Григорьевич [illegible] интерес к этому краю. Побывав здесь [illegible] он сообщал в одном из писе[illegible]

«Смотрю на ясное небо, на ф[illegible]

на дикую и величественную природу... и радуюсь, сам не зная чему» (XI, 137).

Белинский очень чутко уловил воодушевляющую силу этих изумительных по своей красоте мест. «Странное дело! — писал он.— Кавказу как будто суждено быть колыбелью наших поэтических талантов, вдохновителем и пестуном их музы, поэтическою их родиною!» В другой статье критик указывал: «Муза Пушкина как бы осветила давно уже на деле существовавшее родство России с этим краем, купленным драгоценною кровию сынов ее и подвигами ее героев. И Кавказ — эта колыбель поэзии Пушкина — сделался потом и колыбелью поэзии Лермонтова...» (IV, 543; VII, 373).

Эта замечательная оценка кавказской темы в творчестве гениальных поэтов не раз привлекала внимание грузинских критиков и писателей. Так, известный журналист и публицист Г. Туманишвили в обзоре, посвященном Михаилу Юрьевичу, писал: «Лермонтов не только русский поэт; он, кроме того, поэт кавказский». И далее автор подчеркивал: «Можно сказать без преувеличения, как заметил Белинский, разбирая поэму «Мцыри», что поэт брал цвета у радуги, лучи у солнца, блеск у молнии, грохот у громов, гул у ветров, что вся природа сама несла и подавала ему материалы, когда писал он эту поэму... Картины природы... дышат грандиозностью и роскошным блеском фантастического Кавказа»

Несколько позже, оценивая значение Белинского в истории развития русской культуры, Г. Туманишвили отмечал: «Каждая страна, каждое время имеет своих ярких выразителей. В древности они являлись в образе пророков; в Западной Европе... они выступают в лице политических ораторов... В России же создался тип литературного критика, который руководит общественным мнением не по одним литературным, но и общественным вопросам

Первым выдающимся из таких критиков был, как известно, Белинский... После Белинского, в 50-х годах, вакансия первого критика оставалась долго незамещенной. Это была тяжелая пора

Наиболее активное знакомство прогрессивной грузинской интеллигенции с творчеством Виссариона Григорьевича началось во второй половине 50-х годов. В это время свыше двадцати способных юношей, ранее

учившихся в Тифлисской и Кутаисской гимназиях, поступили в Петербургский университет. Здесь они жадно впитывали идеи русских революционных демократов, внимательно следили за той полемикой, которая развернулась на страницах тогдашних периодических изданий вокруг имени Белинского. С особым интересом [illegible] люди читали «Очерки гоголевского периода русской литературы», статьи Добролюбова, освещавшие немеркнущий образ великого критика, его заслуги в развитии передовой общественной мысли России. Под воздействием этих публикаций многие юноши пополнили свои библиотеки первым изданием сочинений Белинского.

С особой симпатией относился к наследию великого критика Илья Чавчавадзе, ставший во главе замечательной плеяды грузинских шестидесятников, именовавшихся в литературе «тергдалеули», то есть испившие воды из сокровищницы русской культуры. В 1861 году он поместил в журнале «Цискари» («Заря») статью «Несколько слов о переводе «Безумной» Козлова князем Ревазом Шалвовичем Эристави». Она была написана под влиянием отзывов Белинского о творчестве поэта И. И. Козлова. В ней И. Чавчавадзе, говоря о плохом качестве перевода, указывал, что эта поэма не имеет истины и по своему содержанию далека от жизни. Он направил огонь критики главным образом против консервативных писателей, группировавшихся вокруг «Цискари». Ратуя за реалистическую литературу, автор рецензии продемонстрировал тем самым свою приверженность к наследию В. Г. Белинского и выступил как поборник идейных связей с великим русским революционным демократом.

Позиция, занятая И. Чавчавадзе, не устраивала сторонников «чистого искусства» в грузинской литературе. Один из них, Г. Бараташвили, опубликовал на страницах журнала «опровержение», в котором говорилось, что молодой критик «снарядился в Петербурге, как Дон-Кихот: в левой руке вместо щита держит тома Белинского».

В свою очередь И. Чавчавадзе в своем «Ответе» дал резкий отпор противникам реалистического направления в изображении окружающей действительности. В качестве эпиграфа он взял слова Белинского: «Из нашей литературы хотят устроить бальную залу и уже зазывают в нее дам, из наших литераторов хотят сделать светских

... фраках и белых перчатках, энергию хотят заменить вежливостью, чувство — приличием, мысль — модною фразою, изящество — щеголеватостью, критику — комплиментами» (см. II, 169)

Эта цитата свидетельствует о том, что И. Чавчавадзе хорошо был знаком с одной из программных статей Виссариона Григорьевича — «О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя». В ней Белинский, разоблачая теоретика «чистого искусства» Шевырева, выступил как демократ, борец за подлинно народную литературу, за независимую, принципиальную критику ... каких-либо личных или корыстных соображений.

Автор «Ответа», опираясь на разработанные великим русским критиком теоретические положения о специфике художественного творчества, писал: «Искусство есть осуществление в образе идеи, мысли. Музыка, живопись, поэзия — все они выражают идею в образе». И далее И. Чавчавадзе указывал, что если его оппоненты ... желают разобраться в вопросах литературы, то пусть изучат статьи Белинского

Консерваторы из редакции «Цискари», повторяя суждения о великом критике «Библиотеки для чтения» и «Северной пчелы», заявили о том, что время Белинского кануло в Лету. В пылу гнева они указывали ... Чавчавадзе следует за Белинским. Но быть Белинским непригодное дело в Грузии». Он, говорилось в статье ... был человеком больным, желчным и вечно ругался. Поэтому подражание Белинскому не вызывает никакого ...сторга. Да и в самой России ему никто уже не подра...

В 1861 году за участие в студенческих волнениях И. Чавчавадзе посадили в тюрьму. После ... и вынужден был оставить университет и вернулся в Грузию. В двадцатишестилетнем возрасте писатель решил окончательно порвать связи с редакцией «Цискари» и создать свой журнал. Такой журнал был основан в 1863 году. Назывался он «Сакартвелос моамбе» («Вестник Грузии»). Вокруг него сплотились ... шие литературные силы Тифлиса, Кутаиси и других городов

Этот боевой орган грузинских шестидесятников ... постоянное внимание ... революционных демократов. Вслед за Белинским, ...

вавшим проблему реализма с на[illegible]
щественное переустройство, Н. Ч[illegible]
достойную отповедь эстетам. В [illegible]
ртвелос моамбе» говорилось: «Пусть некоторые [illegible]
плодные поэты, выступая от имени [illegible]
в сторону от жизни своего народа... Нам с ними не п[illegible]

С первых же номеров в журнале стали регуляр[illegible] [illegible]вляться материалы о великом критике. Так, С. Чи[illegible]релидзе (псевдоним М. Кипиани) в серии публикаций под названием «Беседы Спиридона и Тадеоза» приводил обширные выписки из сочинений Бели[illegible] сти из его известных статей и рецензий, посвященных творчеству Лермонтова. Кроме того, в «Сакартвелос моамбе» была помещена статья «Мнение Белинского о воспитании детей», которая представляла собой сокращенный перевод работы Виссариона Григорьевича «О детских книгах. Подарок на Новый год. Две сказки Гофмана, для больших и маленьких детей.— Детские сказки дедушки Иринея (В. Ф. Одоевского)

Пламенными пропагандистами м[illegible] эстетики русских революционных демократов [illegible] и другие грузинские шестидесятники. Перед именем Белинского преклонялся замечательный поэт Акакий Церетели, который требовал от писателей активного гражданского отношения к действительности. Он писал: «Литературу я всегда считал оружием борьбы и служения потребностям дня». Характерно, что его стихотворение «Памяти Гоголя» было навеяно статьями Виссариона Григорьевича, близкими и дорогими своим пафосом сердцу поэта, который считал Белинского великим критиком»[12].

Мысли Белинского о реализме и народности литературы нашли отражение в статье Георгия Церетели «О чем кудахтал «Цискари». Она также была напечатана на страницах «Сакартвелос моамбе».

Виднейшие деятели 60-х годов, как указывал профессор Г. Тавзишвили в статье «Белинский и грузинская общественная мысль XIX века», опубликованной в газете «Заря Востока» 6 июня 1948 года, видели в русских революционных демократах идейных вдохновителей в своей национально-освободительной борьбе против крепостничества и самодержавия. Об этом свидетельствует высказывание виднейшего педагога Я. Гогебашви-

ли, который писал: «Наши патриоты... мечтают о том же, что и... Белинский, Добролюбов, авторы романов «Кто виноват?», «Что делать?», Щедрин и другие». Защищая от нападок реакционеров выдающихся представителей великой русской культуры, он указывал: «Пушкины, Лермонтовы, Белинские, Гоголи, Добролюбовы... умирают в ранней молодости, а Катковы, Леонтьевы, Победоносцевы, Суворины, Мещерские и другие апостолы темного царства и мракобесия живут»

Пропаганда идей великого русского критика шестидесятниками способствовала широкому распространению его произведений. Особенно стал популярен Белинский среди передовых слоев интеллигенции и учащейся молодежи. Например, писатель-народник С. Мгалоблишвили, будучи с 1867 по 1872 год в Тифлисской семинарии, свидетельствовал, что воспитанники этого закрытого заведения на свои средства создали общественную библиотеку, в которой были сочинения Белинского, Добролюбова, Писарева.

Высоко ценил наследие Виссариона Григорьевича известный деятель грузинской культуры и литературный критик Н. Николадзе. Еще находясь в Петербургском университете, он увлекся сочинениями Белинского, усвоил его идеи. После возвращения в Тифлис стал сотрудничать в основанной Г. Церетели газете «Дроэба» («Время») и журнале «Кребули» («Сборник»). В этих изданиях Н. Николадзе поместил несколько статей, в которых отстаивал эстетические взгляды Белинского, говорил о нем, как о воспитателе и руководителе молодых сил родного края.

В 1875 году Н. Николадзе в газете «Тифлисский вестник» (№ 91) опубликовал отрывок из своих «Критических очерков». В них, опираясь на высказывания Белинского о том, что литература в условиях полицейской реакции являлась зеркалом жизни, автор писал: «Все честные и разумные силы России чутко прислушивались тогда к словам этой литературы, следили за каждым ее шагом, радуясь ее радостями и печалясь ее горем. В ней одной искали они путеводную нить жизни; в ней одной находили отдых от безотрадной действительности и надежду на лучшее время. Литература была не только руководительницей, но и другом читающего люда. Она пользовалась не только влиянием, но и доверием и любовью его»

Н[illegible]
стись к эпохе благотворного влияния Белинского или к тому недавнему, не слишком отдаленному времени, [illegible]гда литература 1856—1861 годов возбуждала к себе [illegible]ельные симпатии нашего общества. В эти вре[мена] все, что жило в России умственною жизнью, все, [illegible]собно было стремиться к благо[illegible] [illegible]еского существования, дышало [illegible] [illegible]нью с литературой. Между писавшими [illegible] существовала постоянная связь общей [illegible] стремлений и надежд. Выхода книжки журнала все ждали с биением сердца; слово писателя пожиралось как манна небесная, и по прочтении каждый чувствовал, что стал морально здоровее, физически свежее, чем был прежде. Силы читателя удесятерялись, миросозерцание его становилось шире, взгляды и убеждения его крепли, словом, он становился лучшим, полезнейшим человеком. Люди, разбросанные поодиночке, по невообразимо отдельным закоулкам нашей беспредельной России, чувствовали, что они не одиноки, что есть центр умственной жизни, что есть много сердец, биение которых регулируется на одном общем с ними [illegible]

В 80-х и 90-х годах имя Белинского часто упоминалось на страницах издававшейся Н. Николадзе ежедневной газеты «Обзор», журнала грузинских народников «Имеди» («Надежда»), основанной И. Чавчавадзе литературно-политической газеты «Иверия» и других периодических изданий. Так, публицист и писатель С. Чрелашвили, для которого имя Виссариона Григорьевича было прочно связано с прогрессивной Россией, выступая против консерваторов-националистов, писал в своей статье «Разрушение мечты»: «Каждое чувство, все таланты требуют воспитания, и чем это воспитание будет обширней, тем лучше. Но разве голое слово — воспитание — говорит о многом нашему сознанию?.. Воспитание воспитанию рознь... В России Хомяковы, Киреевские, Катковы считают себя патриотами и говорят о пробуждении патриотического чувства и о его воспитании. Добролюбов, Писарев, Чернышевский, Белинский были патриотами и воспитывали это чувство в своем народе. Какой же вы хотите патриотизм воспитывать в нашем обществе?.. К какому патриотизму примыкаете вы — к прогрессивному или реакционному? Только тогда, когда выбор будет сделан... тогда сможете вы ударить

[illegible] х собратьев, тогда сможете вы вдохнуть жизнь в ваших современников и представить ваши претензии на заслуги.

В этой статье С. Чрелашвили дал ясный ответ «стол-[illegible]ества», что существует две России: одну из них олицетворяют мракобесы типа Каткова, а знаменосцами другой являются люди, до предела преданные своей Родине, своему народу. И среди них почетное место принадлежит Белинскому.

Прогрессивные грузинские писатели, публицисты подчеркивали мировое значение передовой русской эстетической школы. Н. Николадзе в 1891 году писал по этому поводу в газете «Новое обозрение» (№ 2719): «Собственно, теперь французская критика переживает тот самый критический возраст искания путей и методов, целей и назначения, который русская критика в лице Б[illegible] ровно полвека тому назад. А из-[illegible]тно, огромный шаг с тех пор сделала наша критика благодаря последней поре деятельности Белинского, появлению «Эстетических отношений искусства к действительности» и применению Добролюбовым принципов этой диссертации к разбору литературных произведений».

Выражая воззрения лучших сынов и дочерей Грузии, И. Чавчавадзе в газете «Иверия» (1898, № 57) свидетельствовал: «Русская литература оказала большое руководящее влияние на путь нашего развития, оказала воздействие на все то, что составляет нашу духовную силу, наше сознание, нашу мысль. Она оказала свое положительное влияние на наши чувства и направление...». И в этом воздействии была немалая заслуга выдающегося революционного демократа и философа-материалиста Белинского.

Идеи Виссариона Григорьевича оказывали также большое влияние на духовное пробуждение армянского народа. Лучшие его представители из числа студентов Московского, Петербургского университетов и особенно Лазаревского института восточных языков, где в основном обучались армянские юноши, могли познакомиться с творчеством Белинского еще в конце первой половины прошлого столетия. Имеются сведения, что в начале 40-х годов был связан с «Отечественными записками» замечательный армянский писатель и просветитель Х. Абовян.

Произведения великого критика и гениального мыслителя вдохновляли демократическую интеллигенцию [illegible] борьбе с феодально-клерикальной реакцией и бу[illegible]азно-националистическими течениями, способствовали развитию передовой общественной мысли, литературы и искусства. Об этом свидетельствовала основанная Г. Арцруни в 1872 году газета «Мшак» («Работник»). На своих страницах она у[illegible] признательны Белинскому. Наши лучшие деятели восп[illegible]тывались и развивались под влиянием того течени[illegible], одним из крупнейших представителей которого являл[illegible] Белинский [illegible].

Наиболее близко к его идейному наследию ст[illegible] выдающийся армянский мыслитель, поэт [illegible] критик и революционный демократ Микаэл Налбандян. Родился он в семье ремесленника-кустаря в небольшом городке Новонахичеван — центре армянской колонии в низовьях Дона. В 1837 году, когда Микаэлу исполнилось восемь лет, отец отдал его в местную школу, которой руководил Г. Патканян — весьма образованный для своего времени человек, страстно увлекавшийся прогрессивной русской литературой и прививавший любовь к ней своим питомцам.

Еще будучи учеником, юноша близко сошелся с Саркисом Тиграняном (Сергеем Тиграняном) — выпускником Московского университета. Он в 1829 году одновременно с Белинским был зачислен на словесное отделение[14]. Они, видимо, хорошо знали друг друга. Позже С. Тигранян перевел трагедию Ж. Расина «Гофолия» на армянский язык, о чем сообщалось на страницах еженедельной газеты «Молва» (1835, № 3), когда ее редактировал Белинский. К переводу был приложен трактат по истории и теории трагедии и драмы. В нем рассматривались произведения Тредиаковского, Ломоносова, Сумарокова, Княжнина, Хераскова, Озерова и т. д.

Причем в ряде мест «трактат» почти полностью совпадал с суждениями Виссариона Григорьевича, изложенными в «Литературных мечтаниях». Характерно в связи с этим и другое. Одно из первых сочинений М. Налбандяна «Слово об армянской письменности» также перекликалось как с «трактатом» С. Тиграняна, так и с «Литературными мечтаниями» Белинского[15]. Возможно, что у Тиграняна имелся комплект «Молвы» за 1834

[illegible] годы и Налбандян мог в юном возрасте более детально изучить ранние произведения великого русского критика.

К тому же когда создавалось «Слово», автор уже знал, по всей видимости, более поздние произведения Белинского. В частности, обличая феодально-крепостнические порядки России, великий русский критик писал в 1846 году: «В нашем обществе преобладает дух разъединения: у каждого из его сословий все свое, особенное — и платье, и манера, и образ жизни, и обычаи, и даже язык. Чтоб убедиться в этом, стоит только провести вечер, на котором сошлись бы нечаянно... помещик, купец, мещанин... духовный, студент, семинарист, профессор...» (IX, 430)

Данная выдержка из статьи Белинского «Мысли и заметки о русской литературе» без малого точь-в-точь повторяется в «Слове» М. Налбандяна. Он говорил, что и в армянском обществе «живет некий злой дух, который... разъединяет и отрывает людей друг от друга. У нас... каждое сословие имеет свои особенности, свое платье, свой образ мышления... свой язык. В доказательство этого мнения стоит лишь собрать от каждой из этих раздельных частей по одному человеку, как-то: помещика, духовного, профессора, студента... купца, мещанина...».

Находясь уже в Москве, М. Налбандян при поездке в начале марта 1856 года в Петербург получил от сына своего первого учителя Рафаэла Патканяна «Полярную звезду» на 1855 год[16], изданную Герценом в Лондоне. В этом выпуске, как говорилось выше, была опубликована переписка Белинского с Гоголем, а также главы из «Былого и дум», в которых давалась высокая оценка творчеству Виссариона Григорьевича и его заслугам в развитии передовой общественной мысли России. В тот же период М. Налбандян внимательно читал «Очерки гоголевского периода русской литературы» Н. Г. Чернышевского, обращался к журналам «Отечественные записки» и «Современник» со статьями Белинского. Таким образом, революционно-демократические идеи и эстетические взгляды Виссариона Григорьевича играли важную роль в формировании и становлении мировоззрения молодого Микаэла.

Совместно со Степаном Назаряном, профессором Лазаревского института восточных языков, М. Налбан-

дян создал первый армянский ежемесячный журнал «Юсисапайл» («Северное сияние»), который выходил в Москве с 1858 по 1864 год и распространялся среди армян, проживавших в столичных и провинциальных городах России. Опираясь на труды Белинского и Чернышевского, М. Налбандян на страницах этого журнала борется с идеалистической эстетикой, выступая против ее принципа «искусства для искусства». Вслед за своими учителями он рассматривал литературу как специфическое и наиболее действенное в тогдашних условиях средство отражения реальной действительности, способное беспощадно изобличать все мертвое и реакционное, служить делу ниспровержения крепостничества и абсолютизма

Так, например, познакомившись со статьей Белинского «Взгляд на русскую литературу 1846 года», М. Налбандян обратил внимание на суждения великого критика об истории человеческого общества, о самобытности и взаимовлиянии народных обычаев, нравов, традиций и т. д. Данные теоретические положения играли в то время важную роль в становлении и развитии национальных культур России. Поэтому армянский мыслитель не мог пройти мимо этих актуальных вопросов и отразил их в своих «Заметках», опубликованных в 1858 году в журнале «Юсисапайл».

И опять, как в «Слове об армянской письменности», автор в своих теоретических суждениях опирался на труды великого русского критика. Говоря о единстве национального и общечеловеческого, личного и общественного, Виссарион Григорьевич писал: «Что личность в отношении к идее человека, то народность в отношении к идее человечества. Другими словами: народности суть личности человечества. Без национальностей человечество было бы мертвым логическим абстрактом, словом без содержания, звуком без значения... Что человек без личности, то народ без национальности» (X, 28, 29, 30).

В «Заметках» М. Налбандяна читаем: «Нация — это та сила, та живая связь людей, без которой или вне которой частное лицо стало бы бесполезным эгоистом, а все человечество — бесплодной отвлеченностью... Народ должен обладать национальностью: это — личность народа. Как не может быть человека без личности, так не может быть народа без национальности...»[17]

[illegible] М. Налбандяна оставило, вероятно, «Письмо Белинского к Гоголю». В ряде трактатов, памфлетов он постоянно проводил идеи, заложенные в этом знаменитом, одном из лучших произведений бесцензурной демократической печати. Выражая настроения крестьян, армянский мыслитель писал: «Мы не можем более оставаться в тех отношениях, которые измучили наших предков и мучают нас. Вековыми рубцами покрыты наши спины... Детей наших господа обменивают на собак. Нет! Немыслимо больше оставаться при таких отношениях».

Так же как Белинский, М. Налбандян разоблачал реакционную сущность религии и армянского духовенства, подверг резкой критике католицизм, говорил о том, что «папизм требует от наций слепой и безусловной веры», стремится до предела ограничить стремление народов к свободе. Эти мысли нашли отражение в очерке «Иезуиты», памфлете «Несколько строк» и других статьях.

Немаловажную роль в творчестве М. Налбандяна сыграли воззрения Белинского, касавшиеся женской эмансипации. Во многих статьях, рецензиях великий русский критик выступал против домостроевщины и сословных предрассудков, ратовал за свободу и равноправие женщин. Так же горячо выступал против патриархальщины, за раскрепощение женщины и М. Налбандян. Особенно данные вопросы были довольно глубоко раскрыты в повести «Одному — слово, другому — невесту», написанной в 1858 году.

Пропаганда на страницах «Юсисапайла» литературных и революционно-демократических взглядов Виссариона Григорьевича содействовала тому, что вскоре его произведения стали переводиться на армянский язык. Например, в 1861 году журнал «Крунк» (№ X, XI, XII) напечатал значительную часть статьи «Стихотворения М. Лермонтова». В примечании к переводу указывалось, что Белинский являлся первым критиком России. Позже этот перевод получил широкую известность, так как не раз включался в различные армянские хрестоматии.

В армянской, так же как и в грузинской, литературе 60-е годы характеризуются упорной борьбой прогрессивных писателей, публицистов за реалистическое искусство. В частности, драматург Микаэл Патканян в полемике с консерваторами приводил выдержки из произведений

Виссариона Григорьевича, ссылался на Чернышевского и его «Очерки гоголевского периода русской литературы», где давалась исчерпывающая оценка Белинского, который, по словам М. Патканяна, являлся «замечательным и первоклассным русским писателем и критиком».

Другой выдающийся армянский театральный деятель, Геворг Чмшкян, рассказывал в своих воспоминаниях, с каким восторгом и увлечением читал он произведения В. Г. Белинского, особенно его статьи о драматургии. Это оказало неизгладимое влияние на мировоззрение талантливого актера, который в идейной борьбе за народность театра смело следовал по пути, указанному Виссарионом Григорьевичем.

Неоднократно отмечал благотворное влияние русских революционных демократов на армянскую литературу крупнейший писатель-романист Раффи (Акоп Мелик-Акопян). «Неопровержимо,— писал он,— что между нашим умственным развитием и русскими имеется внутренняя связь. Сороковые и шестидесятые года дали России ее наиболее выдающихся писателей».

Выступая в 1883 году против консервативной газеты «Мегу Айастани» и ее реакционного критика Айкуни, Раффи ставил в пример русских революционных демократов, указывал на их великую роль, которую они играли в развитии передовой литературы, искусства и общественной мысли. В связи с этим он подчеркивал: «Для того, чтобы быть хорошим критиком, нужно иметь особое призвание. У просвещенных народов часто бывают сотни писателей, но только один или два хороших критика...»

Иллюстрируя свои доводы конкретными фактами, Раффи писал: «В русской литературе, которая нам более знакома, нам известны до сегодняшнего дня, как критики, только две личности, Белинский и Добролюбов, тогда как поэтов и романистов у русских несравненно больше. Совершенно неправильно поэтому думать, что писать критику может всякий более или менее развитой человек. С талантом критика должны соединяться такие дарования, такие условия, которые даны не каждому»[11].

Об огромном значении творчества русских революционных демократов для развития общественной мысли армянского народа, живущего в России, писал в 80-х годах прошлого века корреспондент марсельской газе-

ти «Армения». Проанализировав социально-экономические и политические условия, в которых находились закавказские и турецкие армяне, он отдавал предпочтение первым из них и в своей статье свидетельствовал: «Причину этого я приписываю влиянию русских революционеров и их передовых писателей-шестидесятников. Вряд ли, наконец, не станет приверженцем революции человек, прочитавший статьи Белинского, Чернышевского, Добролюбова и подобных им писателей».

В 80-х и 90-х годах страстным защитником идей русских революционных демократов, в особенности Белинского, как указывал в цитированной выше статье Гурген Оганян, являлся Аветик Арасханян. В редактируемом им журнале «Мурч» печатались переводы произведений Белинского, а также статьи о его литературно-философских взглядах. Оценивая значимость русской и европейской литературной критики, Арасханян в одной из своих публикаций констатировал: «Литературные критики Европы, даже самые гениальные из них, вовсе не выполнили по отношению к подрастающему поколению и к современной жизни вообще той роли, которую выполнили в России Белинский, Добролюбов, Писарев, являвшиеся знаменосцами умственного течения своего времени».

Многократно возвращался к произведениям Виссариона Григорьевича и отмечал их большое значение в развитии армянской духовной жизни переводчик и литературный критик Ервант Газарян. Говоря об идейном воспитании своего поколения, он писал: «Наше счастье, наше душевное удовольствие состояло в том, что мы читали и воодушевлялись сочинениями Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Писарева, Шелгунова, Налбандяна, романами Тургенева, Раффи, созданными Щедриным сатирическими картинами, исследованиями народной жизни Гл. Успенского,— в этом была наша жизнь, наше счастье... Они были светлыми маяками нашей умственной жизни. Это они внушали нам и высокие чувства, и высокие идеи, и общественные стремления, и веру в будущее, и идеал человеческой жизни. Вот почему имена вышеупомянутых писателей были так близки нашему сердцу»

Но самым животворным источником творчество Белинского являлось для многих будущих армянских

марксистов, и в первую очередь для таких стойких большевиков-ленинцев, как Степан Шаумян и Сурен Спандарян. Еще будучи учеником реального училища [illegible] Шаумян сумел понять все величие русского гения и всем сердцем воспринять глубину его мысли. Об этом свидетельствовал в своих мемуарах школьный товарищ Шаумяна, впоследствии известный армянский писатель Мовсес Арази. Вспоминая 90-е годы, он [illegible]: «В русской литературе кроме классиков — Пушкина, Гоголя, Тургенева, Толстого и других — наше внимание привлекали революционные демократы Белинский, Чернышевский, Писарев. Шаумян проявлял особый интерес к критике: он с увлечением читал статьи Белинского о Пушкине, Лермонтове, Гоголе, а также его литературные, исторические и философские труды. Помню, с каким восторгом и воодушевлением говорил Степан об этих русских гениальных критиках, в особенности о Белинском».

О том, насколько глубоко молодой марксист усвоил идеи Белинского, свидетельствовала его несостоявшаяся, но чуть позже отпечатанная на гектографе в количестве ста экземпляров речь по случаю сорокалетия литературной и общественной деятельности одного из либеральных писателей и педагогов Армении А. Агаяна

Анализируя состояние общественного движения в Закавказье на рубеже XIX и XX веков, С. Шаумян с сожалением писал, что в армянской периодической печати царит пустота: либералы, считающие себя «хранителями свободолюбия», проповедуют [illegible], обманывают народ, маскируют свой патриотизм благотворительством. Разоблачая их национальную ограниченность и крайний консерватизм, автор намечал широкую и смелую программу борьбы, ставил в пример русских революционных демократов. «Белинский и его друзья,— подчеркивал он,— сумели сыграть столь значительную роль в русской жизни потому, что они имели возможность благодаря некоторым историческим обстоятельствам наносить удары по крепостническим порядкам и внедрять идеи свободы посредством легальной литературы...

Когда же они не могли печатать то, что им хотелось сказать русской общественности, они прибегали к вольной прессе. Так поступали Белинский, Писарев, Чернышевский — эти гиганты 40-х и 60-х годов. Десятки лю-

дей, распространявших одно письмо-статью Белинского (имеется в виду письмо к Гоголю.— *П. М.*), были приговорены правительством к каторжным работам. Самого Белинского спасла от наказания, быть может даже от смертной казни, только естественная смерть

С. Шаумян восхищался деятельностью и стойкостью русских революционных пионеров, указывал, что они в любых обстоятельствах сумели сохранять свою независимость (и) не шли ни на какие компромиссы. В подтверждение сказанному автор приводил строки из письма Белинского И. И. Панаеву от 18 февраля 1839 года и пояснял когда был закрыт журнал «Московский наблюдатель», Белинский остался без работы и без куска хлеба. В связи с этим он сообщал своему адресату: «...я продаю себя всем и каждому, от Сенковского до (тьфу ты, гадость какая!) Булгарина,— кто больше даст, не стесняя при том моего образа мыслей, выражения, словом, моей литературной совести, которая для меня так дорога, что во всем Петербурге нет и приблизительной суммы для ее купли. Если дело дойдет до того, что мне скажут: независимость и самобытность убеждений или голодная смерть,— у меня достанет силы скорее издохнуть, как собаке, нежели живому отдаться на позорное съедение псам

Страстный голос русских революционных демократов оставил неизгладимый след в сознании молодого Сурена Спандаряна. С юных лет он стал свидетелем той борьбы, которая возникла вокруг имени великого русского критика в конце 80-х — начале 90-х годов на страницах армянской периодической печати. Этот вопрос нередко обсуждался в доме, куда приходили многие писатели, общественные деятели. Отец Сурена редактировал газету «Нор-Дар» («Новый век»), где печатались не только статьи о Белинском, но и его произведения. Поэтому, находясь уже в гимназии, С. Спандарян с особой любовью изучал труды корифеев русской литературы, в том числе и Виссариона Григорьевича. Эту любовь к наследию гениального мыслителя и философа-материалиста он сохранил до конца своей жизни.

Когда скончался видный работник большевистской партии, С. Шаумян написал некролог для еженедельной социал-демократической газеты «Пайкор» («Борьба»). В нем указывалось: «Сурен был созданием новой, общегосударственной российской жизни, более того, между-

народной жизненной среды... Его духовными [illegible] [illegible] Чернышевский, Бе[illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] революционно-демократическая идеология оказала на процесс форми[illegible]ния и развития азербайджанского народа. Одним [illegible] первых, кто познакомился с прижизненн[illegible] [illegible]дениями Виссариона Григорьевича, был известн[illegible] филолог-ориенталист, профессор Петербург[illegible] университета Мирза Джафар Топчибашев. Он [illegible] часть дворянства, которая [illegible] сближение с русской культурой, бор[illegible] [illegible] религиозного фанатизма, понимала отстал[illegible] [illegible] старых феодально-крепостничес[illegible] [illegible]

Еще в конце 1834 года в журнале [illegible], ру[illegible]водимом, по сути дела, Белинским, появи[illegible] [illegible] Мирзы Джафара на «Персидскую хрест[illegible] [illegible] [illegible]цырева. Сопоставляя ход развития [illegible] Топчибашев указывал, что русские [illegible] опередить в этом деле зарубежных с тем, [illegible] на Руси было бы много трудолюбивых и ревностных людей к успехам восточной культуры[illegible].

Мирза Джафар являлся не только ученым, [illegible] гом. Оценивая его стихи, Виссарион Григорьевич писал: «Мы уверены, что они несравненно лучше своих переводов» (I, 258). Автор небольшого стихотворного сборника, конечно, знал как об этом отзыве, так и о других статьях и рецензиях критика.

Существенное влияние творчество Белинского оказало на формирование демократических, литературно-критических и философских взглядов крупнейшего азербайджанского просветителя и писателя-демократа Мирзы Фатали Ахундова. По всей вероятности, первоначальные сведения о русском критике он получил от сосланных на Кавказ декабристов А. И. Одоев[illegible] А. А. Бестужева-Марлинского, с которыми близко сошелся. О романах и повестях последнего из них Виссарион Григорьевич не раз писал в «Телескопе». Из переписки Бестужева-Марлинского известно, что он следил за отзывами критика и имел номера этого журнала

Не мог пройти Мирза Фатали и мимо «Отечественных записок» за 1839—1841 годы, в которых печатались творения Лермонтова. С ним Ахундов познакомился еще в 1837 году, когда поэт был сослан на Кавказ за

свое знаменитое стихотворение «Смерть Поэта»[20]. В этих номерах публиковались такие обширные статьи Белинского, как «Горе от ума», «Полное собрание сочинений А. Марлинского», «О детских книгах», «Герой нашего времени», «Сочинения в стихах и прозе Дениса Давыдова», «Русская литература в 1840 году», «Идея искусства» и другие.

Хотя вопрос о чтении Ахундовым русских журналов до сего времени не выяснен, можно предположить, что ему были известны «Отечественные записки» и за другие годы. Они, судя по имеющимся данным, поступали в Тифлис, где находилась канцелярия главноуправляющего Грузией, в которой служил Мирза Фатали.

О том, что великий русский критик глубоко интересовал Ахундова, свидетельствует и сохранившееся в его личной библиотеке собрание сочинений Белинского, изданное в 1859—1862 годах. На многих страницах имеются пометки, сделанные рукой владельца[21].

Изучение трудов гениального мыслителя и революционного демократа помогало Ахундову бороться со всяким злом, разрабатывать и утверждать новое начало в азербайджанской литературе, направленной против феодального рабства и тлетворной религии ислама. Поэтому, как и Белинский, Мирза Фатали ратовал за раскрепощение человеческой личности, проповедовал идею о насильственном свержении отжившего строя. В одном из писем он указывал: «Наша цель заключается... в достижении процветания родины путем распространения науки и знаний в массах. Наша цель заключается в том, чтобы высоко поднять знамя свободы, справедливости и дать народу возможность спокойно строить свою жизнь, идти к благоденствию»[22].

Приведенные выше строки со всей очевидностью напоминают слова Белинского, с такой же страстностью сказанные им в письме к Гоголю.

Говоря о заслугах великого русского критика, известный поэт и драматург, действительный член Академии наук Азербайджанской ССР Самед Вургун подчеркивал, что Белинский особенно близок азербайджанскому народу. Его идеи оказали сильное влияние не только на формирование взглядов М. Ф. Ахундова, Гасанбека Зардаби, но и в целом на развитие азербайджанской культуры.

Вместе с лучшими представителями литературы, искусства Украины и Закавказья рука об руку шли выдающиеся сыны казахского народа Чокан Валиханов, Ибрай Алтынсарин, Абай Кунанбаев. Их мировоззрение также складывалось под влиянием русской прогрессивной идеологии.

С творчеством великого русского критика Ч. Валиханов познакомился в Омском кадетском корпусе. В библиотеке этого учебного заведения имелись журналы «Отечественные записки» и «Современник». Много рассказывал о произведениях Виссариона Григорьевича его страстный поклонник, преподаватель русской словесности Костылецкий. Эти рассказы мог дополнять С. Ф. Дуров, с которым Чокан познакомился в 1851 году. Активный член кружка Петрашевского за пропаганду письма Белинского к Гоголю был приговорен к каторжным работам и отбывал срок наказания в Омске. Здесь же Валиханов встретился с Ф. М. Достоевским. В приговоре о нем говорилось: «За участие в преступных замыслах, распространение письма литератора Белинского, полного дерзких выражений против православной церкви и верховной власти, и за покушение, вместе с прочими, к распространению сочинений против правительства посредством домашней литографии, он ссылается на каторгу...»

Молодой казах, таким образом, оказался в окружении людей, в памяти которых были свежи события, связанные с деятельностью великого критика. Это вызвало еще больший интерес к наследию Виссариона Григорьевича. Учившийся вместе с Чоканом будущий известный исследователь Центральной Азии Г. Н. Потанин указывал позже во вступительной статье к сочинениям Валиханова, что проработка трудов Белинского явилась для него «первой идейной зарядкой».

Увлечение произведениями великого русского мыслителя продолжалось и в последующие годы. Будучи в Петербурге, Валиханов общался с редакцией «Современника», следил за статьями Чернышевского. Все это способствовало формированию демократических взглядов, критического отношения к окружающей действительности. Чокан стремился облегчить положение своего народа, выступал против засилия феодально-байской верхушки, с гневом разоблачал колониальную политику царских чиновников.

[illegible] казахского просветителя Ибрая Алтынсарина».

Известный писатель и литературовед Сабит Муканов в своем исследовании «Влияние эстетических взглядов Белинского на мировоззрение Абая» (июньский номер «Вестника Академии наук Казахской ССР» за 1948 год) указывал, что идеи великого русского критика являлись путеводной звездой и для основоположника казахской письменной литературы.

А. Кунанбаев испытал на себе благотворное влияние творчества Виссариона Григорьевича еще в юношеские годы. В начале 70-х годов прошлого века он близко сошелся с политическими ссыльными, отбывавшими срок приговора в Семипалатинске. Все они в основном прошли хорошую школу революционных демократов и были страстными пропагандистами передовых идей того времени. Особенно же будущий великий поэт-просветитель подружился с учеником Чернышевского Е. П. Михаэлисом. Позже А. Кунанбаев писал: «Человек, который меня познакомил с произведениями известных русских писателей — Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тургенева, Салтыкова-Щедрина, Достоевского, Белинского, Добролюбова и Писарева, был Михаэлис, именно он сделал для меня больше, чем родной отец, открыл мне глаза на мир».

Эстетические принципы, выдвинутые Белинским, высоко ценили прогрессивные деятели и других народов России. Еще в 60-х годах его наследием увлекался поэт, переводчик и фольклорист Ф. Бривземниек, много сделавший для развития русско-латышских культурных связей. В Московском университете он слушал лекции выдающегося филолога Ф. И. Буслаева, который хорошо знал Виссариона Григорьевича, встречался с ним, будучи учеником Пензенской гимназии. Бывал Фрицис и в доме Станкевичей, где с благоговением по

читали Белинского. Это, види... студента интерес к произведениям писателя, ибо в сохранившихся памятных книжках Ф. Бривземниека встречаются выписки из статей великого критика и комментарии к ним

В 1874 году Фрицис в при... внесис» опубликовал очерк о Ломоносове, в котором впервые познакомил латышских читателей с именем Виссарионa Григорьевича, приводил его высказывани... о ... ученом. В примечании автор писал: ...линский является знаменитым русским критик... мыслителем. Он жил и работал в сороковые годы на... ше... ве..., освещая свой народ яркими лучами разума, побуждая его к новой духовной деятельности

Под воздействием передовой русской обществен... мысли в середине 80-х годов в латышской литературе обозначились два противоположных направления. С одной стороны — это писатели и критики, тре... реального изображения жизни, демократизации искус... ства; с другой — представители так называемого «псев... донародного» романтизма, выражавшие узконационали... стические интересы. Первые из них боролись за правди... вый показ окружающей действительности и нередк... ссылались в данном вопросе на Белинского, вторые проповедовали идею о том, что искусство должно быт... «возвышенным» и не касаться, по их мнени... ных» сторон человеческой деятельн...

Активным пропагандистом нового направлен... тышской литературе являлась газета «Диенас лапа» («Ежедневный листок»), которая стала выходить с 1886 года. На протяжении почти десяти лет ее редакти... ровали один из будущих организаторов Коммунисти... ческой партии Латвии П. Стучка и народный поэт Я. Райнис. Видный ученый, публицист, большевик с 1903 года П. Дауге говорил о них: «Первые свои ... люционные шаги как Райнис, так и Стучка совершили в Петербурге... Оба они, используя богатейшие сокро... ща Петербургской Публичной библиотеки, ознакомились с бессмертными трудами прогрессивных русских мысли... телей — Белинского, Чернышевского, Добролюбов... Герцена и других

В развернувшейся борьбе с консерваторам... щитниками теории «чистого искусства» «Диенас лапа... этот передовой орган умственной жизни трудящ...

[illegible] — постоянно распространял взгляды Белинского, неоднократно писал о нем. Например, под влиянием идей Виссариона Григорьевича была напечатана статья Я. Райниса «Старшины Лиелпилсской волости». А неизвестный автор в своей обширной публикации «Поэзия и критика», помещенной в «Диенас лапа» за 1886 год (№ 76, 77), излагал мысли Белинского об отношении поэта к действительности и литературы — к прошлому и настоящему, говорил о правдивости изображения жизни, формулировал задачи критики. Причем этот пересказ почти не отличался от оригинала. Так, с небольшими пропусками автор приводил многие цитаты из пятой статьи Виссариона Григорьевича о Пушкине. В частности, в «Диенас лапа» указывалось: «Белинский [illegible] поэт никогда ничего не выдумывает, но облекает в живые формы общечеловеческое. И поэтому в созданиях поэта читатель всегда находит что-то давно знакомое ему, что-то свое собственное, что он более или менее сам чувствовал» (ср. VII, 310).

В 1887 году эта же газета (№ 218—220) напечатала статью Ф. Адамовича, посвященную творчеству прогрессивного поэта-романтика Аусеклиса (М. Крогземис). Говоря об использовании в поэтическом творчестве народных преданий и мифологий, автор ссылался на Белинского и писал, что «народные предания прекрасны и интересны в том виде, как они были созданы народной фантазией, без приукрашивания, изменений и переделки».

Значительное место в периодической печати отводилось популяризации педагогических воззрений великого русского мыслителя. Так, в 1889 году газета «Балтияс вестнесис» («Балтийский вестник», № 131—133) познакомила читателей со статьей «О воспитании». Она представляла собой перевод основных высказываний Виссариона Григорьевича о детском чтении, о значении книг в развитии ребенка, о роли родителей, которую они должны играть в процессе формирования взглядов подрастающего поколения. В начале статьи переводчик пояснял, что «Белинский — это выдающийся педагог и литературный критик, а перевод дается для того, чтобы читатель увидел, как он учил русский народ, и что, быть может, и латыши найдут в его учении полезные советы для себя».

Отдельные литературоведы проводили мысль о том, что в 90-х годах латышская общественность больше интересовалась Добролюбовым и Писаревым, нежели Белинским. Однако в критической литературе того времени, как установили В. А. Вавере и Г. М. Маш[illegible], имя первых двух писателей не встречалось, а ссылки на авторитет Виссариона Григорьевича довольно часты. Теодор Зейферт, выступивший за реалистическое развитие латышской литературы, свидетельствовал в 1894 году в газете «Диенас лапа», что «ближе всех к нам, латышам, находится русский критик Белинский»[27]

Большое влияние творчество Виссариона Григорьевича оказало на эволюцию передовой общественной мысли и становление реалистической литературы Литвы. Сочинения великого русского критика здесь стали распространяться в конце прошлого века. Под его воздействием, как указывает К. Амбрасас в статье «В. Г. Белинский и литовская литература»[28], развивалось мировоззрение и писательское мастерство Й. Мачиса-Кекштаса, С. Матулайтиса, П. Вишинскиса, В. Капсукаса и других деятелей культуры.

Труды Белинского, например, сыграли важную роль в формировании эстетических взглядов Й. Билюнаса — одного из самых талантливых представителей литовского критического реализма. «Сам Билюнас,— писал один из его современников,— уделял немало времени вопросам литературы, искусства. Особенно он увлекался классиками, больше всего читал Тургенева, Толстого...»

Далее свидетель того времени, хорошо знавший Й. Билюнаса, подчеркивал: «Очень внимательно читал он и литературно-критические статьи Белинского... С Белинским и Карлом Марксом не расставался даже и по ночам. Ночью вытаскивал книгу и читал тайком, потому что гимназическое начальство запретило подобные книги...»

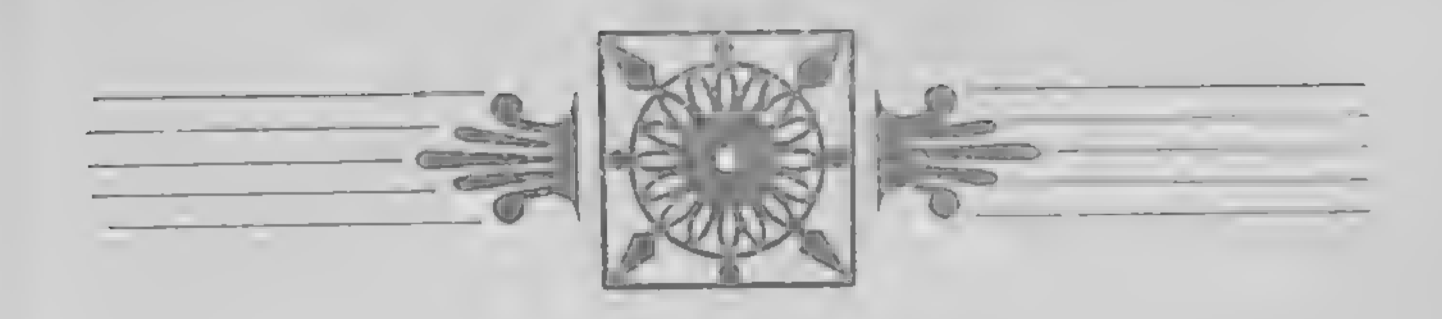
Знаком был с наследием Виссариона Григорьевича передовой демократический деятель Литвы конца прошлого века Винцас Кудирка. Он основал и редактировал журнал «Варпас» («Колокол»), вокруг которого сплачивались лучшие писатели-реалисты. В публицистических и литературно-критических статьях Винцаса, помещаемых на страницах «Варпаса», особенно чувствовалось влияние идей Белинского.

На рубеже XIX—XX [illegible] реалистическая [illegible] художественное [illegible] белорусской литературы. [illegible] ненст- [illegible] икого критика-революционера развива- [illegible] творчество Ф. Богушевича, А. Тетки и других [illegible] В своих [illegible] ли окружающую [illegible] смело защищали права обездоленно- [illegible] али таких стихотворных сборниках Ф. Богушевича, как «Дудка белорусская», «Смычок белорусский», которые [illegible] и 1894 годах и получили широкое [illegible]

Философские и литературно-критические воззрения [illegible] Григорьевича находили широкий отклик в [illegible] передовых писателей и общественных деятелей Молдавии. Этому во многом способствовал тот факт, что лучшие представители молдавской культуры идейно формировались в непосредственном общении с русской [illegible]ционной молодежью 60—80-х годов. Среди них были Б. Хаджэу, Н. Зубко-Кодряну, доктор Руссел, К. Доброджяну-Геря, З. Арборе, В. Крэсеску и другие.

В мемуарной литературе, эпистолярных и других [illegible]ти немало свидетельств о влия[illegible] Белинского на молдавскую интеллигенцию. Так, известный писатель и общественный деятель З. Арборе, вспоминая время юности, писал в 1908 году о том, что на произведениях великого русского критика [illegible] наше поколение.

Таким образом, революционно-демократические, эстетические взгляды Белинского являлись тем компасом, который указывал путь борьбы за прогресс — коренные изменения во всех сферах общественной жизни как русского, так и других народов Российской империи. Поэтому интернационалистические воззрения гениального мыслителя были близки и понятны всем тем, кто постоянно испытывал феодально-монархический гнет. В силу такой общности социально-экономических условий, в которых находились трудящиеся массы, идеи Белин[illegible] воспринимались передовыми деятелями освободительного движения не только в России. Его литературно-критические и эстетические воззрения получили широкое распространение и в других странах.

ЗА ПРЕДЕЛАМИ РОССИИ

В связи с тем, что статьи и рецензии В. Г. Белинского, как правило, печатались без подписи, его имя не сразу стало известно в других странах. Одними из первых [illegible] дов с творчеством великого рус[illegible] познакомились польские читатели. П. Дубровский во втором томе журнала «Библиотека варшавска» за 1841 год, говоря об «Отечественных записках», особо выделил статью Виссариона Григорьевича «Русская литература в 1840 году». «Смелая мысль, замечательное остроумие и суровость оценок,— писал П. Дубровский, — показывают в авторе человека, относящегося к мол[illegible] поколению, которое, полное таланта и жизни [illegible] игает новую зарницу — провозвестницу подлинн[illegible] изни в литературе[illegible]

Польский обозреватель русских журналов проявил также интерес к одному из важнейших теоретических трудов В. Г. Белинского «Разделение поэзии на роды и виды», опубликованному в мартовском номере «Отечественных записок» за 1841 год. П. Дубровски[illegible] [illegible] журнала «Библиотека варшавска» [illegible] [illegible] уживает упоминания статья г. Белинского о [illegible] нии поэзии на роды и виды», в ней «много прекрасных идей [illegible].

С 1842 года он стал издавать свой журнал на польском и русском языках «Ютшенка» («Денница»), в котором на первых порах тоже лестно отзывался о произведениях Виссариона Григорьевича, [illegible] рывок из его программной статьи «Русская литература в 1841 году». Однако вместо него в «Ютшенке» появился очерк С. П. Шевырева «Взгляд на современное на-

правление русской литературы», перепечатанный, хотя с опозданием, из январского номера «Москвитянина» за 1842 год. И это не случайно. В указанном «трактате» ученый муж характеризовал Белинского как невежественного «рыцаря без имени», который нагло «размашистым мечом» рубит «направо и налево», не считаясь «с патриархами русской литературы»

Почему же так скоро П. Дубровский сделал крутой поворот? Что заставило его переменить свою точку зрения? В некоторых польских и наших литературоведческих исследованиях на этот счет нет единого мнения. В весьма ценной монографии Е. З. Цыбенко «Из истории польско-русских литературных связей XIX—XX вв.» указывается: «Появились даже подозрения, что журнал (имеется в виду «Денница».— *П. М.*) находился под особой опекой царского правительства и финансировался им. Современный литературовед Мария Страшевская опровергает это: «Финансовые затруднения, которые имел он сам (Дубровский) и его журнал, говорят о том, что «Денница» не имела денежной поддержки правительственных кругов» (с. 57—58). Здесь же автор отмечает «несомненные заслуги этого печатного органа», который якобы «по достоинству оценил «Отечественные записки»... и обратил внимание польского читателя на литературно-критические статьи Белинского».

Слов нет, в первых выпусках своего издания П. Дубровский действительно писал об «Отечественных записках» и дважды упоминал о произведениях Белинского, не называя его фамилии. Но со второй половины 1842 года он занял совершенно противоположную позицию и стал ярым пропагандистом крайне славянофильских и царистских идей, проповедником триединой формулы «православие, самодержавие, народность». На страницах журнала популяризировались «Маяк», «Сын отечества» и особенно «Москвитянин». Дело в том, что «Денница» («Ютшенка») находилась под эгидой министра народного просвещения С. С. Уварова. 17 марта 1843 года П. Дубровский в письме к В. Ганке сообщал: журнал «еще держится... Но — Боже Царя Храни и Сергея Семеновича!.. В нем не охладела славянская кровь...» А в следующей корреспонденции на имя В. Ганке от 31 марта 1844 года П. Дубровский констатировал: «С прискорбием я должен уведомить вас, что бедная «Денница» упала еще в прошлом году, остановясь на вось

…й книжке… Я этому не виноват… Совершенное равнодушие нашей публики убило «Денницу»: Польша подписывалась на 17 экземпляров, а Россия — на 12!!! «Денница» существовала только при покровительстве некоторых лиц; но теперь иссяк и этот источник».

Таким образом, реакционная позиция, занятая П. Дубровским, не нашла поддержки у прогрессивной части польской общественности. В своем исследовании Е. З. Цыбенко приводит отзыв о «Деннице» известного польского революционера и демократа Э. Дембовского, который критиковал этот журнал «за отсутствие четкой идейной программы и наличие элементов панславизма». Вместе с тем в монографии говорится о философских и литературных концепциях Эдварда, о том, что «авторы советских и польских работ о Дембовском указывают на поразительное сходство многих его положений с мыслями Белинского». И далее сообщается: «Правда, речь идет не о влиянии. Из известных нам материалов следует, что оба мыслителя не знали работ друг друга» (с. 59)

Такое заключение, на наш взгляд, нельзя считать окончательным. По всей вероятности, у историков и литературоведов недостает пока документальных фактов, чтобы высказать иную точку зрения

Во-первых, «Отечественные записки» в Польше получал не один П. Дубровский. Следовательно, Эдвард Дембовский мог знать о них из других источников. Кстати, сама же Е. З. Цыбенко свидетельствует, что в начале 1843 года об этом русском издании писалось в журнале «Рок» («Год»), который выходил в Познани

Во-вторых, основные идеи, касавшиеся народности литературы, ее служения обществу, связи искусства с жизнью, вопросов национального самосознания и призвания писателя, были в значительной мере разработаны Белинским как раз в тех статьях и рецензиях, которые реферировались на страницах «Библиотеки варшавской» и первых выпусков «Денницы». Поэтому вполне естественно, что два [illegible] Дембовский вспомнил о ней в 1845 году, когда закончил работу над своими «Очерками по истории польской литературы». Именно в них так явственно просматривается указанная выше система взглядов великого русского критика

Под воздействием идей В. Г. Белинского складывались эстетические взгляды А. Марцинковского, ведущего

[illegible] В [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]едение должно выражать интере[illegible] [illegible]

[illegible]ьно обращал внимание на наследие [illegible]тика издатель журнала «Памент[illegible] [illegible]ки» Р. Подбереский. В 1849 году [illegible] [illegible]ионного [illegible] под запретом, он в форме письма А[illegible]берту Грифу (А. Марциньковскому) поместил пере[illegible] [illegible] частично свободное переложение первой части статьи Белин[illegible] «Взгляд на русскую литературу 1847 [illegible] [illegible]ившей итог его борьбы за материа[illegible] [illegible] реализм, дальнейший расцвет [illegible]

[illegible] «Паментник науково-литерацки» переводил и перерабатывал также другие произведения [illegible]. Например, в том же 1849 году, [illegible] за упоминание имени Виссарио[illegible] [illegible] наказывались, Р. Под[illegible] [illegible] статью о творчестве Гоголя, а в [illegible] 1850 год на страницах журнала бы[illegible] [illegible] Белинского о сочинениях А. Мар[illegible]

[illegible] революционного демократа [illegible]листа Адольф из-под Бельска. В[illegible] [illegible]х ясно чувствуется влияние взгля[illegible] [illegible] Прогрессивный польский [illegible] ступал против приверженце[illegible] романти[illegible] [illegible]ющих жизнь [illegible] [illegible]рые уход[illegible] [illegible]блем, стоящи[illegible] [illegible]

Современный польский уч[illegible], доктор М. [illegible] [illegible]казывает, что благодаря зна[illegible]ству «с [illegible] Бе[illegible]линского Адольф из-под Бель[illegible] [illegible] реализм не уступал ве[illegible]ущим крит[illegible] времени — ни отечественным, н[illegible] [illegible]рубежны[illegible]

Друг[illegible] исследователь [illegible] В [illegible]ении целей и задач, стоящих перед польским [illegible] второй половине прошлого ве[illegible] прогресси[illegible]ного лагеря, несомненно, [illegible] практика таких реалистов, как [illegible], Жорж Санд

Диккенс, Гоголь, особенно же р[illegible] русского критика В. Белинского [illegible]

О действенной силе идей р[illegible] демократа можно судить и по тем [illegible], которые распространяли консерваторы. Так, [illegible] 1844 году редакция журнала «Пшегленд познаньски» с тревогой писала о «новых веяниях», носителями которых были Белинский и Гоголь — эти якобы «разрушители» русской литературы.

Во второй половине XIX века, как свидетельствует Е. З. Цыбенко, прогрессивно настроенная польская молодежь с увлечением читала творения русских революционных демократов. Столкнувшись с новыми идеями, она искала ответы на волновавшие ее вопросы. «В этих условиях,— писал на своих страницах журнал «Пшегленд Тыгодневы», — не было ничего удивительного, что тот или иной ученик VII класса обращался к произведениям Белинского».

В 1872 году имя Виссариона Григорьевича появилось в «Общей энциклопедии». Во втором томе автор в довольно большой заметке давал весьма положительную оценку творчеству Белинского, указывая, что его произведения и эстетическая программа оказали решающее влияние на всю современную русскую литературу. Наряду с этим подчеркивалась смелость мысли Белинского и независимость его суждении.

С тех пор имя Виссариона Григорьевича стало упоминаться во всех энциклопедических изданиях, выходивших в Польше

Распространение взглядов Белинского среди передовой польской общественности, и особенно в учебных заведениях, оказывало соответствующее влияние на молодых писателей, публицистов, которые группировались вокруг журнала «Пшегленд Тыгодневы». Среди них находился Бронислав Бялоблоцкий. Его [illegible] была непродолжительной. Родился он в 1861, а умер в 1888 году. Но своим творчеством известный польский критик и мыслитель оказал большое воздействие на формирование реалистической польской литературы.

Почти все статьи Б. Бялоблоцкого свидетельствуют о том, что он хорошо знал работы Белинского, творчески осмысливал основные положения его эстетической программы, неоднократно в подтверждение своих суждений ссылался на сочинения Виссариона Григорьеви-

ча или цитировал их. Как и Белинский, прогрессивный польский критик считал, что литература должна поднимать большие общественные вопросы, что «писатель обязан быть прежде всего гражданином своего общества, стремиться быть полезным ему». В связи с этим Б. Бялоблоцкий видел главную задачу литературы в отражении жизни народа, которую «надо воспроизводить,— писал он, — как можно более верно и как можно более объективно». Примером, по его мнению, может служить русская литература, которая под воздействием «передовых критических идей» «стремится познать и объяснить все страдания и печали народа, хочет быть посвященной в его стремления и надежды»[2].

Почти одновременно с Польшей имя В. Г. Белинского получило известность в Германии. Здесь с июня 1841 года стал издаваться журнал на немецком языке «Архив ученых сведений о России» под редакцией профессора Берлинского университета А. Эрмана. В первом номере была напечатана статья Варнгагена фон Энзе «Новейшая русская литература». Автор указывал, что она составлена «по понятиям, какие дают «Отечественные записки». Свободно владея русским языком, он внимательно читал этот журнал и имел его под руками.

А. А. Краевский в письме к М. Н. Каткову в Берлин 11 марта 1841 года сообщал: «Отечественные записки» к вам и Варнгагену» за январь, февраль, март отправил, а «весною, летом и осенью вы будете получать книжки аккуратно каждый месяц».

Немецкий критик использовал для своего труда статьи и рецензии Виссариона Григорьевича, опубликованные в январском — апрельском номерах «Отечественных записок», и в первую очередь такие, как «Русская литература в 1840 году», «Стихотворения Лермонтова», «Разделение поэзии на роды и виды», «Собрание стихотворений Ивана Козлова», «Деяния Петра Великого». Варнгаген фон Энзе высоко оценивал роль Белинского в развитии «высокой, ученой и прозорливой критики».

На страницах «Архива» неоднократно помещал статьи о русской литературе, основанные на произведениях Виссариона Григорьевича, немецкий переводчик и критик Ф. Леве, учившийся сначала в Лейпцигском, потом Берлинском университетах, а позже долгое время проживавший в Петербурге. В 1842 году он писал об острой полемике, которую вел Белинский с рептильными

журналами и славянофилами по поводу выхода в свет «Мертвых душ», разделял мнения «Отечественных записок» и знакомил немецких читателей с важнейшими положениями, высказанными Виссарионом Григорьевичем о творчестве Н. В. Гоголя. В 1843 году поведал о необычном даровании А. В. Кольцова. Опираясь на статью-некролог, принадлежавшую перу Белинского, Ф. Леве говорил, что поэт-прасол «обладал талантом сильным, глубоким и энергическим», коснулся «высших сфер жизни и мысли». Его произведения «останутся навсегда одним из любопытнейших явлений русской литературы»

Активно пропагандировал Ф. Леве наследие Белинского и писателей «натуральной школы» в последующие годы. Он ставил перед собой цель, пишет Г. Цигенгейст, «сделать лучшие произведения русской литературы доступными... общественности Германии... Леве верил, что обмен национальными культурными ценностями приблизит то заветное время, когда земля станет не полем сражений, а общей святыней наций» .

Далее современный немецкий ученый в своем исследовании указывает, что взгляд Леве на русскую литературу, ее национально-историческое значение выработался в значительной степени под влиянием статей Белинского. Его критика помогла Фердинанду распознавать ведущие тенденции русского литературного развития и ориентироваться на те направления и на тех писателей, которые олицетворяли будущее русской культуры.

Примечательным событием в жизни немецкой журналистики явилась публикация на страницах лейпцигской «Газеты для элегантного мира» от 7 августа 1844 года статьи «Эжен Сю в России» — почти дословного перевода широко известной рецензии Белинского на роман французского писателя «Парижские тайны». В ней критик вынес суровый приговор буржуазии Запада, которая, захватив власть, установила «драконовские законы» в виде «конституционной мишуры», основанной на «мнимой демократии».

«Пролетарий, — указывал Белинский, — перед законом равен с самым богатым собственником и капиталистом... но беда в том, что от этого равенства пролетарию ничуть не легче. Вечный работник собственника и капиталиста, пролетарий весь в его руках, весь его раб, ибо тот дает ему работу и произвольно назначает

за нее плату...» «Хорошо равенство!» — саркастически восклицал Виссарион Григорьевич

Собственник, — утверждал Белинский, — как всякий выскочка, смотрит на работника в блузе и деревянных башмаках, как плантатор на негра. Правда, он не может его насильно заставить на себя работать; но он может не дать ему работы и заставить его умереть с голоду.

И далее критик писал: «...искры добра еще не погасли во Франции — они только под пеплом и ждут благоприятного ветра, который превратил бы их в яркое и чистое пламя. Народ — дитя, но это дитя растет и обещает сделаться мужем, полным силы и разума. Горе научило его уму-разуму и показало ему конституционную мишуру в ее истинном виде. Он уже не верит [illegible] и фабричным законам и не станет больше проливать своей крови за слова, которых значение для него темно, и за людей, которые любят его только тогда, когда им нужно загрести жар чужими руками, чтобы воспользоваться некупленным теплом..

Русский революционный демократ говорил о том, что в народе уже растет самосознание, быстро развивается образование и «он один хранит в себе огонь национальной жизни и свежий энтузиазм убеждения», «имеет своих поэтов, которые указывают ему его будущее, деля его страдания и не отдаляясь от него ни одеждами, ни образом жизни». Поэтому «стоны народа, передаваемые [illegible] голосом во всеуслышание будят общественное мнение и потому тревожат спекулянтов власти» (VIII, 171—173).

Переводчиком этой статьи был немецкий литератор и публицист Карл Роберт Липперт, который сотрудничал с «Отечественными записками» и неоднократно бывал в Петербурге. В письме к В. П. Боткину от 28 июня 1841 года Белинский сообщал: «Познакомился с Липпертом — вызывается учить меня по-немецки» (XII, 56). В обзоре «Русская литература в 1842 году» критик писал: «По части наук и искусств публикою, вероятно, были замечены статьи: «Гёте» г. Липперта, «Коперник» Л. М. Перевлесова, «Система железных дорог в Германии» Фридриха Листа... (VI, 540), напечатанные в «Отечественных записках».

Липперт сопроводил статью обстоятельной характеристикой русского журнала и особо отметил отдел кри-

тики, который отличался «в высшей степени своеобразием и остроумием». Автор введения говорил о том, что Белинский в своих рецензиях обнаруживает «меткость и оригинальность, какую только высказывала русс[illegible] критика» о литературе

Наряду с этим он повторял враждебные и клеветнические толки о Виссарионе Григор[illegible], [illegible] пространялись в реакционных лите[illegible] листских кругах Москвы и Петербурга. Вслед за Бу[illegible] риным, Погодиным, Шевыревым, [illegible] вещал, что Белинскому «недостает основательного образования», что он является чуть ли «не самоучкой[illegible]

Но главное заключалось не в этом. Читатели и бе[illegible] аттестации Липперта могли судить о дарованиях великого русского критика. Любопытно друго[illegible] из его крупных и важных статей публиков[illegible] граничной прессе с доцензурного оригина[illegible] идейному звучанию был значительно выше, чем [illegible] чатанный в «Отечественных записках». По мнению и[illegible] следователя данного вопроса А. Н. Дубовикова, Липперт мог получить для перевода рукопись, а возм[illegible] первый корректурный оттиск от Краевского или самого Белинского [4]

26 августа 1844 год[illegible] выдержки из перевода Липперта были опубликованы в аугсбургской «Всеобщей газете» с указанием, что автором данной статьи является русский критик Белинский.

Возможно, что с переводом его статьи о романе «Парижские тайны», напечатанном в «Газете для элегантного мира», и выдержками из него, появившимися во «Всеобщей газете», были знакомы К. Маркс и Ф. Энгельс. В литературе о Белинском, как свидетельствует А. Н. Дубовиков, давно уже отмечено явное сходство между оценкой романа Эжена Сю Белинским и критическим анализом этого произведения в работе Маркса и Энгельса «Святое семейство».

Большая заслуга в распространении наследия Виссариона Григорьевича на Западе принадлежит серболужичанину по национальности Я.-П. Йордану. Образование он получил в Пражской семинарии, где преподавал известный ученый В. В. Ганка. Под его руководством Ян-Петр Йордан овладел чешским, польским и русским языками. В самом начале 40-х годов он познакомился с будущими знаменитыми русскими славис-

гами И. И. Срезневским и П. И. Прейсом, которые, как отметил академик М. П. Алексеев, оказали на выпускника Пражской семинарии значительное влияние. Они были в то время близки к «Отечественным записками», встречались с Белинским и знали, какую роль он играет в этом журнале

В 1843 году Иордан, заняв место лектора славянских языков и литератур в Лейпцигском университете, начал читать свой курс с истории русской словесности, в основе которого лежали первая и вторая статьи Белинского «Сочинения Александра Пушкина», опубликованные в июньском и сентябрьском номерах «Отечественных записок». Дословный их перевод в несколько сокращенном виде под названием «Краткий очерк истории русской литературы» он поместил в созданном им журнале «Летописи славянской литературы, искусства и науки», выходившем в Лейпциге на немецком языке.

Возможно, что творчество Белинского оказало какое-то воздействие на идейную направленность «Летописей». С первых же выпусков они заняли отрицательную позицию по отношению к русскому самодержавию и политической доктрине правого крыла славянофилов. На страницах журнала Иордан резко отзывался о «Москвитянине», «Маяке» и всегда высоко ценил «Отечественные записки», говорил, что они «обнимают всю область человеческого знания», выделяются «выдающейся своей постоянной острой критикой».

В третьем номере «Летописей» за 1843 год привлекает внимание обзор «Русская литература в 1842 году», который представлял собой пересказ одноименной статьи Виссариона Григорьевича в «Отечественных записках». Автор обзора подчеркивал: «Русская общественная жизнь сосредоточивается вплоть до настоящего времени в ее литературе, поэтому журналистика обладает здесь могуществом, значение которого признается всеми. Критика имеет важнейшее значение для столь быстро развивающейся литературы».

В одиннадцатом выпуске «Летописей» за 1845 год была напечатана статья «Партии в русских журналах». В ней отчетливо прочерчивалась та грань, которая делила периодические издания России на «консервативные» и «прогрессивные». К первым автор относил реакционно-славянофильский «Москвитянин», мракобесный «Маяк» и говорил, что задачи «партии рационального дви-

жения» наиболее ясно отражают «Отечественные записки» с их боевым критическим отделом. Иордан со всей откровенностью писал о своем горячем восприятии того направления, которого придерживался этот журнал. В заключение он свидетельствовал: «Пусть данная статья явится как бы исповеданием моей веры и укажет на те идеи, с помощью которых я буду высказывать свое мнение о русской литературе и о тех, кто ее создает».

Острый интерес Иордана к творчеству Белинского, как указывает академик М. П. Алексеев, не ослабевал и в дальнейшем. В 1846 году он в полном виде издал первые четыре статьи великого критика о сочинениях А. С. Пушкина под названием «История русской литературы». Если в журнальном варианте в подзаголовке сообщалось, что публикуемые материалы составлены по «Отечественным запискам», то в книге переводчик дал иное пояснение: «...по русским источникам обработал д-р Я.-П. Иордан». Он разбил книгу на главы и дал каждой из них название: 1. Происхождение и характер русской литературы; 2. Ломоносов и его школа; 3. Державин и его современники; 4. Карамзин и его эпоха; 5. Отношение Карамзина к языку и содержанию литературных произведений; 6. Жуковский и Батюшков времени Карамзина; 7. О романтизме вообще; 8. Действие романтизма в России. Жуковский; 9. Батюшков; 10. Гнедич; 11. Мерзляков; 12. Кн. Вяземский; 13. Пушкин». Книга несколько раз переиздавалась и оказывала все большее влияние на читателей, способствовала дальнейшему распространению идей Белинского за рубежом.

В 40—50-х годах прошлого века его творчество стало известно и другим деятелям славянских народов. Одним из первых с литературно-критическими статьями Виссариона Григорьевича мог познакомиться видный представитель чешского национального Возрождения, профессор Пражского университета и библиотекарь народного музея В. В. Ганка, о котором уже упоминалось выше. Он направлял свои усилия на развитие братских взаимоотношений с Россией. Особенно его интересовали новые течения и направления в литературе. Ему были известны почти все выходившие в Москве и Петербурге периодические издания. В конце 1843 года И. И. Срезневский писал В. В. Ганке: «Ход законодательства нашего следите в «Журнале Министерства народного про-

свещения» и в «Отечественных записках». В послании от 7 мая 1850 года И. И. Срезневский опять уведомлял своего пражского друга: «Многие у нас жалуются на бедность литературы... Если хотите узнать более, заглянете в «Современник» или «Отечественные записки», где библиография русская полнее, чем в других журналах».

Как в этих, так и в других письмах И. И. Срезневский постоянно говорил о тех изданиях, в которых участвовал Белинский и которые получал В. В. Ганка. Больше того, он наверняка знал об «Очерках гоголевского периода русской литературы», где давалась самая восторженная оценка творчеству Виссариона Григорьевича и где он назван «гениальным критиком» и «одним из замечательных наших ученых». Чешский общественный деятель был очень высокого мнения об авторе «Очерков». В письме от 30 октября 1859 года к В. И. Ламанскому В. В. Ганка душевно благодарил своих русских друзей «гг. Костомарова, Чернышевского» за их труды и благожелательное отношение к нему.

В Прагу из России направлялись не только журналы и газеты. 10 июля 1856 года магистр Московского университета А. Ф. Гильфердинг в письме к В. В. Ганке указывал, что на его имя направлен ящик с книгами. Среди них находились «Стихотворения А. В. Кольцова с портретом автора, его факсимиле и статьей о его жизни и сочинениях, писанною В. Г. Белинским».

Определенные сведения о творчестве русского критика чешский ученый мог получить от И. В. Сабурова, статьи которого печатались в «Отечественных записках» и положительно оценивались Белинским. 13 марта 1845 года Г. Колокольцев сообщал В. В. Ганке: «Милостивый Государь Вячеслав Вячеславович! Позвольте вверить Вашему гостеприимству почтенного моего друга Ивана Васильевича Сабурова... Он известен у нас как опытный сельский хозяин, и его статьи и брошюры... всегда при появлении своем производили сильное впечатление; но чтобы предварительно короче познакомить Вас с Иваном Васильевичем, скажу, что он разделял труды наших войск при низвержении Наполеона, а по окончании войны жил гражданином и семьянином в своей отчине, откуда, впрочем, был вызван избранием Пензенского дворянства в советные судьи губернии. Вы любите нашу Россию, он изучил ее быт, историю и по-

становления, и потому смею надеяться, что знакомство с г-ном Сабуровым будет приятно и для Вас».

Спустя чуть больше месяца Г. Колокольцев уведомлял В. В. Ганку: «Я имел удовольствие получить драгоценнейшее письмо Ваше от 7 апреля... Много благодарю за радушный прием, который нашел у Вас мой земляк Иван Васильевич Сабуров; впрочем, все мы, русские, побывавшие в Праге, расставшись с Вами, думаем, что расстались с родным...» [6].

Собранные В. В. Ганкой издания о русской литературе, в том числе статьи Белинского, опубликованные в «Отечественных записках» и «Современнике», являлись важным исходным материалом для изучения истории, культуры, общественной мысли России. К чешскому ученому обращались за помощью Я.-П. Иордан, В. Караджич, П. Шафарик и другие слависты.

Хорошо знал о творчестве В. Г. Белинского один из выдающихся представителей чешского радикального движения, известный революционный поэт и драматург Иозеф Фрич. В его библиотеке имелись «Стихотворения А. В. Кольцова» со статьею великого русского критика, альманахи «Полярная звезда», изданные А. И. Герценом, в которых не раз писалось о Виссарионе Григорьевиче и было опубликовано его письмо к Гоголю.

Будучи в 1877—1878 годах в Петербурге, И. Фрич, как корреспондент чешской газеты «Политик», близко познакомился с А. Н. Пыпиным и вскоре пополнил свое собрание книг двухтомной монографией «Белинский, его жизнь и переписка», подаренной Александром Николаевичем. Под влиянием, видимо, прочитанного исследования И. Фрич высоко отзывался о деятельности Виссариона Григорьевича, говорил, что «с помощью его нашел свою дорогу Некрасов», чья муза после Пушкина и Лермонтова заняла ведущее место в русской литературе.

Разделял взгляды великого критика видный чешский поэт и прозаик Ян Неруда. В 1889 году в статье о Ф. М. Достоевском он, по достоинству оценивая успехи русской литературы, ссылался на Белинского, на его отзывы о «Бедных людях» и других произведениях Федора Михайловича.

Пропагандировал творчество Виссариона Григорьевича в 90-х годах Ладислав Квис. В периодических чешских изданиях он писал о Кольцове, его стихотворениях,

полностью опираясь на статьи и рецензии гениального русского мыслителя и критика

Высоко ценили наследие Белинского болгарские общественные деятели и писатели, многие из которых получили основательные сведения о его творчестве во время пребывания в России. Так, один из первых болгарских критиков Н. Бончев учился на историко-филологическом факультете Московского университета в то время, когда появились «Очерки гоголевского периода русской литературы», вышло первое издание сочинений Белинского, когда на страницах газет и журналов часто писалось о нем.

Одаренный юноша с увлечением читал произведения гениального мыслителя и являлся его страстным поклонником. Все это, по определению известного болгарского ученого, профессора В. Велчева, оказало серьезное влияние на убеждения Н. Бончева. В своих статьях он боролся за утверждение реализма в болгарской литературе, считал, что она должна служить интересам народа, воодушевлять его на борьбу за национальную независимость и полное освобождение от турецкого ига [7].

Болгарский критик, следуя за Белинским, резко осуждал писателей, «витающих в облаках», плодивших безыдейные, чуждые народу повести и романы. Он призывал публицистов, всех тех, кому дорога нарождавшаяся национальная литература, давать беспристрастную оценку каждому произведению. Перефразируя несколько мысли Белинского, Н. Бончев писал: «Литературное поле — это не бальная зала, где можно ласкать и говорить комплименты. На литературном поле нет места деликатным чувствам. На этом поле кто не с нами, тот против нас»

Подобную же точку зрения разделял выдающийся болгарский писатель, политический общественный деятель Л. Каравелов. Он утверждал: «По нашему мнению, всякая критика должна быть единой, строгой, многотребовательной, серьезной и объективной...»

Л. Каравелов в качестве вольнослушателя почти одновременно с Н. Бончевым посещал Московский университет. Около десяти лет, с 1858 по 1867 год, он жил в России и постоянно изучал русскую литературу. Особенно его привлекали произведения Пушкина, Гоголя, труды революционных демократов, в том числе Белинского, сочинения которого Л. Каравелов знал отлично.

Некоторые литературоведы и историки выражают мнение, что, будучи в Москве, он близко сошелся со многими славянофилами и не был чужд их увлечения. Однако В. Велчев, анализируя его творчество, общественно-политические и эстетические взгляды, свидетельствует другое. В цитированной выше работе он указывает: «...какие бы влияния русской литературы ни испытал Каравелов, доминирующим было для него влияние революционеров-демократов».

В своем исследовании В. Велчев приводит такой факт. Полемизируя со сторонниками редакции газеты «Турция», стоявшей на оппортунистических началах в решении болгарского национального вопроса и под видом сближения с русским народом всячески опошлявшей его передовую культуру, его славные традиции, Л. Каравелов писал: «Но есть ли у этих предателей национальных интересов своего народа право, чтобы произносить слово Россия? Знают ли они имена Шевченко, Гоголя, Герцена, Белинского, Чернышевского? Знают ли они их дела и идеи?» [9]. Эти строки весьма ярко характеризуют отношение автора к русским идеологам антикрепостнической борьбы, которую они неустанно вели на страницах своих журналов.

Известнейший болгарский писатель постоянно восхищался деятельностью русских революционных демократов, их философскими и литературно-критическими идеями, ставил их в один ряд с величайшими гениями человечества. В своей повести «Виновата ли судьба?» он сравнивал Белинского и Чернышевского с Шекспиром и Ньютоном, писал по этому поводу: «Они нам дороги, как выдающиеся полководцы и генералы, зовущие на бой с врагом. И во все это я так пламенно верю, что никто не сможет разубедить меня в противном».

Подобно Белинскому и Чернышевскому, Любен со всей страстностью направлял болгарскую литературу к реалистическому пути, требовал от художников слова правдивого изображения окружающей действительности. В февральском номере журнала «Свобода» за 1871 год он писал: «Как от истории мы требуем, чтобы она осветила нам истину и показала человеческую жизнь во всем ее величии и недостатках, со всеми ее заблуждениями и добродетелями, так и от изящной словесности нам необходимо требовать, чтобы она открыла или описала нам человека таковым, каков он есть, не пре-

у[illegible]вая и не преуменьшая его пороков и добропо-
[illegible]

Близко был связан с передовыми кругами русской литературы основоположник новой, реалистической болгарской поэзии Петко Славейков. Он, как свидетельствует В. Велчев, «часто гостил у своих российских собратьев по перу», в 1855 году издал в Петербурге сборник болгарских песен. Много внимания поэт уделял переводам на свой родной язык произведений Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Кольцова и других русских классиков

Наряду с поэзией Петко Славейков пристально следил за журналистикой и ее критикой. Уже в конце 40-х — начале 50-х годов он познакомился со многими статьями Белинского, которые оказали на него большое влияние. Под впечатлением прочитанного поэт преодолел романтические условности и отвлеченности, встал на путь реалистического отражения общественных явлений.

Петко Славейков первый у себя на родине рассказал в печати о великом русском критике. 29 июня 1860 года в газете «Болгария» была опубликована его статья «Мудрые мысли». В ней автор, говоря о народности литературы, приводил в подтверждение высказывания Белинского

Несколько позже, в письме Цв. Недеву, проживавшему в Габрово, Петко Славейков просил своего друга выслать оставшуюся у Игнатова одну русскую книгу — Белинского. По всей вероятности, здесь шла речь о последней, двенадцатой, части собраний сочинений революционного демократа, которая увидела свет в 1862 году. В то время Петко задумал написать статью о современной литературе и ему нужны были для работы труды Виссариона Григорьевича.

Но видимо, такой материал Петко Славейков не подготовил, ибо много внимания уделял организации, а потом изданию газеты «Македония». Лишь в 1870 году в журнале «Читалище» появилась его публикация «Что такое роман». Она целиком и полностью была основана на эстетических принципах Белинского. В ней автор указывал, что «деловой характер русской критики в оценке литературных явлений может служить прекрасным примером и для наших писателей».

Вместе с Петко Славейковым широко пропагандировал наследие великого русского критика редактор жур-

нала «Общий труд» Т. Икономов. В первом номере этого издания за 1868 год он поместил на [illegible] страницах фрагменты из статьи Виссариона Григорьевича «О детских книгах». Спустя три года Т. Икономов напечатал собственное исследование «Природа поэзии и наши потребности», «всецело, — как установил Г. Димов, — основанное на положениях, развитых родоначальником русской реалистической критики»[10].

«Поэзия, — писал Т. Икономов, — должна быть верна и природе и жизни и никогда не должна от них отступать, если хочет иметь какую-то ценность. Она должна черпать образы и факты из реальной действительности, а не из жизни воображаемой и лживой».

В последующих публикациях он твердо следовал за гениальным русским мыслителем. Популяризируя его философско-эстетические взгляды, Т. Икономов говорил о бессмертных трудах великого русского учителя, о их немеркнущей славе в области художественного творчества.

Важную роль произведения русских революционных демократов сыграли в идейной закалке многих других южно-славянских писателей и общественных деятелей. Например, часто литературоведы и историки, рассматривая истоки формирования мировоззрения известнейшего поэта, публициста и вождя болгарского национально-освободительного движения Христо Ботева, ссылаются на воспоминания его одесского соученика Г. С[illegible]лова. Георгий указывал, что они с Христо в 1865—1866 годах жили в одной комнате и «Ботев запоем зачитывался в то время русской литературой, и с увлечением декламировал наизусть многие стихотворения Пушкина и Лермонтова, «вставал и ложился с Белинским, Добролюбовым, Чернышевским...»

Однако последние данные свидетельствуют о том, что Хр. Ботев и его сподвижник, выдающийся писатель-реалист Иван Вазов хорошо изучили русский язык и познакомились с передовой русской литературой еще в Калоферском училище. Преподавал здесь отец Христо — Ботьо Петков, который получил образование в России. Отсюда, видимо, он захватил с собой многие книги и номера лучших журналов. Г. Димов в цитированном исследовании сообщает: «Когда в это учебное заведение поступил Ив. Вазов, то он нашел в местной библиотеке наряду с сочинениями Пушкина,

Лермонтова множество тем в «Отечественных записок», в которых печатались знаменитые статьи Белинского».

В 80-х годах, подчеркивает Г. Димов, активным борцом за наследие русских революционных демократов выступил талантливый литературный критик З. Стоянов. Судьбы Белинского и Гоголя, писал он, подтверждают, что всякая прогрессивная идея рождается в долгой и упорной борьбе. Гоголь и Белинский обрели славу великих писателей лишь в результате жестокого поединка с «полицейскими писателями, которые проливали слезы над старым нравственным кодексом, которые ахали и охали в роскошных дворянских салонах и создавали героев не на русской почве, а на седьмом небе, как плод бездарной фантазии». И далее болгарский демократ с гневом писал: «Так, целая свора посредственностей накинулась на выдвинутые великим критиком эстетические принципы, пытаясь опровергнуть правдивое слово неподкупного художника».

Опираясь на теоретические положения Белинского, З. Стоянов разоблачил псевдопатриотов, тех писателей которые стремились уйти от насущных задач болгарского Возрождения. Он с глубоким убеждением и гордостью восклицал: «Да здравствует острая критика, долой фальшивые похвалы и лесть, которые нужны лишь литературным ремесленникам и жалким бездарностям».

Немалое влияние творчество Виссариона Григорьевича оказало на поэта и общественного деятеля Пенчо Славейкова. В архиве его софийского дома-музея хранятся рукописи и другие документальные источники, которые свидетельствуют о том, что он часто обращался к произведениям великого русского критика. Как пишет болгарский литературовед И. Захариева, в работах Пенчо Славейкова «Народность в поэзии», «Отражение личности поэта в его произведениях», «Историческая точка зрения на поэта» и других мы находим многие библиографические ссылки на сочинения Белинского. Пенчо Славейков называл его «одним из первостепенных европейских критиков».

Существенную роль в пропаганде наследия Виссариона Григорьевича играли также исследования и популярные издания, в которых освещался жизненный и творческий путь великого критика. В конце 70-х годов во многие болгарские библиотеки поступила двухтомная биография Белинского, написанная А. Н. Пыпиным. А

в 1895 и 1897 годах дважды на болгарском языке издавалась работа М. А. Протопопова «В. Г. Белинский. Жизнь и его литературная деятельность. С знаменитым письмом В. Г. Белинского к Н. В. Гоголю».

В 1896 году, раньше, чем в России, произведения гениального русского мыслителя вошли в болгарскую учебную литературу. Так, в «Хрестоматию» для пятого класса ее составитель Ив. Пеев-Плачков включил отдельные высказывания Белинского, напечатанные под рубрикой «Различия между реалистической и идеалистической поэзией».

Приведенные примеры говорят о том, что развитие болгарской литературы и передовой общественной мысли было тесно связано с русским революционно-демократическим движением. Именно на это указывал в 1945 году Георгий Димитров. В статье «Куда идет Болгария» он писал: «Два исторических факта глубоко связали болгарский народ и великий русский народ. Первое — свое освобождение Болгария получила из рук русского народа. Второе — болгарский и русский народы связаны общей судьбой славянских народов в борьбе против тевтонских устремлений к поглощению славян. Кровное славянское родство, общность языка, общность письменности и культуры, общность интересов в борьбе против немецкой опасности создали, таким образом, основы нерушимой дружбы между русскими и болгарами».

И одним из основоположников упрочения уз этой дружбы являлся страстный человеколюбец Белинский. Его идеи болгарские мыслители, общественные деятели распространяли не только у себя, но также в соседних Хорватии и Сербии, которые страдали от иноземного гнета.

Во многих сербских публикациях того времени, указывает югославский литературовед Мила Стоинич, чувствуется обстоятельное знакомство их авторов с журналом «Современник», и особенно с положениями Белинского, Добролюбова, Писарева. Это, например, ощущается уже в структуре статьи Якова Игнатовича «Взгляд на литературу», написанной в 1857 году. Как и Белинский, он прослеживал процесс развития своей национальной художественной словесности, указывал ей путь к реализму[11].

Под влиянием идей В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева форми-

ровались литературно-эстетические взгляды видного сербского революционера, публициста и критика Светозара Марковича. Будучи в 1866—1869 годах студентом Петербургского института [illegible] путей сообщения, он поддерживал связи с передовыми деятелями русского освободительного движения, внимательно читал журнал «Современник», следил за той полемикой, которая обострилась [illegible] вокруг наследия Виссариона Григорьевича.

Все это не могло не сказаться на творчестве С. Марковича. В своих статьях «Реализм в поэзии», «Поэзия и мышление» и других он выступал против реакционной теории «искусство для искусства», отстаивал в борьбе с [illegible] основные эстетические положения русских революционных демократов.

Велика была заслуга в распространении наследия Белинского за рубежом А. И. Герцена. В 1852 году он опубликовал свою известную работу «О развитии революционных идей в России» сначала в немецком журнале, [illegible] А. Колачеком, а затем отдельной брошюрой на французском языке, выпущенной в Ницце, и несколько позже — на английском языке. С этим произведением познакомились многие писатели, ученые, журналисты ряда европейских стран. В своем труде Герцен высоко оценил общественно-публицистическую деятельность критика. Разоблачая высказывания либералов и открытых монархистов о его «неучености», автор доказывал, что Белинский «обратился к науке с серьезными вопросами, вооруженный страстной диалектикой. Для него истины, выводы были не абстракциями, не игрой ума, а вопросами жизни и смерти; свободный от всякого постороннего влияния, он вступил в науку с тем большей искренностью; он ничего не старался спасти от огня анализа и отрицания и совершенно естественно восстал против половинчатых решений, робких выводов и трусливых уступок»[11].

Далее Герцен писал: «Белинский много сделал для пропаганды. На его статьях воспитывалась вся учащаяся молодежь. Он образовал эстетический вкус публики, он придал силу мысли... возбуждая иные вопросы и иные сомнения. Его недостаточно оценили; при его жизни было слишком много людей с раненым самолюбием, с задетым тщеславием: после его смерти правительство запретило писать о нем...»[12].

Большую настойчивость в популяризации наследия

Белинского проявил известный педагог и писател[illegible] А. А. Чумиков, близкий к кружку петрашевцев. В 1851 году, будучи в Берлине и Париже, он встретился с русскими революционно настроенными эмигрантами и [illegible] опубликовать [illegible] ку Белинского с Гоголем в немецких или французских изданиях.

Но это намерение осуществить не удалось [illegible] большой отрывок письма Белинского к Гоголю [illegible] ста появился в штутгартской газете [illegible] рой отрывок, характеризующий роль русского дух[illegible]ства, она напечатала 29 декабря

Чумиков послал переписку Белинского с Гоголем Герцену и просил его поместить материалы в каком-либо журнале или газете. Выполнить эту просьбу Герцену помогал видный французский историк Ж. [illegible] участии которого текст письма Белинского [illegible] переведен на французский [illegible].

Однако знаменитый до[illegible] [illegible]та. Только в 1855 году в первой же книге [illegible] везды» Герцен опубликовал переписку Белинского с Гоголем

В данном же томе были помещены отдельные главы из «Записок Искандера» — «Былое и думы». В этом выдающемся творении Герцен снова обращается к образу великого критика. «Я считаю Белинского, — [illegible] [illegible]твовал он, — одним из самых [illegible] [illegible]кого периода

Раскрывая значимость ег[illegible] обращал внимание читателей на [illegible] [illegible]лость и смелость в оценке происходивших [illegible]тий, умение обходить цензурные «отмели» в борьбе с литературной аристократией. «Статьи Белинского, — указывал Герцен,— судорожно ожидались молодежью в Москве и Петербурге, с 25 числа ка[illegible] месяца. Пять раз хаживали студенты в кофейные спрашивать, получены ли «Отечественные записки», тяжелый номер рвали из рук в руки — «Есть Белинского статья?» — «Есть» — и она поглощалась с лихорадочным сочувствием, со смехом, со спорами... и трех-четырех верований, уважений как не бывало».

В воспоминаниях Герцен рассказывал об обаятельной личности Белинского, его житейских делах и показал «мощную гладиаторскую натуру» бойца, который,

невзирая на опасность, стойко распространял свободолюбивые идеи. Он с необычайной дерзостью нападал на пишущую братию, «на этих статс-секретарей литературы, готовых всегда взять противника не мытьем — так катаньем, не антикритикой — так доносом. Белинский стегал их беспощадно, терзая мелкое самолюбие этих чопорных, ограниченных писателей... любителей образования, благотворительности и нежности; он отдавал на посмеяние их дорогие, задушевные мысли, их поэтические мечтания, цветущие под сединами, их наивность, прикрытую аннинской лентой. Как же они за это его и ненавидели!»

«Былое и думы» были переведены и изданы на французском и английском языках. Это позволило иностранным читателям еще ближе познакомиться с деятельностью Белинского

В качестве примера, указывает Ф. Я. Прийма, может служить статья «А. Герцен», написанная в 1866 году Шарлем Буве. В ней целая страница посвящена характеристике Виссариона Григорьевича, полностью заимствованной из двадцать пятой главы «Былое и думы».

Возможно, что на основе и под влиянием трудов Герцена появилась статья о Белинском в широко распространенном в Германии энциклопедическом словаре лейпцигской книгоиздательской фирмы Ф.-А. Брокгауза. В первом дополнительном томе к десятому изданию говорилось: «Белинский (Вис. Григ.), русский критик... получил образование в Московском университете... В 1834—1836 гг. он принял деятельное участие в московском «Телескопе», а с 1838 г., вместе со Станкевичем, Грановским и др., издавал собственный журнал под названием «Московский наблюдатель», который, однако, уже в следующем году из-за недостатка денежных средств должен был прекратить свое существование. В 1840 г. Б. переселился в Петербург, где взял на себя критический отдел во вновь основанных «Отечественных записках», которые под его руководством стали самым читаемым журналом в России. Несмотря на строгую цензуру, Б., действуя со столь же большой смелостью, как и искусством, способствовал распространению либеральных идей в своем отечестве; он избрал своим предметом сатирические произведения Гоголя и его школы, чтобы повести ожесточенную борьбу против социального зла... С 1847 г. Б. продолжал свою деятель-

ность в том же направлении в «Современнике», пока события 1848 г. не обратили внимани[illegible] тенденции учения, проповедуем[illegible] не побудили его принять более стро[illegible] печати. Еще в начале этого кризис[illegible], дальнейшее развитие которого привело его единомышленник[illegible] и изгнанию, Б. умер в Петербурге 26 мая (7 [illegible]) 1848 г. Жизненный путь этого гениальног[illegible] человека, который сочетал обширные знания и редкое мастерство стиля с пламенным стремлением к свободе и справедливости, представляет собой один из привлекательнейших [illegible]пизодов [illegible] истории русской литерат[illegible] сии он может быть описан только при условии полной свободы печати. Кроме многочисленных статей в на[illegible] иных журналах, Б. опубликовал еще жизнеописание поэта Кольцова и очерк литературной деятельности Н. Полевого (1846)[illegible].

С необывалой энергией популяризировал творчест[illegible] Виссариона Григорьевича И. С. Тургенев. Через него многие французские писатели, публицисты узнавали о гениальном русском критике, его значени[illegible] в истории развития передовой общественной мысли России.

Так, в одной из рецензий Луи Депре вспоминал о том, как он познакомился с Иваном Сергеевичем, о тех беседах, которые велись между ними. Эти беседы, рассказ[illegible]ал французский писат[illegible]ль, касали[illegible]тельно политических тем и, главным образом, русской литературы, формировавшейся непосредственно под воздействием Белинского и его последователей

Несколько позже узнал о Виссарионе Григорьевиче выдающийся французский писатель-реалист Анатоль Франс. В своей статье «Иван Тургенев» он указывал, что своими знаниями русской литературы обязан знако[illegible], славянину по происхождению, а также «Истории современной литературы России», выпущенной К. Ку[illegible]ером в 1875 году. В этом французском издании тв[illegible]честву Белинского была отведена целая глава — 18 страниц.

Анатоль Франс имел довольно основательное представление о значении творчества великого критика. На страницах «Le Temps» он писал: «В то время, когда русские романтические поэты, ушедшие с быстротой, какую придают жизни человеческие страсти, оставили после себя только печальную и возвышенную память, новое

поколение все еще восторженной, но внимательной и размышляющей молодежи, вырастая, формировало, по примеру Гоголя, школу, направление которой критик Белинский [illegible] следующим образом: «Искусство [illegible] верным отображением жизни». Мудрость нового поколения состояла в том, что мерою всех вещей был объявлен человек. Воображение молодежи не выходило за пределы действительности. Это воображение покоилось на истине, и последняя, приобретая новую силу, не становилась от этого менее изящной. Это была натуральная школа».

В результате общения с Тургеневым весьма высокое мнение о деятельности Виссариона Григорьевича сложилось у Ги де Мопассана. Видимо, Иван Сергеевич неоднократно рассказывал выдающемуся французскому писателю-реалисту о своих молодых годах, о той атмосфере, которая тогда царила в журнальных кругах. Все это нашло отражение в небольшой, но довольно обстоятельной статье, посвященной Тургеневу, которую Мопассан написал в 1880 году. В ней он указывал, что будущий великий русский романист, как и многие начинающие [illegible] в молодости вообразил себя поэтом. Но появившиеся в печати стихотворные произведения не принесли большого успеха.

В это время, свидетельствует Мопассан, Тургенев получил поддержку от знаменитого русского критика Белинского. Этот человек оказал решающее влияние на литературное движение своей страны, и авторитет его был более распространен и более могуществен, чем авторитет любого другого критика в любую из эпох в любом месте.

Обстоятельную и вместе с тем противоречивую характеристику творчеству выдающегося революционного демократа можно найти в работах Э.-М. де Вогюэ. В своей книге «Русский роман», увидевшей свет в 1886 году, он резко осуждал Виссариона Григорьевича за его «сближение с атеистическим и болезненным радикализмом», называл гениального мыслителя «русским Маратом». Наряду с этим автор исследования, [illegible] крылу французской [illegible] школы, не мог не признать громадных заслуг Белинского как перед русской, так и западно-европейской литературой.

Этот неутомимый труженик, — писал Вогюэ, —

оставил огромное наследство, постоянную энциклопедию русской литературы...

В России он один совершил труды, которые у нас приблизительно в это время поделили между собою Вильмен и Сент-Бёв. Он очистил от хлама старую литературу и с редкой прозорливостью определил тенденции новой. Этот смельчак первый ниспроверг множество старых идолов и разрушил фетишизм, который был принят на веру и которого придерживались по отношению к писателям классического периода. Несмотря на свое восхищение Пушкиным, он указал на слабые места романтизма, он осудил этого еще теплого мертвеца (т. е. романтизм) словами, на которые мы мало что могли бы возразить и сегодня. Наконец, он обладал настоящим предвидением умственных запросов своего времени; это он создал и воодушевил своими наставлениями «натуральную школу», откуда вышли великие современные русские романисты; он начертал ей ее программу сразу же после 1840 года, и, что всего важнее, он первый явил собой пример русского, опередившего литературное развитие Запада»[13].

Французский критик, по всей вероятности изучил не только солдатенковское собрание сочинений Белинского, но и ряд работ, посвященных его творчеству. Ему, видимо, были известны произведения Чернышевского, Пыпина, а также знаменитое письмо к Гоголю, опубликованное в «Полярной звезде» на 1855 год А. И. Герценом. Следует также отметить, что Вогюэ, анализируя творчество каждого крупного русского писателя, непосредственно обращается к наследию Виссариона Григорьевича.

Появление переводов произведений Белинского, а также многочисленных публикации о нем на немецком, французском и других языках народов Европы расширяло границы проникновения его идей за пределами России. Во второй половине XIX века наследие великого русского критика стало известно на Аппенинском полуострове. Одним из первых обратил внимание на изданную Я.-П. Иорданом в Лейпциге книгу «История русской литературы», о которой говорилось выше, Карло Тенка. Опираясь на труды Виссариона Григорьевича, известный итальянский литературовед и общественный деятель подготовил большую статью «О русской литературе». Она была напечатана в шести номерах за 1852 год (апрель — июнь) прогрессивного и широко распростра-

нениого еженедельного журнала «Крепусколо» («Сумерки»), выходившего в Милане.

«Еще десять лет назад, — писал К. Тенка, — никто в Италии не знал, что славянские народы обладают столь богатой поэзией, что она могла бы прославить любую более древнюю нацию». Только теперь, указывал он, мы стали понимать, что «у народов, считавшихся менее цивилизованными, широко и плодотворно развивается [illegible], создаются произведения, в которых воплощена [illegible] мысль, новая здоровая [illegible]».

[illegible] литературоведа привлекали историко-литературные взгляды, заложенные в статьях о сочинениях А. С. Пушкина. К. Тенка с симпатией воспринимал теоретические положения о национальных традициях, их [illegible] связи с условиями жизни общества, о [illegible] литературы, ибо он сам являлся сторонником [illegible] построений и стремился направить творчество [illegible] писателей-соотечественников по пути реализма, [illegible] насущным задачам национально-освободительного движения итальянского народа против иноземного господства. Следовательно, эстетические концепции Белинского служили для К. Тенка своего рода отправным аспектом в истолковании развития национальной словесности и той роли, которую она должна играть в борьбе за национально-культурное единство страны.

В начале 70-х годов тесные контакты с русскими [illegible] установил Анджела де Губернатис, который много раз выступал со статьями в «Вестнике Европы» [illegible] этот журнал. Так, в июне 1874 года он опубликовал в нем «Эскизы итальянского общества», а в сентябре поместил статью «Франческо Петрарка и его юбилей». В этих же, седьмом и девятом, номерах печаталось продолжение биографии Белинского, подготовленной А. Н. Пыпиным. Таким образом, вполне естественно, что издатель влиятельного в Италии журнала «Европейское обозрение» не мог не заинтересоваться сведениями о великом русском критике.

Осенью 1876 года «Европейское обозрение» возглавил Карло Панкраци, который продолжил традиции, заложенные своим предшественником. Итальянский критик и издатель, знавший русский язык, стал получать не только «Вестник Европы», но и «Отечественные записки», «Русскую старину». В указанных журналах также печатались сообщения о Виссарионе Григорьевиче. Напри-

мер, в последнем из них были опубликованы в 1876 году «Белинский. Новые материалы к его биографии» и «Увольнение Белинского из университета».

Из ряда помещенных на страницах итальянского журнала публикаций о России заслуживает внимания обстоятельная статья, которая называлась «Краткий обзор русской литературы» (1876, № 3). В ней подчеркивалась ведущая реалистическая направленность русской литературы XIX века, ее значение в развитии не только российской, но и мировой культуры. Автор писал: «Пушкин, Гоголь, Белинский и другие, будучи чисто русскими, являются также и европейскими писателями и могут стоять наравне с великими авторами их времени»[14].

В 1886 году в Стокгольме была издана книга по истории мировой литературы. Ее автор А. Анфельт весь раздел о русской словесности почти полностью изложил по «Истории русской литературы» Порфирьева, то есть Белинского.

В последней четверти прошлого столетия деятельность В. Г. Белинского привлекала внимание Г. Брандеса. В 1887 году он посетил Петербург, Москву, где прочитал цикл лекций. Свои взгляды на развитие русской литературы выдающийся датский критик вскоре выразил в книге «Россия. Наблюдения и размышления», которую затем неоднократно дополнял новыми главами (например, о творчестве М. Горького, А. П. Чехова и т. д.).

Эстетические воззрения Г. Брандеса складывались под непосредственным влиянием передовой историко-филологической мысли Европы. И здесь, на наш взгляд, существенную роль сыграло его знакомство с произведениями лучших русских писателей. В первую очередь следует назвать И. С. Тургенева. Именно от него, как неоднократно признавался сам Г. Брандес, он получил сведения об основных литературных течениях России. В частности, еще до поездки в Петербург ему было известно имя Белинского. Датский критик в очерке «И. С. Тургенев», увидевшем свет в 1883 году, писал:

«Начал он свою литературную карьеру в качестве байрониста и романтика, но без особого успеха. Белинский оторвал его от Байрона, Гейне и романтизма и направил его на настоящую дорогу. Его скрытый протест против крепостничества и последовавшие строго

[illegible]ные для него неприятности создали ему репутацию ультра-либерального писателя. После появления в свет его «Отцов и детей» (с посвящением Белинскому. — *П. М.*) на него посыпались даже обвинения, достаточно нелепые и порою даже совершенно злостные, будто он изменил идеалам своей молодости[illegible].

В этом же очерке Г. Брандес высоко оценивал социальную направленность «Записок охотника», которые И. С. Тургенев создавал при тесном общении с В. Г. Белинским. В знаменитых рассказах, подчеркивал датский критик, Иван Сергеевич [illegible] ра[illegible]решалась тогдашней цензурой...» И далее Г. Брандес писал, что в «Записках охотника» автор возбуждал «сострадание к крепостным», показывал «всю бесправность, в которой они проводили свою жизнь», представлял «картину той грубости, которая... замучивала их часто до смерти».

[illegible]ий подход к оценке литературных произведений [illegible] у Г. Брандеса в то время, когда он [illegible] И. С. Тургеневым. От него датский критик [illegible] В. Г. Белинском, его роли и значении в развитии русской общественной мысли и в [illegible] натуральной школы, которая пошла по [illegible] и правильному[illegible].

О[illegible]ения о Виссарионе Григорьевиче Г. Брандес, возможно, получил в период пребывания в Петербурге и Москве. Здесь он встречался с ценителями литературного наследия великого русского критика [illegible] А. Н. Плещеевым, Я. П. По[illegible], профессором Н. И. Стороженко, председателем Литературного фонда Н. С. Таганцевым, который, еще будучи учеником Пензенской гимназии, под влиянием учителя В. И. Захарова «стал читать Белинского». Поэтому не случайно Г. Брандес позже признавался, что во время своих лекций в Петербурге «ему хотелось походить в глазах столь требовательной аудитории на Белинского, каждая страница которого проникнута страстностью».

Один из поклонников датского критика и его биограф А. Гутман в статье о Г. Брандесе, написанной в 1888 году, свидетельствовал, что он не переставал требовать от авторов «свободы исследования и мысли, реальных описаний», был противником «романтического

приукрашивания жизненных явлений». «Литература, — утверждал датский критик, — должна поставить себе определенные логические задачи, непосредственно соприкасающиеся с жизнью».

Эти мысли весьма близки к высказываниям В. Г. Белинского, его эстетическому кодексу. В своих статьях он неоднократно говорил «об истинной свободе творчества», о том, что писатель «обязан изображать жизнь, как она есть, не прикрашивая ее и не искажая», что «сближение с жизнью, действительностью есть прямая причина мужественной зрелости последнего периода нашей литературы», что «в наше время искусство и литература больше, чем когда-либо прежде, сделались выражением общественной жизни» (VI, 286; III, [illegible]; IV, 434; X, 306).

О необыкновенной одаренности Виссариона Григорьевича писал в своих воспоминаниях И. С. Тургенев. «Белинский, — указывал он, — бесспорно обладал главными качествами великого критика... Эстетическое чутье было в нем почти непогрешительно... При появлении нового дарования, нового романа, стихотворения, повести — никто ни прежде Белинского, ни лучше его не произносил правильной оценки, настоящего, решающего слова. Лермонтов, Гоголь, Гончаров — не он ли первый указал на них, разъяснил их значение? И сколько других!..»

Безусловно, эти суждения автора «Записок охотника» были известны датскому критику. В своей книге он называл Виссариона Григорьевича «Лессингом России», «оракулом русской мысли». «Великому русскому критику Белинскому, — подчеркивал Г. Брандес, — удалось доставить победу национальной поэзии девятнадцатого века... Журнал «Отечественные записки» получил огромную популярность благодаря гениальным статьям Белинского».

Здесь он «начал, — писал датский критик, — свой страстный поход против официального мира и его литературы. Когда 25 числа каждого месяца выходили «Отечественные записки», вся образованная молодежь лихорадочно набрасывалась на толстый том... Если оказывалась напечатанной хоть страничка Белинского, она страшно поглощалась в бесконечных спорах.

Его горячность, его остроты, его язвительный смех, его разоблачения приковывали к нему внимание всех,

и, когда он подымал свой бич, все сбегались, точно для присутствия при публичной казни».

Приведенные строки в значительной мере совпадают с воспоминаниями А. И. Герцена, которые цитировались в книге и первоначально были опубликованы в «Полярной звезде» за 1855 год, а позже вошли в книгу «Былое и думы». В этом же номере альманаха Александр Иванович напечатал и переписку Белинского с Гоголем. По всей вероятности, Г. Брандес знал о ней. В своей книге он подчеркивал, что Белинский уже перед концом жизни «напал на своего ученика Гоголя за перемену его взглядов...»

Датский критик сочувственно отзывался о Виссарионе Григорьевиче и на других страницах своих «Наблюдений и размышлений», когда говорил о творчестве Ф. М. Достоевского, о жестоком николаевском режиме. После смерти Белинского, свидетельствовал Г. Брандес, «его друзьям было воспрещено воздвигнуть ему памятник, газеты получили приказ не упоминать его имени...»[1].

Книга Г. Брандеса издавалась в переводах на английском, польском и других языках. Она способствовала распространению сведений о В. Г. Белинском почти во всех европейских государствах.

В это же время одним из страстных поклонников творчества великого русского критика явился основоположник японской реалистической литературы последней четверти XIX века Фтабатэй Симэй. «Это был, — указывает советский литературовед Р. Г. Карлина, — знаток и ценитель русской литературы, глубоко повлиявшей на его собственное творчество, талантливый переводчик с русского, первый в полноценных художественных переводах познакомивший японское общество с произведениями наших классиков. Мы считаем возможным утверждать, что литературные воззрения Фтабатэя непосредственно восходят к идеям великого русского критика-демократа Белинского».

Хорошо изучив русский язык, Фтабатэй еще на студенческой скамье познакомился с основными работами Герцена, Чернышевского, Добролюбова. По сочинениям Белинского, по собственному его признанию, «прямо зачитывался». Уже в 1885 году он перевел на японский язык одну из важнейших теоретических статей великого критика «Идея искусства» и частично — «Разделение

поэзии на роды и виды». А в следующем году Фтабатэй опубликовал в апрельском номере журнала «Тюо-га [illegible] ноцу» свою статью, которая называлась «Теория романа» («Сёсэцу сорон»).

Эта публикация Фтабатэя, как установила Р. Г. Карлина, почти полностью построена на произведениях Белинского. Лишь в отдельных случаях материал подается с учетом национальных особенностей. Например, там, где Белинский говорит: «Всякий человек — прежде всего человек, и потом уже Иван, Сидор и т. д.», там Фтабатэй заменяет Ивана и Сидора на Чжан-Саня и Ли-Сы. «чернеющий вдали лес» и «трепет сребристого листа» превращаются в «соловья, поющего на ветках сливы», и в «голоса цикад в осенней траве»[11]

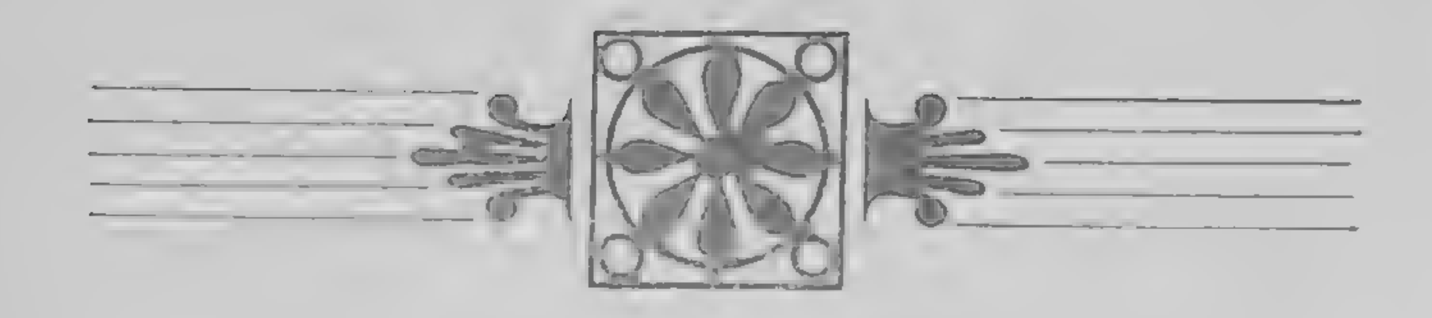
Однако главное заключается не в том, сколько по объему в статье Фтабатэя занимают извлечения и цитаты из произведений Белинского. Смысл данного явления, подчеркивает Р. Г. Карлина, гораздо глубже. Автор «Теории романа» прежде всего сам глубоко усвоил эстетические принципы великого русского критика и пронес их через всю свою жизнь. Воспринятые взгляды определили отношение Фтабатэя к литературе, составили идейную основу его творчества, помогли созданию реалистического метода писателя — того метода, которому в дальнейшем учились у него молодые японские писатели..

О громадном значении русской литературы для литературного развития Страны восходящего солнца говорится в целом ряде наиболее серьезных работ японских исследователей. Например, Акита Удзяку по поводу иностранных влияний на японскую литературу писал: «Я считаю, что наиболее сильным было, разумеется, влияние русской литературы»

Подобное же суждение о роли русской литературы, указывает Р. Г. Карлина, неоднократно высказывал другой писатель-коммунист, виднейший революционно-демократический деятель — Фудзимори Сэйкити

Таким образом, к концу прошлого века наследие Белинского заняло одно из важных мест в сокровищнице не только русской, но и мировой культуры

С приближением пятидесятой годовщины со дня смерти гениального мыслителя интерес к его творчеству обострился с еще большей силой

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СПУСТЯ

Инициатором чествования памяти Белинского явилось Общество Лермонтовской библиотеки в Пензе. В мае 1897 года А. Бекетов — брат известных русских ученых и общественных деятелей А. Н. и Н. Н. Бекетовых, прогрессивно настроенные врачи, учителя Н. Евграфов, К. Евграфов, С. Захарьин, М. Соловьев, В. Просвирнин и многие другие вошли с предложением в городскую думу о подготовке к юбилею Белинского. В нем указывалось. «Наступила пора для торжественного признания великих заслуг его перед русским обществом. Истолковывая и выясняя значение литературных произведений наших великих писателей — Пушкина, Лермонтова. Гоголя и других, подготовляя этим почву для появления всей русской литературы с такими корифеями ее, каковы Тургенев, Достоевский, Толстой, он вместе с тем будил и распространял в русском обществе любовь к истинному, прекрасному и высокому, уча его уважать достоинство человеческое, любить ближнего, быть гуманным. Воспитательное значение его светлой личности и его произведений громадно и общепризнано». В подлиннике последнее слово по предложению одного из членов Общества исправили и заменили словом «неоспоримо

Действительно, вся прогрессивно мыслящая Россия не только признавала, но и горячо любила Белинского. Оспаривать и замалчивать это было бессмысленно.

Представители пензенской интеллигенции особо подчеркивали, что годы детства и юности Белинского протекали в пределах Пензенской губернии, с которой связана его родословная и происхождение фамилии. А поэтому, говорилось в прошении, не кому другому, как

пензенскому обществу, надлежит принять на себя инициативу чествования памяти Белинского.

Собрание членов Общества Лермонтовской библиотеки постановило: просить «городское управление принять на себя труд исходатайствовать Высочайшее соизволение на открытие всероссийской подписки на памятник В. Г. Белинскому в городе Пензе и на основание какого-либо просветительного учреждения его имени»; принять меры «к тому, чтобы самый день пятидесятилетия — 26 мая 1898 года — ознаменовался торжественным празднеством, программа которого могла бы быть выработана особой комиссией, образованной Городской Думой».

Не надеясь на положительный исход ходатайства, Общество приняло скромное решение: издать литературный сборник памяти Белинского, доход от которого обратить в фонд на поддержание или создание просветительного учреждения его имени, и открыть бесплатную народную библиотеку-читальню имени критика. Оно обратилось с просьбой и приглашением к русским писателям и ученым принять участие в сборнике[1].

После двукратного напоминания со стороны членов Общества городская дума утвердила юбилейную комиссию в составе девяти человек и поручила ей совместно с правлением Лермонтовской библиотеки разработать программу торжеств. Но дальше утверждения комиссии дело не пошло. Выработанная программа оставалась не рассмотренной на протяжении нескольких месяцев. Многие члены городского управления опасались ходатайствовать перед правительством о праздновании юбилея Белинского. Только под напором пензенской общественности дума 28 января 1898 года вынуждена была рассмотреть предложенные мероприятия.

Комиссия предусматривала пригласить в Пензу родственников Белинского, представителей университетов, Академии наук, литературных и ученых обществ России, а также просила думу войти с ходатайством в правительство о разрешении «учредить в г. Пензе музей имени Белинского, в котором должны быть собраны его реликвии, автографы, портреты, рукописи, издания его сочинений и прочее, относящееся к его памяти, современной ему эпохе и его литературным сподвижникам».

Лишь спустя месяц решение пензенских градоправителей было направлено в Петербург. На этом докумен-

те появилась виза директора департамента полиции «Двухсотлетие Петра Великого праздновалось только два дня». Ниже другая запись — министра внутренних дел: «Пенза празднует и больше никто. Ограничиться Пензой».

Готовился к юбилею и город Чембар. 28 марта 1897 года член правления городской бесплатной библиотеки А. Д. Козьменков произнес взволнованную речь на заседании городской думы. «Было бы для всех очень отрадным, — говорил он, — если бы тот город, где провел наш знаменитый критик свое детство и юность, воздвиг ему лучший памятник для писателя — библиотеку его имени... Лично со своей стороны я готов пожертвовать для предлагаемой мною библиотеки имени Белинского свою собственную библиотечку, в которой найдется хороших книг и журналов не менее, как рублей на 100».

Другие представители городской интеллигенции предложили «...организовать всероссийскую подписку на установку бюста В. Г. Белинского в городском сквере», «испросить разрешение повесить портрет В. Г. Белинского в имеющей быть открытой городской публичной библиотеке его имени», назвать улицу, на которой жил Виссарион Григорьевич, «в честь его улицей Белинского».

Эта программа «большинством 11 против 5 голосов» была принята городской думой. Ход голосования свидетельствовал о наличии разногласий в думе по чествованию памяти Белинского. Это в известной степени объяснялось тем, что во главе Чембара стоял влиятельный купец Антюшин — брат владельца дома Белинских, в котором тот открыл трактир, и, как правило, сдавал его в аренду чембарским мещанам.

Передовые круги интеллигенции Чембара, Пензы и других городов России с возмущением заявляли, что «питейное заведение», осквернявшее дом, позорит не только земляков великого критика, но является глумлением над его памятью. Антюшину было предложено уступить или продать дом Белинских под библиотеку имени критика. Но торгаш не желал расставаться с прибыльным местом. Чтобы отделаться от требований общественности, он запросил баснословную по тем временам цену в размере десяти тысяч рублей. Найти такую сумму было трудно, и вывеска «Трактир» продолжала оставаться

на доме, в котором прошли годы детства и юности великого сына России.

Готовящиеся торжества по случаю юбилея Белинского вызвали серьезную тревогу у пензенского губернатора. На имя министра внутренних дел посылались официальные донесения, испрашивались указания. Департамент общих дел министерства передавал все эти документы в департамент полиции, который стремился до предела урезать намеченные в Пензе мероприятия.

30 октября 1897 года на имя чембарского городского головы пришла директива за подписью пензенского губернатора. В ней указывалось: «Рассмотрев проект устава библиотеки имени Белинского... я не нахожу возможным представить этот проект на утверждение г. Министру внутренних дел...» А несколько позже пришел еще один ответ. Тот же губернатор писал, что ходатайству об открытии всероссийской подписки на постановку в городском сквере бюста писателя Белинского я по имеющимся у меня разъяснениям Министерства внутренних дел по этому предмету не нахожу возможным дать дальнейшее движение».

Неутешительный приговор, вынесенный прислужниками самодержавия, последовал и в Пензу. В своем отношении от 18 марта 1898 года директор департамента полиции министерства внутренних дел Зволянский сообщал: «По докладе моем господину Министру Внутренних Дел постановления Пензенской городской Думы... по поводу чествования памяти и постановки в г. Пензе памятника писателю Белинскому, его высокопревосходительство, имея в виду, что памятник покойному писателю еще не готов, причем проект такового еще не утвержден и даже неизвестно будет ли утвержден в установленном порядке, изволил признать, что об освящении места постановки сего памятника и закладки фундамента... преждевременным. Равным образом господин Министр находит, что... все чествования памяти названного писателя по случаю пятидесятилетия со дня его кончины должно ограничиться участием лишь сего города, а не иметь характера всероссийского торжества, как это предположено Пензенской городскою Думой»[3].

В этом же документе говорилось, что все ближайшие распоряжения о проведении юбилея В. Г. Белинского будут даваться лично самим министром.

Попытки правительства пресечь и заглушить подготовку к юбилею не увенчались успехом. Благородные начинания в Пензенской губернии вызвали живой интерес во всей России

4 августа 1897 года газета «Русские ведомости» писала, что в Пензе намечается воздвигнуть памятник Белинскому и достойно отметить его память. 17 августа газета поместила заметку о том, что в Чембаре предполагается открыть библиотеку имени Белинского

В ответ на это сообщение в Чембарскую городскую управу поступило такое уведомление: В. А. Морозова, прочитав в № 226-м «Русских ведомостей» от 17 сего августа, что ко дню пятидесятилетней годовщины кончины Виссариона Григорьевича Белинского постановлено открыть в городе Чембаре публичную библиотеку имени покойного, поручила нижеподписавшемуся препроводить Чембарскому городскому управлению от ее имени, как дань ее глубокого уважения к памяти великого писателя, серебром две тысячи рублей на дело устроения сказанной библиотеки». Такой же перевод от В. А. Морозовой на организацию библиотеки-читальни имени Белинского поступил и в Пензу.

Из Петербурга два студента В. Яковлев и Я. Киселев писали: «Прилагая при сем 6 рублей, имеем честь просить Пензенскую городскую управу причислить их к фонду на сооружение памятника Белинскому».

Астроном-наблюдатель Юрьевского университета К. Д. Покровский, впоследствии известный ученый, член-корреспондент АН СССР, запрашивал Лермонтовское Общество: «Я хотел послать во вновь учреждаемую библиотеку имени Белинского несколько своих работ, но не знаю, куда нужно адресовать посылку с книгами. Прошу меня уведомить» [4].

Деятельное участие в подготовке к юбилею Виссариона Григорьевича приняла его дочь. В 1895 году, после того как ее дети окончили афинскую гимназию, она вместе с ними переехала в Париж. Здесь Евгений поступил учиться в институт путей сообщения, а Владимир — в университет, на медицинский факультет.

В столице Франции Ольга Виссарионовна часто встречалась с прибывшими из России журналистами, писателями и другими творческими работниками. У нее на квартире собирались почитатели наследия великого критика Е. Семенов, Н. Русанов, скульптор М. Каплан,

а также французский художник Леруа, написавший картину «Белинский на смертном одре», использовав для ее композиции одноименное полотно К. А. Горбунова. Она поддерживала дружеские отношения с бывшим директора Лермонтовской библиотеки Мануйловым, который несколько раз бывал у нее в гостях.

Старший сын Евгений очень походил лицом на своего деда. На это обратил внимание М. Каплан, у которого зародилась мысль создать памятник Белинскому. Возникший вопрос не раз обсуждался в семье Бенисов. Сначала решили вылепить бюст Виссариона Григорьевича. Первые же сеансы, в процессе которых скульптору позировал Евгений, вселили у ваятеля уверенность в свои возможности. Он стал разрабатывать эскиз будущего памятника.

Ольга Виссарионовна внимательно читала приходившие в Париж русские издания. 16 августа 1897 года она отправила в Общество Лермонтовской библиотеки письмо следующего содержания: «Узнавши из газет намерение Пензенской городской Думы почтить отца моего В. Г. Белинского постановкой ему памятника к его юбилею, спешу принести глубочайшую признательность по этому поводу».

Однако в Париже не знали, какие меры принимает правительство относительно чествования пятидесятилетия со дня смерти революционного демократа. 12 марта 1898 года вице-директор департамента общих дел В. Ф. Трепов сообщал в департамент полиции: «Рисунок проекта памятника, исполняемого скульптором Капланом, уже препровожден техническо-строительным Комитетом в Академию художеств для доставления его отзыва о целесообразности идеи, об общих формах пьедестала и проч.».

Рассматривая проект монумента, специальная академическая комиссия 14 марта 1898 года заключила: «Женская фигура не соответствует фигуре «муза», как принято последнюю изображать (в классическом костюме), а поэтому не можем дать свое согласие на утверждение предложенного эскиза».

Передовые круги русского общества, несмотря на противодействия правительства, настойчиво боролись за проведение юбилея выдающегося сына России. В ответ на обращение правления Лермонтовской библиотеки в его адрес стали поступать заявки от писателей,

[illegible] литературном сборнике. В газете «Сын отечества» от 24 [illegible] 1898 года говорилось: «Сборник, [illegible] названием «Памяти В. Г. Белинского», будет [illegible] библиотекой в г. Пензе под наблюдением [illegible] В. Г. Белинского [illegible] приобретение [illegible] [illegible] Л. Н. [illegible], А. П. Чехов, И. А. Бунин, В. [illegible], А. И. [illegible], Н. [illegible] Телешов, Н. В. [illegible], А. Н. Пыпин, Л. З. [illegible], Н. Н. [illegible], Н. Н. [illegible], В. Н. [illegible] [illegible] около пяти[illegible].

[illegible] пятидесятилетием [illegible] поставлен на [illegible] [illegible] словесности [illegible].

[illegible] писателя. И по [illegible] стить чтение лекции в г. Владимире о жизни и творчестве Белинского, с которой намеревается выступить Александр Алферов. Такие же запросы приходили из Самары, Симбирска, Вологды, Саратова, Казани, Перми, Одессы, Харькова и т. д.

Общество Екатеринбургской (ныне г. Свердловск) публичной библиотеки выработало соответствующее по[illegible]ение и решило присвоить ей имя В. Г. Белинского. В [illegible] министр внутренних дел поручил департаменту полиции проверить «лиц, подписавших устав». В [illegible] поводу указывалось: «За исключением фельдшерины Н. Землянициной, о других ли[illegible] [illegible] почитателей гениального мыслителя, их просьба была отклонена.

Спустя несколько дней департамент полиции подго[illegible] еще один ответ на имя министра внутренних дел

касавшийся авторов конспектов речей, предполагавшихся к произнесению на пензенских торжествах. В документе указывалось: «Острогорский Виктор Петров, преподаватель Ларинской гимназии, по сообщению С.-Петербургского градоначальника, в 1894 году присутствовал при освящении памятника Шелгунова, а до этого на обеде в «Метрополе» после похорон Тургенева. Знаком с известным департаменту Николаем Рубакиным и негласно поднадзорным Владимиром Святловским.

Грузинский Александр Евгеньевич в 1885 году был знаком с состоящею под негласным надзором Ольгою Сперанской, ввиду сего допрошен в качестве свидетеля по делу Сперанской. Кроме того, в квартире супругов Грузинских в 1893 году жила состоящая под негласным надзором Ольга Васильевна Сл...

Грузинский состоял членом Моск...
...мотности

О Балталоне сведений в делах де... не имеется (по сколько известно, учитель ... Тифлисской гимназии)».

Первым в России приступило к чествованию Белинского Общество любителей российской словесности, которое 8 апреля 1898 года провело торжественное заседание в актовом зале Московского университета. Среди многочисленной публики находились видные деятели русской литературы, гости из других городов. В зале, где помещалась кафедра, среди гирлянд зелени возвышался портрет Белинского, а справа и слева от него бюсты великого критика. В зале присутствовала восьмидесятитрехлетняя старушка Аграфена Васильевна Орлова — сестра жены Виссариона Григорьевича. Перед открытием заседания ей был преподнесен букет цветов. С речами о жизни и деятельности выдающегося сына России выступили Н. И. Стороженко — председатель общества, А. И. Сумбатов — выдающийся русский актер и театральный деятель.

После торжественного акта в библиотеке университета открылась выставка памяти Белинского. Это была первая в России выставка, посвященная его жизни и творчеству. На ней было показано более 200 предметов, представлявших огромный интерес для изучения эпохи и наследия Белинского. На стендах и витринах экспонировались рукописи, письма, издания произведений критика, его личные вещи, портреты жены и близких род-

ственников. Большое внимание уделялось современникам революционного демократа — Пушкину, Гоголю, Кольцову, Лермонтову, Тургеневу, а также журналам, в которых он работал. Выставка привлекла внимание общественности. С 8 по 12 апреля ее посетило около семи тысяч человек.

Через месяц, 10 мая, торжественное собрание, посвященное пятидесятилетию со дня смерти Белинского, состоялось в Петербурге. Оно было организовано Союзом взаимопомощи русских писателей. Огромная Александровская зала, сообщалось в газете «Сын отечества», едва могла вместить всех желающих. Билеты были распроданы заранее. На празднестве находились все видные литераторы, журналисты столичных газет и журналов, актеры и актрисы, учащаяся молодежь. За недостатком мест в зале многие разместились на хорах. На эстраде был поставлен бюст В. Г. Белинского, окруженный зеленью.

С речами выступили В. П. Острогорский, Н. А. Котляревский, С. А. Венгеров, Г. А. Джаншиев, Н. К. Михайловский. Драматург и режиссер Невского общества устройства народных развлечений Е. П. Карпов прочитал стихотворения Некрасова «О погоде», «Медвежья охота», «Памяти приятеля».

Присутствовавшие на торжественном собрании Короленко, Станюкович, Гаршин, Михайловский и другие писатели направили в Пензу телеграмму. В ней говорилось: «Комитет литературного фонда, участвуя душой мысленно в прекрасном чествовании Белинского на его родине... может поделиться отрадною вестью, что Л. Ф. Пантелеев в ознаменование празднества вносит в литературный фонд полторы тысячи рублей для учреждения премии за лучшее сочинение о Белинском».

Радостное сообщение пришло и из Москвы. Устроители выставки решили переправить всю коллекцию для того, чтобы общественность Пензы смогла ознакомиться с этими достопримечательными реликвиями. Торжества здесь длились два дня, хотя их программу министерство внутренних дел наполовину сократило.

В канун юбилея начальник Пензенского жандармского управления полковник Раменский прислал на имя директора департамента полиции шифрованную телеграмму: «Архиерей не допускает соборе панихиды Бе-

линского. Благоволите ука[illegible] торжества чествования».

В силу такого обстоятельства чествование [illegible] 26 мая с литургии в Петропавловской приход[illegible] ви, находившейся вдали от центра города. Н[illegible] [illegible]итателей памяти своего гениал[illegible] бралось очень много. После литургии откр[illegible] [illegible]а, расположенная в здании рисовальной школы. [illegible] [illegible] продавались новые издания сочинений критика, ал[illegible]бом с фототипиями Московской выставки, отпечатанн[illegible] К. А. Фишером.

Присутствовавший в Пензе корреспон[illegible] [illegible]Новости» писал о выставке: «Толпа, в которой вид[illegible]тся и интеллигентные лица, и простонародье, и подр[illegible]стки, шумно поднимается по лестнице; слышится сме[illegible] обмен приветствий; но едва переступает она порог за[illegible] [illegible] тотчас же стихает. В торжественном молчании [illegible] посетителей обходит витрины, то быстро огля[illegible] портреты современников Белинского, его друзей и врагов, то надолго останавливается перед изображе[illegible]м самого виновника торжества. Трагическое полотно [illegible]мова привлекает всех, около него теснота, и покры[illegible] предсмертной дымкой глаза умирающего [illegible] [illegible]кется, оживают, видя перед собой действитель[illegible] воображаемый только народ[illegible]

В тот же день открылась первая народная библиотека-читальня имени В. Г. Белинского. Она находилась в здании Общества взаимного кредита на углу Московской и Никольской улиц и размещалась в тесной комнате, наполовину заставленной книгами. Перед открытием читальни ее заведующий Н. Е. Евграфов произнес речь, в которой кратко изложил историю возникновен[illegible] просветительного учреждения, названного именем критика.

Примечательно, что бесплатная библиотека пользовалась у населения огромной популярностью. Хотя количество книг немногим превышало 2300 томов, число читателей составляло 1839 человек. Половина из них приходилась на крестьян и рабочих, остальную часть составляла учащаяся молодежь и мелкие служащие. За год производилось более 30 000 книговыдач. Бюджет читальни складывался в основном из пожертвований, сборов с концертов, спектаклей, устраиваемых участниками самодеятельности.

Наряду с официальной программой юбилея существовала и неофициальная. Готовились отметить эту знаменательную дату также представители социал-демократических рабочих кружков Пензы. Они предполагали отметить память великого критика и революционера совместностью в борьбе с самодержавием. Об этом рассказывает особо секретный документ — отношение начальника Пензенского губернского жандармского управления в департамент полиции от 29 мая 1898 года. В нем говорится

«26 и 27 мая в Пензе происходило торжество чествования памяти Белинского, которое в политическом отношении не оказало никаких вредных последствий, хотя предварительно упорно носились толки, что кружок красной интеллигенции желает воспользоваться этим событием и выразить протест против существующего положения рабочего класса, а Белинского обрисовать как мученика за распространение этих идей. Во главе комиссии был доктор Евграфов и родной его брат заведующий Лермонтовской бесплатной читальней. Оба эти Евграфовы лица безусловно неблагонадежные в политическом отношении. До принятия мной репрессивных мер во время производства дознании по государственным преступлениям * у этих господ были широкие планы, и, между прочим, в проект входил праздник железнодорожных рабочих с присоединением Сергеевской фабрики; на этом празднике должен был сказать речь студент Ремизов **, привлеченный мной к дознанию, о значении Белинского для рабочих, затем предполагались свободные речи и на всех собраниях по поводу чествования. Первое охлаждение этим затеям навеял страх, произведенный несколькими арестами обвиняемых, а затем и твердое слово губернатора графа Адлерберга, который объявил распорядителям, что не потерпит выражения со стороны участников чего-либо противоправительст-

---

* 11 марта 1898 года начались аресты по делу об организации в Пензе социал-демократических рабочих кружков. К дознанию было привлечено 56 человек.

** Бывший студент Московского университета, высланный из Москвы под надзор полиции в Пензу на два года за участие в демонстрации 18 ноября 1896 года по поводу полугодовщины Ходынской катастрофы. За организацию в Пензе рабочих кружков был выслан в Вологодскую губернию на три года

венного, благодаря чему программа во многом сократилась и ни о каких гимнах не могло быть и речи. Также точно граф Адлерберг категорически воспретил посвящать кантату Белинскому, как первому провозгласившему свободу. Несмотря на такое строгое отношение губернатора, доктор Евграфов успел выпустить в продажу программу литературного вечера, на виньетке коей изображен интеллигент, протягивающий руку крестьянину, работающему с заступом, а затем, выступив на кафедре во время литературного вечера для чтения доклада о торжестве, позволил себе высказать упреки по адресу министра внутренних дел за недозволение постановки памятника и за слишком позднее утверждение торжества. На выставке в рисовальном училище была установлена известная картина Наумова, по поводу которой шептались, что перед смертью Белинского жандарм явился арестовать его. Против этой картины вывешены были симметрично портреты 3-х бывших шефов жандармов.

Далее на литературном вечере все шло довольно спокойно, ораторы обрисовали Белинского как критика и достойного учителя, хотя в словах и проглядывала мысль, что Белинский проповедовал свободу и равенство... Все торжества закончились 27 мая вечерним народным спектаклем, в конце коего была поставлена живая картина, в центре коей стоял украшенный бюст Белинского, возле него кучка женщин и рабочих в блузах».

Поступило секретное донесение в департамент полиции и от начальника жандармского управления Петербурга. Он сообщал о чествовании Белинского на его могиле. В докладной записке указывалось, что на Волковом кладбище состоялся своего рода митинг, на котором кроме писателей, артистов много было студентов и простого народа. Поэт Н. Панов в стихотворении, посвященном памяти писателя, называл последнего «защитником правды и свободы». Но самой возмутительной, писал жандарм, была речь небезызвестного охранке Кулябко-Корецкого, который призывал молодежь «следовать заветам Белинского, стойко и честно отдавать народу все свои силы, свою душу и свои стремления в борьбе с угнетателями трудового люда

Из-за препятствий властей задержалось до 1901 года открытие библиотеки имени В. Г. Белинского в

[illegible]

[illegible] появились [illegible] рассказывающие о приближающемся пя[illegible]десятилетии со дня смерти Виссариона Григорьевича [illegible]

Инициатором чествования великого критика выступило местное Общество вспомоществования нуждающимся литераторам. Ревнители памяти писателя внесли [illegible] ложение об учреждении библиотеки его имени и переименовании в честь него одной из улиц города. Однако власти не пошли на это. Имя Белинского было присвоено лишь «основной зале библиотеки народных чтений».

[illegible]6 мая в городском театре состоялся торжественный [illegible]ер. «Здание снаружи,— сообщал корреспондент га[illegible] «Сын отечества»,— было украшено флагами, вестибюль декорирован коврами; фойе, ложи и партер [illegible]раны зеленью». Среди сцены, на особом возвышении, [illegible]целялся бюст знаменитого критика, выполненный [illegible]ителем местного рисовального училища Волковским.

Вступительное слово о Белинском произнес Немировский. Затем директор музыкальных классов Экснер исполнил похоронный марш Шопена. После этого нача[illegible]сь возложение венков к подножию бюста от различных городских обществ и учреждений, от редакции га[illegible]т и учителей воскресных школ. И когда присутство[illegible]вшие в зале устали аплодировать, внесли последний, двадцать четвертый венок. На ленте, обрамлявшей гирлянды, была короткая надпись: «В. Г. Белинскому — от Саратовских рабочих

Появление на сцене представителей трудового народа, говорилось на страницах «Саратовского дневника», в простых костюмах, выделявшихся своим видом

на фрачном и сюртучном фоне, вызвало оживление. Сначала робко, на галереях, где помеща... люд, послышались первые хлопки. Потом все громче и громче зазвучали рукоплескания, превратившие... ...ние, начали раздаваться возгласы «браво»... ше пятисот рабочих, принимавших уча... вах, от имени саратовского пролетариата ... волюционного демократа.

После возложения венков публика ... ветствовала режиссера народного театра В. А. М... ского, который прочитал стихотворения Н... Плещеева.

На второй день, 27 мая, чествование Белинского ... продолжено в летнем театре Сервье. Сюда собрали... рабочие железнодорожных мастерских, заводов Беринга, Гантке и других предприятий. Это, пожалуй, был единичный случай во всей Российской империи, когда в торжествах Белинского столь активно участвовали представители самого передового класса.

Из Казани писали, что в память о Белинском открывается школа его имени. В телеграмме из Тифлиса говорилось: «Здесь передовая общественность добилась разрешения на устройство училища имени гениального критика и переименование одной из лучших улиц города в улицу Белинского». Из Вологды сообщали, что члены Общества бесплатной библиотеки в ознаменование пятидесятилетия со дня кончины Виссариона Григорьевича во время торжественного заседания собрали 150 рублей и направили эти деньги в помощь детям голодающих губерний.

Лекции, литературные чтения, музыкальные вечера, посвященные памяти великого сына русского народа, состоялись в Омске и Новгороде, Костроме и Одессе, Ставрополе и Курске, Смоленске и Рязани, Нижнем Новгороде и Самаре, Перми и Вятке, Бирске и Якутске, Харькове и Батуме, Киеве и Кишиневе, Варшаве и Риге, Вологде и Новочеркасске, а также во многих других городах.

Далеко за пределами своей родины почтили память гениального мыслителя русские политические эмигранты в Швейцарии, Франции, Австрии. Активное участие в организации литературных вечеров за границей принял Г. В. Плеханов. Он выступил с речью о Белинском в Женеве, Цюрихе, Берне, в которой высоко оценил исто-

рическую роль выдающегося публициста и филос[illegible]-материалиста в формировании передовой русской общественной мысли, определил значение его деятельности [illegible] и последующего развития революционного движения. Подчеркивая мобилизующую силу критики Белинского Георгий Валентино[illegible]ич указывал, что «он был едва ли не [illegible] и, без всякого сомнения, самым ярким литературным выразителем прогрессивных стремлений мысля[illegible] разночинце[illegible]

Плеханов свидетельствовал, что прекрасный обра[illegible] этого замечательного человека являлся вдохновляющим примером для многих демократов. В своей «Речи» он привел такой факт. В 1856 году А. И. Левитов, тогда [illegible] студент Медико-хирургической академии, [illegible]инистративным порядком сначала в Во[illegible] в Шенкурск. Положение его там в литературном и нравственном смысле было весьма тяжелое. Переписывавшиеся с ним друзья старались, как умели, поддерживать его. В апреле 1859 года один из них, некто Фиделин, советуя ему продолжать начатые литературные работы, писал: «Вспомни о Белинском и ободрись... читай, читай, доставай книги... теперь много выходит книг, и книги все хорошие; опять напоминаю тебе Белинского. Мне хотелось бы даже послать тебе что-нибудь, да признаться... впрочем, нечего признаваться,— [illegible] достану рубль серебром, то непременно обещаю тебе выслать первую часть сочинений Белинского[illegible].

Георгий Валентинович внимательно изучал и с большой любовью относился к творчеству Виссариона Григорьевича, считая его одним из крупнейших предшественников марксизма в России. Он посвятил Белинскому более десятка обстоятельных статей и глубоко охарактеризовал литературно-критические, политические взгля[illegible] революционного демократа. Работы Плеханова имели важное значение в пропаганде творчества Белинского и явились ценным вкладом в изучение его идейного наследия

В статьях Плеханова разоблачалась вся несостоятельность представителей декадентства в лице таких обскурантов, как Волынский, Розанов и им подобные, которые пытались доказать, что Белинский не был ни мыслителем, ни философом и не обладал той умственной силой, которая являлась бы «культурным рычагом, со-общающим определенное направление историческому

прогрессу». Эти холопы крайне реакционной части [illegible]ской буржуазии в 1897 г[illegible] Белинского к Гоголю «со[illegible]чальных явлений в истории русской журнал[illegible] свидетельствует об угасании критического талант[illegible]сателя. Волынский изрекал, что случайно восторж[illegible]вавший реализм Белинского «создал цепи, сковавшие [illegible]уховную жизнь молодого общества, придушившие [illegible] умственное стремление», а поэтому не будет большого греха, если и забудем этого человека, который «не в[illegible]

Прит[illegible] [illegible]ений ярого приверженца буржуазного искусства с резкой критикой выступил Плехан[illegible] Зло высмеивая завзятого эстета, он писал: «Фамус[illegible]нравилось когда-то, что московские барышни ни одно[illegible] слова не произносили просто, а все с ужимкой. Г. Волынский почему-то вообразил, что следует [illegible] [illegible]им барышням... Короче, какую ни откройте страниц[illegible] в книге «Русские критики», вы непременно встретитесь или с «дуновением вечных идеалов», или «с вдохновением свыше». Из этого «труда», указывал Плеханов, явствует, что у нас, по мнению г. Волынского, до сих пор не было «истинной критики» и что если он нас не [illegible]чит, то и впредь ничего хорошего нам ожидать нев[illegible]можно. И далее Георгий Валентинович свидетельствовал, что о г. Волынском приходится говорить теми же словами, которыми этот апологет «чистого [illegible] характеризовал Белинского: «Он не [illegible] самобытного философского талан[illegible], и [illegible] рассуждения об «истинной критике» от[illegible] же бессодержательностью, как и все другие его философские упражнения

Опровергая недругов Белинского, Плеханов с марксистских позиций убедительно доказал, что Виссарион Григорьевич был рожден философом и социологом, обладавшим при этом всеми данными, необходимыми для того, чтобы стать превосходным критиком и блестящим публицистом. И далее Георгий Валентинович писал «По-нашему, Белинский является центральной фигурой во всем ходе развития русской общественной мысли был самой замечательной философской организацией, когда-либо выступавшей в нашей литературе

Анализируя формирование мировоззрения Белинского, Плеханов первый указал на поступательный ход раз

вития великого мыслителя от идеализма к материализму. Разоблачая измышления народника Михайловского «о невежестве Белинского в нравственно-политических вопросах», Георгий Валентинович свидетельствовал, что даже в период так называемого примирения с действительностью Белинский был «ближе к научному пониманию общественных явлений, чем наши нынешние сторонники старых устоев».

Однако в статьях, написанных Плехановым в 1909—1910 годах, делались неверные выводы, что философские воззрения Белинского заимствованы в основном у западно-европейских мыслителей и не имели под собой социальной почвы, то есть не отражали классовую борьбу угнетенных крестьян с крепостным рабством и самодержавием. Такое определение вытекало из ошибочных взглядов самого Плеханова на роль крестьянства как союзника рабочего класса в пролетарской революции. Допускал он также некоторые противоречия в трактовке эстетического кодекса, созданного Белинским, якобы его неизменности на протяжении всей литературной деятельности писателя.

И все же, при определенных недостатках, присущих работам Плеханова о Белинском, значение их исключительно велико. Георгий Валентинович писал: «В России не было критика, равного Белинскому. Да и во всемирной литературе не много найдется писателей, равных ему по своему критическому дарованию». Поэтому для Плеханова Виссарион Григорьевич являлся высочайшим авторитетом, и он считал себя не только по духу, но и по крови близким Белинскому. Дело в том, что мать Георгия Валентиновича, Мария Федоровна, урожденная Белинская, доводилась Виссариону Григорьевичу внучатой племянницей. Безусловно, Плеханов знал об этом, гордился своей родословной. И, будучи тяжело больным, он завещал похоронить его после смерти рядом с Белинским.

В Вене инициатива чествования памяти Белинского исходила от кружка русской прогрессивной интеллигенции, во главе которой стоял пензенец Павел Федорович Теплов, впоследствии видный участник политического процесса по якутскому делу «Романовцев» в 1904 году. Отбывал он ссылку вместе с одним из учеников и соратников В. И. Ленина — Виктором Константиновичем Курнатовским. На сибирских этапах встречался с чле-

нами Киевского союза борьбы за освобождение рабочего класса и Донского комитета С. В. Пом[illegible] М. С. Зеликман. Знал И. В. Бабушкина и М. [illegible]кого, а также многих других политических заключенных.

Гeплов являлся не только революционером, [illegible] способным литератором. На собрании русских студентов в Вене 26 мая (7 июня) 1898 года он выступил с рефератом о Белинском. Обстановка, по сообщению корреспондента газеты «Сын отечества», была праздничная. На возвышении стоял украшенный портрет Белинского, прекрасно исполненный местным художником. Кроме реферата докладчик зачитал письмо Белинского к Гоголю. После официальной части публика встретила [illegible] через волшебный фонарь репродукции с портрета критика и известной картины Наумова «Белинский перед смертью».

Торжественно отметил пятидесятилетие со дня кончины Белинского Париж. На вечере, устроенном 26 мая (7 июня) в одном из столичных театров, присутствовали писатели, художники, учащаяся молодежь. Участники вечера тепло приветствовали дочь Белинского Ольгу Виссарионовну и ее детей Евгения и Владимира [illegible]ков критика. С докладами о творчестве Белинского выступили Н. Русанов, Е. Семенов. Во время торжественного акта на имя О. В. Бенси из Пензы пришла телеграмма. В ней говорилось: «Лица, явившиеся в Пензу, чтобы почтить 50-ю годовщину Вашего знаменитого [illegible] приносят Вам свою глубокую признательность и горячую симпатию. Они очень сожалеют, что [illegible] откладывать открытие памятника».

В ответной телеграмме Ольга Виссарионовна писала: «Мыслью и сердцем я с Вами, хотя и далеко от Вас».

В период подготовки и проведения юбилея Белинского почти все журналы и газеты опубликовали статьи, посвященные его жизни и деятельности. Так, в [illegible] номере «Русского богатства» со статьей «Памяти Белинского» выступил В. Г. Короленко. Высоко оценивая заслуги гениального критика в развитии русской литературы, Владимир Галактионович писал: «Нет, весь я не умру»,— мог бы сказать Белинский вместе с великим поэтом, и пока будет звучать русская речь, до тех пор, наряду с именами Пушкина, Лермонтова и Гоголя, каждое новое поколение будет вновь и вновь слышать имя

Виссариона Белинского и перечитывать его пророческие страницы

Разносторонне освещался юбилей Виссариона Григорьевича в украинской, армянской, латвийской, белорусской печати, а также в славянских странах. Примечательна в этом отношении статья Хомлели (Р. Панцхава), опубликованная в журнале «Моамбе» («Вестник»), посвященная творчеству великого критика. В ней автор [illegible]ывал, что Белинский оказал большое воздействие на грузинскую литературу, и призывал общественность достойно почтить его память в день кончины

Литературовед А. Николадзе в своем исследовании «Русско-грузинские литературные связи» (с. 74) [illegible] статья... является замечательным образцом глубокого разбора философско-эстетических воззрений Белинского. Грузинский критик с исключительной [illegible] основные положения эстетической концепции Белинского, но и дает интересный анализ [illegible] сложному... пути философских исканий, который [illegible] пройден русским мыслителем. Хомлели про[illegible] [illegible] критическое чутье и оценивает наследие Белинского с прогрессивно-демократических позиций.

Такой высокий отзыв о публикации на страницах журнала «Моамбе» весьма справедлив, ибо в ее осн[illegible] [illegible] высказывания о великом критике, взятые из произведений Плеханова, с которыми Хомлели хорошо был знаком. В частности, характеризуя философско-эстетические взгляды великого критика на искусство, он писал: «Незыблемый эстетический кодекс Вис. Белинского состоит из пяти пунктов. Первый — общепризнанный — пункт гласит о том, что поэт должен показывать, а не доказывать; художник должен мыслить образами, а не рассуждать силлогизмами. Философ говорит с нами языком силлогизмов, поэт — художественными образами

Высшая красота,— указывал далее автор,— проявляется в истинности и простоте; правдивость и естественность — существенная сторона, необходимое условие [illegible] творчества. Поэт должен рисовать жизнь такой, какая она есть, без прикрас. Это второй закон эстетического кодекса Белинского.

Третий закон гласит, что идея, которая положена в основу произведения искусства, должна быть конкрет-

[illegible]
личении или ум[illegible]
сторону предмета, [illegible]

В силу четвертого [illegible]
[illegible]ства должна пол[illegible]
[illegible]ся — форм[illegible]

По пятому, и последн[illegible]
изведения искусства д[illegible]
[illegible]рмоническое це[illegible]

В этой же статье Х[illegible]
[illegible]иняввших вели[illegible]
[illegible]и и в измен[illegible]
[illegible]
Григорьевич никогда [illegible]
творчество прони[illegible]
[illegible]ли с борьбой за [illegible]
[illegible]
[illegible]елами своими [illegible]
[illegible]ресы

Конкретизируя эти [illegible]
[illegible]нский не только о[illegible]
и проницательностью, но [illegible]
[illegible]ир были поистине прекр[illegible]
преисполненные эн[illegible]
[illegible]ражаются в его статья[illegible]
[illegible]вы. Именно [illegible]
[illegible]ие на читателя. Ес[illegible]
[illegible]ика, можно ясно увидет[illegible]
и полезными мыслями, [illegible]тате[illegible]
большую любовь [illegible]
[illegible] Хомлели [illegible] интер[illegible]
[illegible]урной деятельности Белинского св[illegible]
[illegible]то в его произведениях [illegible]еподствующее место [illegible]
[illegible]зать исторический и общественн[illegible] элемен[illegible] Таким
образом, он отверг абсолютистские [illegible]гляды [illegible]тал на
почву материалистической [illegible]

Статьи о великом рус[illegible] кр[illegible] были напе[illegible]
в ряде латышских периодических изданий [illegible]
сти в журнале «Балтия[illegible]ественс[illegible] газете [illegible]
В них говорилось о том, [illegible]о Белинск[illegible]
[illegible]ельной личностью не т[illegible]своего време[illegible]
последующих поколений [illegible]
его жизнь служат пример[illegible] преодолении тр[illegible]
и тех невзгод, которые т[illegible]остым л[illegible]

Но особый интерес у читателей вызвала обширная публикация Я. Райниса, помещенная в мартовском, июньском, июльском номерах журнала «Маяс виеса менешкастс». Хотя называлась она «Александр Пушкин», но все ее содержание было проникнуто идеями великого критика. Автор основательно знал не только его программные статьи о гениальном русском поэте. Ему были известны также ежегодные литературные обзоры, суждения Белинского о творчестве Гоголя и Лермонтова. Ссылаясь на Виссариона Григорьевича, Райнис писал, что в Пушкине полностью отразилось его время; начиная с него, русская литература становится подлинно русской и вместе с тем всемирной.

Достойно почтили память выдающегося революционного демократа в Болгарии. Статьи о его жизни и деятельности были опубликованы в журналах «Заря», «Болгарский сборник», «Современное обозрение» и многих газетах. Известный историк и критик, пропагандист марксизма и русской литературы Г. Бакалов перевел и напечатал в Варне речь Плеханова о Белинском, произнесенную в Женеве, Цюрихе и Берне.

Исключительное внимание к наследию писателя проявили книгоиздатели, выпустившие в юбилейном году десять избранных сочинений великого критика. Такого события никогда еще не наблюдалось в истории не только русской, но и мировой литературы. Причем, три из них вышли большим форматом, в двух или четырех томах, имели сравнительно недорогую цену. Это способствовало значительному распространению произведений Виссариона Григорьевича, открывало доступ к ним более широким читательским кругам.

Однако данные издания, как отмечал В. Е. Якушкин в статье «Белинский, его друзья и враги», не отвечали научным требованиям. В них допускались произвольные сокращения, неточности. Значительная часть материала оказалась не сверенной с автографами. В частности, автор публикации указывал, что «рукописи одиннадцати статей, доставленных на выставку в Москве и бывших прежде в распоряжении Кетчера, показывают, что пользование рукописями было недостаточное. Между тем последующие издатели спокойно, без всякого редакторского труда, перепечатывали текст первого издания».

В. Е. Якушкин и известный библиограф П. А. Ефремов решили освободить некоторые тексты от цензурных

и редакторских искажений, восстановить их по рукописям. В результате был издан небольшой сборник под названием «Семь статей В. Г. Белинского» [illegible].

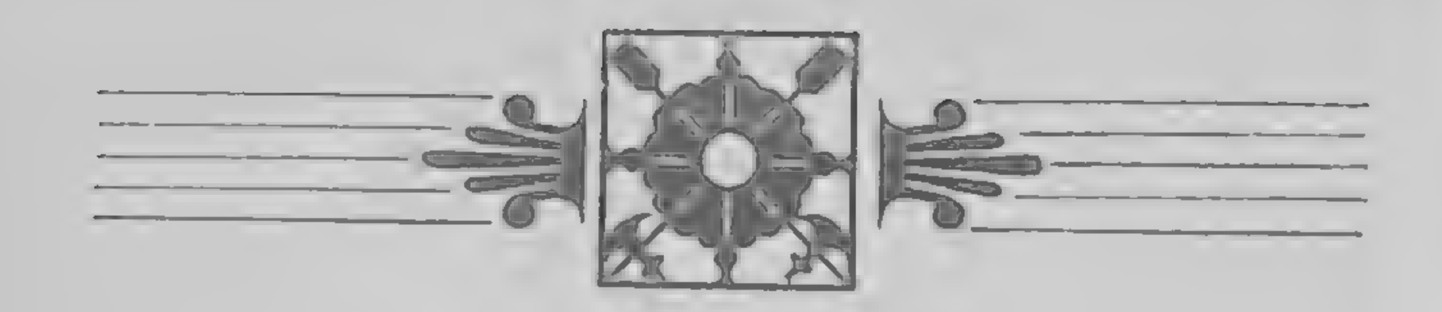
Это издание, по определению С. И. Машинского, показало, сколь бесцеремонно обращались с рукописями великого критика редакторы журналов «Отечественные записки» и «Современник» — Краевский и Некрасов. Они не только «стилистически» правили его статьи, но порой даже искажали их смысл. Так, в статье о сборнике «Сто русских литераторов» Белинский писал: «Картинка к повести Вельтмана очень плоха». В журнальном же тексте после редактуры Краевского появилось: «порядочна».

Таким образом, труд, предпринятый В. Е. Якушкиным и П. А. Ефремовым, показал настоятельную необходимость выпуска в свет нового, наиболее [illegible] полного собрания сочинений Белинского, в которое вошли бы многие его выдающиеся произведения, не включенные ни в одно из ранее выходивших изданий. Среди них знаменитое «Письмо к Гоголю».

В 1898 году за подготовку первого Полного собрания сочинений Виссариона Григорьевича взялся профессор С. А. Венгеров. Это было важным шагом по пути более глубокого изучения творчества писателя. Ученый собрал богатый материал об истории написания наиболее крупных статей и рецензий, сверил их по возможности с первоисточниками, выявил около пятисот новых публикаций, принадлежащих перу Белинского. Впервые были введены в научный оборот его ранние произведения, переводы, часть сведений из записных книжек, переписка с современниками. Кроме того, Венгеров успел подготовить и снабдить более половины произведений великого критика ценными в фактическом отношении комментариями. Но в характеристике его политических, философских и эстетических взглядов ученый допустил ошибки.

Здесь же надо отметить, что цензурные и отчасти финансовые затруднения осложнили дело с выпуском собрания сочинений Белинского. Если седьмой том вышел в свет в 1904 году, то одиннадцатый — лишь в 1917 году. После смерти С. А. Венгерова издание завершил его ученик, известный советский текстолог В. С. Спиридонов. Двенадцатый том увидел свет в 1926-м, а последний, тринадцатый, — в 1948 году.

7 Заказ 100

В ПАМЯТИ НАРОДНОЙ

Прошедший юбилей Белинского, с одной стороны, свидетельствовал о том, что его имя стало для сотен тысяч простых людей символом правды и свободы, прекрасным примером служения своему народу в борьбе с самодержавием. С другой же стороны, в новых исторических условиях, когда в России до предела обнажились социальные противоречия и она оказалась «беременной революцией», когда с небывалой силой обострилась борьба демократической культуры с буржуазной, творчество революционного демократа снова оказалось под огнем многочисленных реакционеров.

Уже в дни, когда все прогрессивные слои русского общества чествовали память великого критика, монархическая газета «Московские ведомости» писала: «Мы хотели бы помянуть его теплым словом. Любя литературу, мы не можем не любить таких ее представителей, как Белинский. Своего определенного и стройного миросозерцания у него не было. Он шатался, как тростника от ветра, от каждого дуновения «свободного воздуха Европы». Для русской литературы не проистечет ничего, кроме страшного вреда, от признания за Белинским, даже 50 лет после его смерти, непогрешимого авторитета, права духовного руководства. Уйдя на Запад в поисках истины, он ушел от нее так далеко и так далеко увел интеллигентную русскую публику, что и до сих пор мы продолжаем блуждать, и до сих пор принимаем болотные огоньки за лучезарное солнце».

Вместе с издателями «Московских ведомостей» высказали свое отношение к Виссариону Григорьевичу и газета «Русский труд» — этот «покрывшийся плесенью

отголосок славянофильского течения». Ее редактор Шарапов, пытаясь развенчать великого критика, писал: «Белинский — увы! для наших поколений совершенно пустой, хотя несомненно исторический и милый звук. Все, что он говорил, совершенно утратило всякое обаяние, мы чуть не сказали: всякое значение — теперь».

К гонителям всего передового в русской культуре присоединились последователи презренного Акима Волынского в лице всевозможных борзописцев, группировавшихся вокруг декадентских изданий «Мир искусства», «Новый путь», «Золотое руно» и других. Особенно среди них выделялся своей реакционной сущностью журнал «Весы». Его ведущие критики восхваляли «творения» своего собрата, говорили о том, что имя Волынского должно остаться в истории русской литературы, ибо он не чета «каким-то канувшим в Лету Белинским и Добролюбовым».

Выступая против реализма, буржуазные идеологи на страницах «Весов» ратовали «за абсолютную свободу творчества», извращали и поливали грязью идейно-эстетические позиции революционных демократов. Защитники аморального, салонного искусства утверждали, что в 40-х и 60-х годах прошлого века все-де было подчинено «натуралистической» критике Белинского, Чернышевского, Добролюбова и это якобы подавляло творчество писателей, лишало их возможности создавать «истинно художественные произведения».

Не довольствуясь общими рассуждениями, апологеты «чистого искусства» сосредоточили свои удары на творчестве Виссариона Григорьевича. Их привело в крайнее негодование появление многих статей, в которых передовые общественные деятели, писатели, публицисты отдавали должные почести памяти великого критика. В связи с этим один из столпов редакции журнала «Весы», некто Б. Садовский, вспомнив строки из «Северной пчелы», вслед за К. Полевым повторял давно избитые мнения недругов гениального мыслителя. «Белинский, — разглагольствовал Садовский, — всю жизнь поддавался чужим влияниям. Сбитый с толку друзьями, он под конец жизни все более и более погружался в болото ежедневности, от эстетических созерцаний уходя в крайности социализма. В последние годы его идеалы сознательно сводились к «печному горшку». Критические выводы Белинского, при всех своих досто-

нииствах, поражают односторонностью и поспешностью суждений...»[1]

Буржуазным идеологам помогали царские сатрапы. В обоюдном союзе они стремились искоренить все то чего смогли добиться почитатели бессмертного наследия Белинского в период подготовки пятидесятилетней годовщины со дня его смерти. Правительство поручило проверить, что вышло к этой знаменательной дате и пос[illegible] Виссариона Григорьевича. В результате прислужники самодержавия обнаружили «вопиющие факты». Издатели Ф. Ф. Павленков и Ф. И. Иогансон выпустили в свет первое в Петербурге, а второе в Харькове четырехтомное собрание сочинений великого критика. Оба выпуска прошли через цензуру и не встретили никаких осложнений. Однако в октябре 1903 года департамент полиции министерства внутренних дел обратил внимание на четвертый том издания Иогансона, в котором было напечатано письмо Белинского к Гоголю.

В главное управление по делам печати последовал запрос: «Действительно ли книга разрешена к печати, так как в письме Белинского содержатся чрезвычайно резкие суждения о самодержавии, о православном духовенстве и о политическом строе России вообще, совер[illegible] подцензурной печати». По[illegible] же запрос последовал и на издание Павленкова, где также обнаружили это крамольное произведение Белинского. В результате цензоры понесли наказание. А главное управление по делам печати 12 ноября 1903 года вынесло секретное постановление. В нем указывалось «Не допускать на будущее время печатания означенного письма как в отдельных изданиях, так и в собраниях сочинений упомянутого автора, а также не дозволять вообще его перепечатки полностью или в извлечениях»[2]

Но идеи и сама личность Белинского были дороги лучшим людям России. Он являл собой образец стойкости, верности тому делу, которому посвятил всю свою жизнь. 26 мая 1900 года в Петербурге на доме Галченкова по Лиговской улице Союзом русских писателей была установлена первая мемориальная доска, текст которой гласил: «В этом доме скончался 26-го мая 1848 года Виссарион Григорьевич Белинский».

В разгар забастовочного движения на юге России и Украине харьковские социал-демократы выпустили ли-

стовку, которая была опубликована в первом номере ле
нинской «Искры». Авторы прокламации, обращаясь к
трудящимся массам, писали: «Погляди, сколько лучш
сынов твоих томятся в застенках. Новиков и Радищ
Пушкин и Лермонтов, Герцен и Лавров, Белинский и
Чернышевский, тысячи менее талантливых, но не менее
любящих родину, подвергались гонению —
ди

В 1901 году газета «Квали» — орган грузи
марксистской организации «Месами-даси» — опу
вала статью о жизни и творчестве Виссариона Гри
евича. В ней рассказывалось о русском про
свободы, о роли его наследия в борьбе с самодержави

Ряд публикаций, посвященных великому критику,
можно найти в белорусских изданиях. Так, в «Минском
листке» (№ 30) за 1900 год была напечатана статья «Бе
линский об освобождении крестьян». В 1903 году газета
«Северо-западный край», находившаяся под вли
большевиков, отмечая двадцатилетие со дня кончины
великого русского писателя Тургенева, поместила на
своих страницах материалы «Белинский о Тургеневе
(№ 249) и «Встреча Белинского с Тургеневым» (№ 267)
В них говорилось о влиянии идей великого критика на
автора «Записок охотника» в изображении крепостной
деревни, проводилась мысль о том, что в пореформенн
период положение трудового люда нисколько не улуч
шилось. Он также стонет под пятой эксплуататоров

С большим сочувствием отнесся к чествованию па
ти В. Г. Белинского магистр Гарвардского университе
та Лео Винер. Будучи в 1898 году в Петербурге, он
проявил искренний интерес к трудам А. Н. Пыпина, под
его руководством изучал историю развития российской
словесности. Вернувшись в США, он издал антологию
русской литературы, второй том которой вышел
1903 году. В нем значительное место было отведено Бе-
линскому. Основываясь на работах Пыпина, Л. Винер
высоко оценивал заслуги Виссариона Григорьевича,
объективно освещал его литературно-критическую дея
тельность. Американские читатели впервые получили
наиболее полную информацию о гениальном русском
мыслителе.

С усилением революционной борьбы трудящихся и
событиями русской буржуазно-демократической револю-
ции 1905 года Венгеров опубликовал отдельным издан-

ем «Письмо к Гоголю». Во вступительной статье он называл это выдающееся произведение русской публицистики первым политическим памфлетом, сыгравшим ...мную роль в истории русской общественной ...и.

...устя несколько недель в Петербурге читатели по... еще одно издание «Письма к Гоголю». Его вы... в свет В. Яковенко.

Прогрессивный журнал «Былое» (1906, № 5) в раз... е «Историческая библиография» поместил отзыв В. Богучарского. Книгоиздательство «Светоч», указы...н, в серии «Избранные произведения политической ...туры» выпустило знаменитое «Письмо к Гоголю» ...редисловием С. А. Венгерова. Оно, подчеркивал ре...ент, «неоднократно печаталось за границею, но в России никогда не появлялось в отдельном издании». И ...ее, оценивая значимость «Письма к Гоголю», В. Бо...рский писал: «...это обвинительный акт против всей ...хи, продолжавшейся от царствования Николая I до наших дней».

Но ярые монархисты и проповедники помещичье-...остнической идеологии встретили издание «Письма ... Гоголю» в штыки. На страницах их органа «Русского вестника» выступил с «Литературным обозрением» редактор реакционной газеты «Свет» Н. Я. Стечкин, скрывшийся под псевдонимом Н. Я. Стародума. Изливая свой гнев на Венгерова за его «приверженность к Белинско... он вещал: «Письмо это у всех людей либерального образа мыслей сделалось своего рода каноном и таким ...лось доныне». Не скрывая ненависти к революционн...у демократу, Стародум заявлял: «На самом же де... письмо Белинского есть крик надорванного болез...ного существа, тревожная злоба человека, не понявшего прочитанной книги...»

Фальсифицируя исторические факты, Стародум с явным апломбом поучал: «Гоголь стоял на самодержа...и, православии и народности и находил, что современный ему строй затемняет и искажает эти начала». Поэтому-то он «искал все спасение в Христе, в молитве», а Белинский не понял столь «высоких порывов» и опо...рочил «благородные побуждения», содержащиеся в книге «Выбранные места из переписки с друзьями».

Подводя итог сказанному, автор «Обозрения» писал: «Весь трагизм с письмом Белинского заключается в том,

что и Гоголь, и Белинский шли разными дорогами. Дороги эти никогда не могли встретиться...».

Кстати, подобная трактовка «Выбранных мест» привлекает внимание некоторых русистов на Западе. В частности, современный американский литературовед Р. Магвайр отмечает: «Эта книга была на свой лад столь же революционна, как только мог мечтать о том Белинский, но путь Гоголя не был его путем».

Однако поход черносотенцев против Белинского не мог остановить дальнейшего распространения его наследия. Например, в 1907 году отдельным изданием вышло «Письмо к Гоголю» на латышском языке в Риге. Один из экземпляров этой исключительно редкой малюсенькой книжечки теперь хранится в Фундаментальной библиотеке Академии наук Латвийской ССР.

В Болгарии с 1900 по 1906 год было издано три сборника со статьями великого критика о произведениях Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Кольцова, Крылова, Державина, Жуковского и других русских писателей и поэтов. Четвертый сборник назывался «Из сочинений В. Г. Белинского. Искусство. Художество. Творчество. Гений. Публика». В указанное же время вышло несколько исследований творчества гениального мыслителя. Среди них выделялась монографическая работа И. Миларова «Критика Белинского и русская мысль». Положительно отзывались читатели о переведенных на болгарский язык книгах Л. Седова «Педагогические взгляды Белинского» и В. Е. Ермилова «Заветы Белинского молодому поколению».

В 1906 году отдельные статьи Виссариона Григорьевича были переведены на чешский и польский языки. Ряд публикаций о его литературной деятельности появился в хорватской печати.

В это же время на немецком языке вышла книга известного польского языковеда и литературоведа, иностранного члена-корреспондента Петербургской Академии наук профессора А. Брюкнера «Русская литература в ее историческом развитии», которая в 1906 году была переведена А. Г. Саввинским на русский язык. Автор этого довольно обширного исследования уделил большое внимание творчеству В. Г. Белинского.

Проанализировав состояние критической мысли в первой трети XIX века, А. Брюкнер указывал, что ни Бестужев, ни Полевой и Надеждин, ни Киреевский и др.

В[illegible] же [illegible] определенного направления и не [illegible]собствовали «развитию изящной словесности» на реалистических началах. Не сделали этого ни Сенковский ни Погодин, ни Шевырев и другие «ученые мужи». «Настоящего творца,— подчеркивал польский литературовед,— русской литературно-публицистической критики, которая при невозможности всякого другого проявления своего свободного мнения приобретает чрезвычай[illegible] пре[illegible]е не слыханное значение, нужно искать не среди профессоров и аристократов-дилетантов. Вы[illegible] из университета плебей, почти самоучка [illegible] [illegible]гку, среди невозможных условий кое-[illegible] бо[illegible] с нуждою, [illegible] себе [illegible] существование, чтобы попасть потом в лапы III-го [illegible] [illegible]еменная смерть, этот челове[illegible] сделал для духовного [illegible]крешения России бесконечно более, че[illegible] все министр[illegible]митеты и осыпанные титулами и [illegible]дами господа. Мы разумеем «русского Лессинга»... Белинского.. его статьи составляли весь духовный капитал времени; [illegible] провинции молодежь прямо бредила [illegible]

Польский литературовед, характеризуя этапы миро[illegible]ренческого развития и становления В. Г. Белинского, констатировал, что уже в начале 40-х годов он стал пробуждать у читателей чувства социальной несправедли[illegible] пропагандировать гуманные мысли о рабстве и [illegible]постном состоянии. «При новом понимании искусст[illegible],— делал вывод А. Брюкнер,— Белинский должен был на первый план поставить реальное... Он защищает, разъясняет Гоголя («Ревизора», «Мертвые души»), дивится им; он принимает под свою защиту всякий новый талант, в котором чувствует живое направление, как «Бедных людей» Достоевского, первые опыты Гончарова, Герцена, Григоровича...» И далее автор исследования указывал: «Вся последующая литература положительно возросла под благословляющею рукою великого критика; она чувствовала его импульс и всегда с благодарностью признавала это, прославляя его как своего незабвенного учителя...» [4]

Польский ученый говорил о том, что В. Г. Белинский [illegible]рушевил Кольцова, приобщил Лермонтова к читателям», он же, прежде всего, разъяснял старую литературу, отличался своими годовыми отчетами, в которых постоянно касался творчества Пушкина, Грибоедова,

Жуковского, Батюшкова и многих других русских писателей.

В частности, рассматривая «Мертвые души» Гоголя, А. Брюкнер указывал, что «стражи официального благомыслия» враждебно отнеслись к этому творению великого русского сатирика. Они с негодованием писали: «Все герои романа — негодяи или дураки, содержания нет, язык часто вульгарный, искаженный; писатель стоит ниже Поль-де-Кока, дарования у него нет».

И здесь же польский ученый в противовес критикам из «официального лагеря» приводил с некоторыми неточностями слова В. Г. Белинского о «Мертвых душах», который писал: «Среди торжества мелочности, посредственности, ничтожества, бездарности, среди этих пустоцветов и дождевых литературных пузырей, среди этих ребяческих затей, детских мыслей, ложных чувств, фарисейского патриотизма, приторной народности, — вдруг, словно освежительный блеск молнии среди томительной и тлетворной духоты и засухи, является творение чисто русское, национальное, выхваченное из тайника народной жизни, столько же истинное, сколько и патриотическое, беспощадно сдергивающее покров с действительности и дышащее страстной, нервной, кровной любовью к плодовитому зерну русской жизни, творение необъятно художественное по замыслу и выполнению, по характерам действующих лиц и подробностям русского быта, — и в то же время глубокое по мысли, социальное общественное и историческое».

Автор исследования подчеркивал, что «желание критика иметь действительно национальное произведение было выполнено». Свободный от всякого не только подражания, но и иностранного влияния, вышедший из недр России, Гоголь, по мнению А. Брюкнера, мог сказать про себя: «Здесь Русь, здесь Русью пахнет!» И далее польский ученый констатировал: «Поразителен этот реализм, одинаково мастерский как по образам, так и по выражениям, для которого противники сейчас же придумали название «натуральная школа», охотно подхваченное Белинским натуральное направление в противоположность ненатуральному, т. е. ложному; и это в то время, когда в Европе о реализме... еще не думали! Он стал образцом для целых поколений...»

Со смертью В. Г. Белинского, писал А. Брюкнер, все это развитие «вдруг было прервано и остановилось на

целые семь лет». Его имя не могли называть открыто в лекциях, а говорили о нем как «об авторе исследований о Пушкине». Отсутствие критики, указывал польский ученый, порождало оппортунизм, возвращение к эстетике, к положению искусство для искусства... Дружинин и Анненков, весьма почтенные, образованные, одаренные тонким эстетическим чувством критики, совершенно не понимали требований времени, радовались отсутствию тенденций и талантов. Этих теперь не возбуждало пламенное слово Белинского». Но несмотря на полицейские строгости, «его письмо к Гоголю наизусть знали преподаватели гимназий и училищ...» Он был «самым последовательным (наряду с Герценом)... настоящим агенстом и социалистом».

За общение с этим человеком, указывал А. Брюкнер, царское правительство преследовало писателей и других прогрессивных деятелей. В частности, ссылка И. С. Тургенева в 1852 году в деревню, по мнению польского ученого, объяснялась не только написанием «Записок охотника», комедии «Нахлебник», горячего некролога о смерти Гоголя, но и «за другие проступки, за знакомство с «злонамеренными», т. е. Белинским и т. п. людьми».

В 1922 году А. Брюкнер издал на польском языке свою «Историю русской литературы». В этой книге, говоря о В. Г. Белинском, он утверждал, что в области критики, ее влияния на умы современников и последующих поколений «нет ему равного в литературе всего мира».

Исследования А. Брюкнера выходили также на английском языке и широко были известны в Англии, других странах.

Однако следует отметить, как в прежнем исследовании, так и в последней работе о русской литературе, А. Брюкнер не смог до конца выдержать беспристрастный тон в оценке творчества великого критика-демократа. Например, с субъективистских позиций он характеризовал в ряде случаев статьи Белинского о Пушкине, считал, что знаменитое письмо к Гоголю было написано «в порыве гнева» и несло в себе «горячность обвинения».

Польский ученый рассматривал творчество Виссариона Григорьевича в отрыве от исторической обстановки, не учитывал те социальные явления, которые были сопряжены с борьбой народных масс против угнете-

ния и бесправия. Будучи приверженцем бур[illegible]-кадетских взглядов, А. Брюкнер говорил в 1906 году о том, что «русская литературная критика доныне осталась почти только публицистикою, т. е. тенденци[illegible] и партийною» и повинен в этом Белинский, [illegible] «подал такой пример». В связи с этим польский учены[illegible] разделял взгляд Волынского и высоко отзывался о его книге «Русские критики», где утверждалось, что Белинский «поставил литературную критику на ло[illegible] путь»[illegible].

В грозные дни Декабрьского вооруженного восста[illegible] в Москве из Франции в Пензу пришло письмо от К[illegible]лана. В нем скульптор выражал надежду, что «с [illegible]нием народной свободы в России», возможно, удастся в скором времени установить разработанный им п[illegible]ник Белинскому[8]. Члены Общества Лермонтовской [illegible]лиотеки рассмотрели вопрос «О выработке ходатайст[illegible] на предмет ра[illegible]решения Всероссийской подписки и сбо[illegible] средств для памятника Белинскому».

Но революция потерпела поражение. В стране установился режим столыпинской реакции. Банды черносотенцев громили рабочие организации, царское правительство запрещало прогрессивную литературу, в том числе и произведения о Белинском. В такой обстано[illegible] нельзя было поднимать вопрос о памятнике революционному демократу. Обстоятельства осложнялись и тем, что буржуазные интеллигенты в лице кадетов, «легальных марксистов» обрушились с клеветой на русских революционных демократов. В сборнике «Вехи» эти холопы царского кнута и виселицы пытались представить мировоззрение Белинского, как индивидуальное, не зав[illegible]щее от русской действительности и не отражавшее настроение народных масс. Идейные вожди либералов делали вывод, что в России нет революционных традиций и «надо благословлять не Белинского, Чернышевского и Добролюбова, а царствующий трон, который один, с [illegible]ими штыками и тюрьмами, еще ограждает нас (т. е. либеральную буржуазию.— *П. М.*) от ярости народной [illegible]

В защиту революционно-демократических идей Белинского выступил В. И. Ленин, который с юношеских лет проявлял интерес к творчеству великого критика. Н. К. Крупская в статье «О преподавании литератур[illegible] писала: «Ильич хорошо знал... Белинского, Добролюбо

ва, Писарева, Герцена, Чернышевского». Об этом же свидетельствовал известный советский, партийный и государственный деятель, член КПСС с 1895 года, непосредственно работавший с В. И. Лениным, будучи управделами СНК, В. Д. Бонч-Бруевич. В своих воспоминаниях, опубликованных в книге «В. И. Ленин о литературе и искусстве», он удостоверял: «Владимир Ильич [illegible]о изучал нашу отечественную критику. Выше всех он в этой области ставил В. Г. Белинского и Н. Г. Чернышевского. Он находил у Белинского серьезное знакомство с Гегелем, говорил, что Белинский, несомненно, был знаком с произведениями молодого Маркса. Это замечательное провидение Владимира Ильича теперь подтверждено [illegible]

В той сложной исторической обстановке и напряженной идейной борьбе В. И. Ленин всесторонне раскрыл [illegible]оциальные корни мировоззрения Виссариона Григорьевича как идеолога русской революционной демокра[illegible]

Еще в период борьбы за создание марксистской партии Владимир Ильич подчеркивал, что первые русские социалисты, к которым он относил Герцена, Чернышевского, Белинского, жили надеждой и верой в возможность крестьянской социалистической революции. Давая сокрушительный отпор либеральным народникам, которые обвиняли марксистов в том, что они «не желают состоять ни в какой преемственной связи с прошлым и [illegible]ительно отказываются от наследства», вождь пролетариата говорил, что социал-демократы умеют ценить [illegible]омадные исторические заслуги лучших людей своего времени, умеют глубоко уважать их память. В. И. Ле[illegible], что только марксисты являются действи[illegible]иками заветов революционно-демократических деятелей прошлого

Об этом же писал один из первых русских марксистов Н. Е. Федосеев — необыкновенно талантливый, как его оценивал Владимир Ильич, необыкновенно преданный своему делу революционер. Уличая народников в клевете, он свидетельствовал: «Вы говорите, что мы «попираем отцовские идеалы». Этого нет и не может быть! С нашей стороны нужно быть кретинами и нравственными квазимодо, чтобы «попирать» идеалы Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Салтыкова... Мы сами учились по литературным произведениям этих пи-

[illegible] Мы дорожим этими именами, как самым лучшим, драгоценнейшим достоянием русской мысли [illegible]

В. И. Ленин в своей замечательнейшей работе «Что делать?» не только определил место революционных демократов в длительной борьбе с самодержавием, но и рассматривал их как прямых предтечей русской социал-демократии. «...*Роль передового борца*, — подчеркивает он, — *может выполнить только партия, руководимая передовой теорией*. А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов, пусть подумает о том всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература...» [10].

После поражения революции 1905—1907 годов, в период жестоких преследований, Владимир Ильич вынужден был выехать за границу. Но и там он внимательно следил за жизнью России, не прекращал борьбу с силами реакции, отстаивая чистоту и идейность марксистской теории. После выхода сборника «Вехи» В. И. Ленин дважды выступил в Льеже и Париже с публичным рефератом: «Идеология контрреволюционного либерализма (успех «Вех» и его общественное значение)». Один из разделов реферата назывался «Белинский и Чернышевский, уничтоженные «Вехами». В конце 1909 года реферат лег в основу статьи о «Вехах», опубликованной в газете «Новый день», где давалась уничтожающая оценка теоретикам конституционно-демократической партии, которые окончательно отреклись от традиций русской демократии и встали на путь защиты самодержавия и мракобесия

Разоблачая нападки «веховцев» на Чернышевского и Белинского, В. И. Ленин подчеркивал: «Письмо Белинского к Гоголю, вещают «Вехи», есть «пламенное и классическое выражение интеллигентского настроения» (56). «История нашей публицистики, начиная после Белинского, в смысле жизненного разумения — сплошной кошмар» (82).

Так, так. Настроение крепостных крестьян против крепостного права, очевидно, есть «интеллигентское» настроение. История протеста и борьбы самых широких масс населения с 1861 по 1905 год против остатков крепостничества во всем строе русской жизни есть, очевид-

но, «сплошной кошмар». Или, может быть, по мнению наших умных и образованных авторов, настроение Белинского в письме к Гоголю не зависело от настроения крепостных крестьян? История нашей публицистики не зависела от возмущения народных масс остатками крепостнического гнета?»[1].

К творчеству Белинского В. И. Ленин обращался неоднократно и в последующие годы. В статье «Еще один поход на демократию» он указывал на огромный успех в период русской революции 1905 года новой демократической литературы, пропитанной идеями Белинского и Гоголя. Полемизируя с кадетами и, в частности, с органом «веховцев» журналом «Русская мысль», редактируемым главой ренегатов П. Струве, Владимир Ильич характеризовал либеральную буржуазию как трусливую, страшно перепуганную распространением таких книг, как «Письмо к Гоголю».

В свете ленинской историко-литературной концепции Белинский предстает перед нами как один из самых ярких мыслителей и выдающихся представителей революционного движения России XIX столетия. Владимир Ильич всесторонне характеризовал значение деятельности великого критика и его последователей, сыгравших огромную роль в идейном формировании нескольких поколений русских революционеров и воспитании народа в духе свободолюбия, преданности родине.

Вместе с Владимиром Ильичем на защиту революционно-демократических взглядов Белинского встали его ученики и сподвижники. Им приходилось выступать против буржуазных идеологов в период разгула мракобесия и террора, когда особенно усилились разложение и упадничество в среде интеллигенции. Появилась целая орава модных писателей, которые «критиковали» и разносили марксизм, оплевывали революцию. Возникли всевозможные религиозные течения, прикрытые якобы «научными доводами».

Срывая маску с критиканов из декадентских изданий, пытавшихся очернить личность и творчество Белинского, В. В. Воровский писал: «Нет, господа модернисты, ваша нынешняя литература — доподлинный плод буржуазного общества, его гнилой плод, порожденный им и нужный ему для самоуслаждения».

Наследию Виссариона Григорьевича, его заслугам в развитии русской общественной мысли критик-больше-

рии уделял постоянное внимание. Еще в 1906 году он дал достойную отповедь реакционному философу-идеалисту Н. Бердяеву и его компании. В статье «Мятущиеся» и «мечущиеся», опубликованной в четвертом номере журнала «Образование», Вацлав Вацлавович указал, что эти буржуазные приживальщики не прочь вывести свою родословную от Белинского, Добролюбова и выдавать себя за их духовных преемников.

В 1908 году В. В. Воровский снова обратился к имени революционного демократа. В статье «Памяти неистового Виссариона», напечатанной 27 мая в газете «Одесское обозрение», он писал: «Вчера минуло 60 лет с того дня, когда передовая Россия опустила в могилу слабое, измученное тело одного из величайших своих мыслителей и борцов — В. Г. Белинского.

Словно какая-то пророческая рука поставила на грани двух эпох эту могучую фигуру, так ярко отразившую все чаяния и надежды, все горести и страдания подраставшей «безымянной Руси».

Автор публикации, разоблачая иезуитскую тактику реакционеров, с ленинских позиций оценивал формирование мировоззрения Виссариона Григорьевича, говорил о том, что это была натура цельная и непосредственная. Он не мог взирать на философские вопросы с той созерцательной высоты, с какой обыкновенно на них смотрят. Для него мыслить значило жить: эти две области у него так же мало разделялись, как общественное и личное.

Белинский, как и следовавшее за ним поколение,— сделал вывод Вацлав Вацлавович,— был до мозга костей «земным», он был детищем той черной земли, которая рождала столько действительного горя. И надолго никакая система не могла заставить его уверовать в призрачность этого горя. И героизм Белинского — а в нем было много героического — был героизмом не отвлеченного мыслителя, а борца, был по существу не «абстрактным», а политическим героизмом».

Шестидесятилетие со дня смерти гениального мыслителя отметило учительство Белоруссии. В ряде школ и гимназий состоялись литературные вечера, посвященные его памяти. Вопреки препятствиям, чинимым властями, видный сотрудник газеты «Северо-западный край» М. Каролицкий подготовил и поместил в «Минском курьере» за 31 мая статью, в которой деятельность Белин-

ского характеризовалась как целая эпоха в духовном развитии России

В этом же году известный болгарский публицист, пропагандист марксизма Георгий Бакалов перевел и издал в Бургасе статьи Г. В. Плеханова, вошедшие в сборник «Философские и литературные взгляды Белинского». Некоторые газеты и журналы поместили в майских и июньских номерах заметки о великом русском критике

В ожесточенной полемике с реакционерами передовые круги России из числа писателей, публицистов уже в 1909 году поставили вопрос о подготовке к столетию со дня рождения Виссариона Григорьевича. Первые ано-нимные публикации, связанные с этим событием, появились на страницах «С.-Петербургских ведомостей» (№ 214, 218)

Однако условия для проведения данного мероприятия были весьма неблагоприятными. Царское правительство сурово карало тех лиц, которые осмеливались распространять революционно-демократические идеи Белинского Так, в 1909 году либеральный историк В. Я. Богучарский выпустил книгу «Три западника сороковых годов», куда вошло знаменитое письмо великого критика к Гоголю. Кабинет министров незамедлительно принял постановление об аресте и уничтожении всего издания

Несколько позже царским чиновникам попалась небольшая брошюра с возмутительными, по их мнению, выражениями. Граф Головин в своем отношении от 7 июня 1910 года на имя прокурора С.-Петербургской судейской палаты писал: «Главное управление по делам печати препроводило в С.-Петербургский комитет по делам печати экземпляр брошюры под названием «Г. Плеханов. В. Г. Белинский».

Имя Белинского послужило только предлогом для автора вышеназванной брошюры выразить свое революционное настроение и свою революционную догму. Но вместе с тем г. Плеханов позволил себе высказать дерзостное неуважение к верховной власти в следующих выражениях: на стр. 17: *«на одну вас доску со всеми царями, попами и плантаторами»* и на стр. 18: «но мы не служили в Третьем отделении, мы не клялись быть верными жандармами его петербургского величества, и нам позволительно смотреть на дело с другой стороны»

Усмотрев в приведенных фразах признаки преступления, караемого по ст. 128 уголовного уложения... коми-

тет имеет честь покорнейше просить Ваше превосходительство возбудить судебное преследование против автора брошюры г. Плеханова, издательницы Р. Н. Р[illegible]берг (сведений о сих в комитете не имеется), а равно и против других лиц, могущих оказаться [illegible] по этому же делу [illegible].

В этом документе сообщалось о «Речи [illegible] Плеханова, произнесенной им в Женеве, Цюрихе [illegible] по случаю пятидесятилетия со дня кончины В[illegible] Григорьевича и изданной в России восемь [illegible]. Н[illegible] граф Головин допустил в своем отношении [illegible]. Выделенные курсивом слова принадлежали не [illegible] «Речи», а самому Белинскому, которые [illegible] «Былом и думах» Герцен.

Учитывая сложившуюся обстановку, педаг[illegible] коллектив гимназии и члены правления публ[illegible] библиотеки имени В. Г. Белинского в городе Чембаре обратились к Обществу Лермонтовской библиотеки с предложением, чтобы совместными усилиями добиться от правительства разрешения на открытие Все[illegible] подписки по сбору средств для сооружения Народного дома в память о своем земляке. «Такое учреждение, — указывал в докладе инспектор народных училищ М. К. Нечаев, — у нас быстро завоюет симпатии всего населения и будет оценено народом по достоинству [illegible]».

Неоднократные напоминания общественности Чембара и Пензы заставили именитых сановников пойти на уступки ревнителей памяти великого критика. Понимая происшедшие в России изменения, царь вынужден был 31 декабря 1909 года дать «всемилостивейшее соизволение» на «повсеместный в империи сбор пожертвований для устройства, в ознаменование исполняющегося 30 мая 1911 года 100-летия со дня рождения В. Г. Белинского, Народного дома его имени в городе Чембаре» [illegible].

Каждый, кому были дороги немеркнущие идеалы выдающегося сына русского народа, стремился вложить посильную лепту в благородное дело. Всего в подписке приняло участие около двухсот пятидесяти тысяч человек. В большинстве — это рабочие, мелкие служащие, крестьяне. Поэтому часто пожертвования составляли 10—15, реже 25—30 копеек. Лишь учителя и некоторые писатели, ученые вносили несколько больше. Так, из Кутаисской дворянской гимназии девять преподавателей пере-

[illegible] в Чембар [illegible] 30 [illegible] на сооружение Народного дома [illegible] 42 тысяч рублей. На эти деньги, [illegible] сторо[illegible] в 1914 году [illegible] А. Ба[illegible] [illegible] приобретен [illegible] ен приле[illegible] [illegible]

[illegible] В. Г. Бе[illegible] [illegible] ков необъятной Р[illegible]

Здание [illegible] сохранилось в [illegible] бережно хранит [illegible] тых [illegible]

Велик [illegible] Гри[illegible] горьевича [illegible] [illegible] ном. [illegible] комиссия [illegible]

[illegible] В. Г. Белинского [illegible] великого [illegible] Под [illegible] и пуб[illegible] [illegible] пензен[illegible]

[illegible] высо[illegible] великого [illegible] составлен-

ный еще в 1898 году М[illegible] Белинск[illegible] белочен[illegible] 1912 [illegible] [illegible]ешался [illegible]

[illegible]рытия [illegible]сь торжественное собрание. От имени [illegible] [illegible]оителей росс[illegible]ском университете собравшихся прив[illegible] [illegible]ем чествования своего земляка профессор Н. Н. Сакулин. Он зачитал реферат «О зн[illegible] в истории русского теа[illegible]

В [illegible]ериод [illegible] [illegible] в улицу имени В. Г. Б[illegible]

[illegible] предложенный инженером Б[illegible]ект здания под Народный дом имени В. Г. [illegible] Пензе. В следующем, 1912 [illegible]ство этого примечательного памятника. Но ране[illegible] [illegible]е средства городское управление не выделило. В результате строительство Н[illegible] несколько лет. Только [illegible] фундамен[illegible]стоящее время располагается областная [illegible] М. Ю. Лермонтов[illegible]

[illegible]мечали столетие со дня рождения В. Г. [illegible] в Киеве, Одессе, Казани, Кишиневе[illegible] [illegible]инициативе местных писателей, поэтов, учител[illegible] [illegible]шли литературные вечера, в которых активное участие [illegible]нимала учащаяся молодежь. В Екатеринбурге (в на[illegible]стоящее время город Свердловск) передовая интеллиген[illegible] [illegible]билась, наконец, разрешения на присвоение мест[illegible] [illegible]блиотеке имени Белинск[illegible]

Особенно важное значение в оценке наследия в[illegible]ющегося революционного демократа имели выступлен[illegible] большевиков-ленинцев. В дни юбилея 29 мая в газете «Терек», издававшейся во Владикавказе, была напеча[illegible] статья С. М. Кирова «Великий искатель». В ней автор, характеризуя эпоху Белинского, указывал: «Он воплотил в себе протест против окружающей «гнусной действительности» и все величие своего гения устремил [illegible]тыскание истины»

Рассматривая формирование взглядов выдающегося мыслителя, Сергей Миронович подчеркивал, что Белин-

ский прошел в своих теоретических исканиях сложный путь от идеализма к материализму. Его не могли удовлетворить философские системы Запада, и каждая из них служила переходной ступенью от одного миросозерцания к другому».

В заключение статьи С. М. Киров писал: «Тургенев назвал Белинского «центральной фигурой». Вернее было бы назвать его Моисеем русской общественной мысли, который вывел ее из темных лабиринтов голой абстракции на торную дорогу реализма».

5 июня 1911 года в «Черноморском портовом вестнике» увидела свет статья В. В. Воровского «В. Г. Белинский». Пользуясь случаем, Вацлав Вацлавович умело пропагандировал марксистские идеи. Он говорил, что помянуть этого замечательного человека имеет право не только образованная Россия, но в еще большей мере громадная масса бедноты, в частности рабочий люд. Ибо Белинский по положению своему и по мировоззрению являлся разночинцем, выходцем из низов русского общества. Автор указывал, что в условиях эксплуатации человека человеком разночинец, живущий литературным трудом, оставался интеллигентным пролетарием. Как у фабричного рабочего наших дней, — подчеркивал В. В. Воровский, — так и у пролетария-интеллигента нет ничего, кроме своей рабочей силы, которую он вынужден продавать разным предпринимателям, чтобы было на что жить. Белинский, написавший за свою короткую жизнь двенадцать громадных томов, жил полунищим и умер полунищим — точь-в-точь как любой пролетарий, который после годов труда и муки оставляет семью без куска хлеба.

Далее автор свидетельствовал, что Белинский «во многом думал так, как думают теперь миллионы пролетариев в разных концах мира. Правда,— пояснял В. В. Воровский,— в те времена еще и в Западной Европе рабочее движение было в младенческом состоянии, и теория этого движения еще путалась в тумане так называемой утопии. И к этому-то «утопическому социализму», как его принято называть, тянулась жадная мысль Белинского».

Широко освещали деятельность великого русского критика многие газеты, журналы братских народов России и зарубежная печать. Например, выдающийся латышский писатель А. М. Упит, невзирая на разгул ре-

авили, говорил о Белинском как учителе жизни. А газета «Ригас Авизе» писала о Виссарионе Григорьевиче: «Каждая его критика является отдельным произведением искусства».

В 1914 году увидели свет письма Белинского, изданные Е. А. Ляцким в трех томах. Предпринятый им труд имел огромное общественно-политическое значение для изучения творчества Белинского. Переписка критика наиболее полно раскрывала его социальные, философские, эстетические взгляды.

Издание эпистолярного наследия Виссариона Григорьевича сразу же получило широкое признание. Важно было и то, что Е. А. Ляцкий включил в трехтомник знаменитое письмо к Гоголю.

По всей вероятности, об этой публикации «Письма» сообщала дочь И. Ф. Арманд весной 1914 года в Париж. В ответном послании Инесса Федоровна делилась своими мнениями: «Письмо Белинского, о котором ты мне пишешь, я знаю. Оно действительно очень интересно и в свое время имело большое общественное значение. Вообще Белинский — удивительный человек! Все его письма, по-моему, очень интересны».

До сего времени не установлено, каким образом Е. А. Ляцкому удалось в жестоких цензурных условиях опубликовать письмо Белинского к Гоголю. Можно предположить, что издатель шел на определенный риск. Не случайно в предисловии он указывал: «При всем желании напечатать приводимые письма Белинского во всей полноте, редактор счел необходимым подвергнуть исключению некоторые строки и отдельные слова и фразы, заключавшие в себе выражения слишком резкие... Весьма немногие исключения сделаны, затем, в тех местах писем, где Белинский касался особенностей современного ему политического состояния России; эти исключения, относящиеся лишь к отдельным словам и выражениям, нигде не изменяют, впрочем, существа высказанных им мыслей».

Подобная оговорка могла в какой-то мере «усыпить» бдительность цензоров. Но в других случаях они беспощадно карали тех лиц, которые пытались обнародовать знаменитый манифест великого критика. В том же 1914 году в московской типографии А. Д. Плещеева было отпечатано отдельное издание письма Белинского к Гоголю. Комитет по делам печати сразу же конфиско-

вал весь тираж, а виновных в выпуске брошюры при-[illegible] ответственности.

Как и раньше, вместе с царскими сатрапами высту-пали против идей Белинского махровые реакционеры. [illegible] защитника «чистоты» русской лите-ратуры [illegible] ярых декадентов Ю. Айхен-вальд. В своих [illegible] «Силуэтах» он изрекал, что Белинский — это человек без духовной собственности, [illegible], без [illegible] натуры, без инстинкта [illegible] — внутреннее мещанство, прирожденная ограниченность, отсутствие нравственного [illegible] и благород-ства».

По мнению Ю. Айхенвальда, Белинский был «повин-ней в том, что русская культурная традиция не имеет прочности», «это он расчистил дорогу публицистической критике и губительному течению тенденциозности». И далее этот [illegible] враг реализма писал: «В целом прославленный критик — [illegible] явление в истории русской литературы и даже во всей истории русской культуры».

Спустя год патентованный клеветник выпустил кни-гу «Спор о Белинском», которая явилась верхом всей [illegible] в извращении мировоззрения великого крити-ка. Выхватывая отдельные цитаты, искажая их суть Ю. Айхенвальд занимался прямой подтасовкой фактов. Например, он утверждал, что письмо Белинского к Го-голю «не совсем революционно». Почему же? А по про-стой причине. Так, перечисляя «самые живые, современ-ные вопросы в России», заявлял автор пасквиля, Белинский называл среди них «ослабление телесного наказания». «Согласитесь, — осклабившись, утверждал Ю. Айхенвальд, — что это далеко от максимализма». В подтверждение своих доводов он ссылался на первую публикацию письма, т. е. на «Полярную звезду» Герце-на, «который, — как указывал на страницах своей кни-ги Ю. Айхенвальд, — непосредственно от Белинского выслушал черновик зальцбрунского послания, где зна-чится «ослабление». Но в «Полярной звезде» на 67-й странице написано: «Самые живые, современные, нацио-нальные вопросы в России теперь: уничтожение крепост-ного права, отменение телесного наказания, введение по возможности строгого выполнения хотя тех законов, ко-торые уже есть». Таким образом, даже простое сопос-

тавление текста «Полярной звезды» с высказываниями Ю. Айхенвальда свидетельствует о всей их лживости.

Однако не всегда Ю. Айхенвальд возводил хулу на Белинского. Матерый эстет писал и о «положительных» сторонах деятельности великого критика, который, по мнению автора-фальсификатора, «высказывал много верных и ценных идей... о первенстве формы». Ю. Айхенвальду очень хотелось взять в «союзники» Белинского, дабы оправдать свою теорию «чистого искусства». Но великий критик не отделял форму от содержания. Он утверждал, что форма есть выражение содержания, и что с ним так тесно связана, что отделить ее от содержания — значит уничтожить само содержание. «В искусстве, — писал Белинский, — иначе мысль и не передается, как через содержание и форму» (X, 253, 254).

Сейчас можно было бы и не вспоминать о клеветнических измышлениях всевозможных волынских, бердяевых, айхенвальдов и им подобных, о которых давно уже забыла история. Но их «труды» покоятся на полках буржуазных идеологов. В них время от времени заглядывают и, стряхнув пыль, выискивают «факты» для своих суждений о развитии русской культуры, ее традициях. Взять, к примеру, хотя бы книжку Станислава Мацкевича. Называется она «Достоевский». Бывший премьер эмигрантского польского правительства больше пишет не о Федоре Михайловиче, а о русских революционных демократах. Не скупясь на выражения, он вещает, что Чернышевский «лично, несомненно, был человеком благородным», но «лишен таланта». О Белинском С. Мацкевич говорит более категорично: «Особенность его состояла в том, что он умел навязывать другим свое мнение» и его «неизвестно почему слушались современники». Однако самое главное заключалось в другом. Следуя за Айхенвальдом, автор утверждает, что «ряд богатых людей делал все, чтобы создать этому бедняге жизненные удобства, и Белинский принимал это, как должное».

На основе «Силуэтов русских писателей», указывает литературовед В. Р. Щербина, написана статья английским «советологом» И. Берлиным «Человек, который стал мифом». Подобно Айхенвальду, автор также с ненавистью относится к великому критику, пытается доказать, что Белинский «провозглашал свои истины миру в

[illegible] ложих и невыразительных пред-[illegible].

Американский профессор Р. Матьюсон в книге «Положительный образ в советской литературе» в характеристике русских революционных демократов, не ссылаясь на Айхенвальда, многое заимствует у последнего. Подобно ему, ученый из Колумбийского университета заявляет, что Белинский, Чернышевский и Добролюбов никогда якобы «не понимали эстетической природы искусства, поскольку видели в литературе лишь служанку политики и морали. Поэтому произведения, созданные [illegible], имели лишь преходящее [illegible]ическое значение и лишены были художественной ценности».

Не далеко ушел от [illegible] концепции Р. Уэллек. В третьем томе своей «Истории критики нового времени» он посвятил В. Г. Белинскому целую главу. Нельзя сказать, что автор [illegible] к его наследию. В работе английского литературоведа он называется «первым и самым выдающимся критиком во всей истории русской литературы». Р. Уэллек даже берет под защиту творчество Белинского от нападок западных коллег, пытающихся принизить его талант и умалить силу его проникновения в искусство.

Однако автор исследования игнорирует русские истоки формирования мировоззрения «неистового Виссариона», рассматривает его деятельность в отрыве от тех исторических процессов, которые протекали в России во второй четверти XIX века. Поэтому основная мысль Р. Уэллека о сущности и целенаправленности критической школы Белинского не конструктивна и носит однобокий характер. Английский автор считает, что русский критик является лишь толковым проводником идей немецких эстетиков и в связи с этим первый период его творчества, когда он увлекался Шеллингом, Фихте, Гегелем, является наиболее ярким и плодотворным. Всю же последующую деятельность Белинского Р. Уэллек относит к области «политики» и «субъективности», которые якобы не имели никакой связи с литературой, ее «художественностью».

Другая группа буржуазных апологетов тщится доказать, что Белинский никогда не был революционером, атеистом, материалистом. Так, профессор папского Восточного института в Риме Г. Веттер в своей книге «Диа-

диалектический материализм. Его история и система в Советском Союзе», вспомнив разглагольствования Н. Бердяева, приписывает Белинскому соглашательства с царским правительством. Такой же точки зрения придерживается В. Свобода. Основываясь на письме гениального критика к П. В. Анненкову от 1—10 декабря 1847 года и извлекая из него отдельные положения, он стремится доказать, что в последний период деятельности Белинский стал разделять политику царя, окончательно отказался от своих прежних взглядов. Данная концепция В. Свободы особенно ярко выразилась в статье «Шевченко и Белинский». Стараясь «просветить» английских читателей, показать им мнимого и реального русского критика, В. Свобода пишет о том, что Белинский искренне одобрял экспансию самодержавной России и был на стороне правительства в деле Шевченко, доказав тем самым, что он поддерживает усилия III-го отделения в подавлении национально-освободительного движения на Украине. Вторит этому автору Д. Скэнлен, который также уверяет англичан, что социализм Белинского до поры до времени оставался индивидуалистическим, а в конце жизни он перешел на умеренные либеральные позиции, выражал интересы «среднего класса», т. е. буржуазии, проводил якобы «двурушническую» линию между западниками и славянофилами.

Со своими собратьями по перу солидарен Б. Шульце. В книжке под громким названием «В. Г. Белинский — основоположник революционного атеизма в России» этот псевдоученый вслед за Д. Мережковским утверждает, будто Белинский под конец своей жизни, разуверившись в «социальных идеалах правды и справедливости» и «разочаровавшись в борьбе с действительностью», стал «хвататься за религию, за евангелие и начал черпать силу в вере в бессмертие», превратившись в «страстного богоискателя».

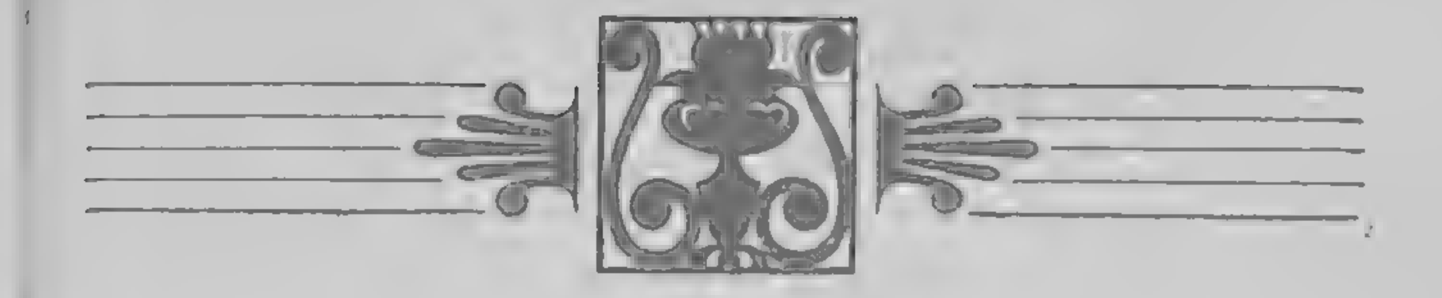
Вот, оказывается, когда это началось: не во время «веховщины», а гораздо раньше, и пример подал, по мнению современных бердяевых и мережковских, никто иной, как Белинский. Но подобные вылазки буржуазных идеологов были биты еще в начале нынешнего столетия.

С усилением революционного подъема, вызванного расстрелом рабочих на Ленских приисках, возросла активность большевистской печати. Вместо еженедель-

ной газеты «Звезда», закрытой царским правительством, стала издаваться по инициативе петербургских рабочих массовая марксистская газета «Правда». Она не только боролась за укрепление рядов партии, не только разоблачала происки ликвидаторов, троцкистов и прочих оппортунистов, но отводила значительное место пропаганде заслуг революционных демократов перед русским обществом. В. И. Ленин высоко ценил эту сторону в деятельности «Правды» и в письме на имя редакции 8 сентября 1912 года рекомендовал: «Хорошо бы вообще от времени до времени вспоминать, цитировать и растолковывать в «Правде» Щедрина и других писателей «старой» народнической демократии. Для читателей «Правды» — для 25 000 — это было бы уместно, интересно, да и получилось бы освещение теперешних вопросов рабочей демократии с иной стороны, иным голосом»[17].

Выполняя ленинское указание, правдисты смогли найти правильное направление в борьбе с реакционными писателями, которые пытались представить события 1905 года как случайное явление, а социал-демократов вывести в образе одиночек, оторванных от масс, полных отчаяния и неверия в будущее. В этих исторических условиях большевики с большой теплотой и симпатией писали о Белинском, видели в нем прекрасный пример самоотверженной борьбы за чистоту и идейную направленность русской литературы. Одобряя прекрасные традиции Белинского и его последователей — Чернышевского, Добролюбова, Салтыкова-Щедрина, «Правда» писала, что память о Белинском будет дорога и священна для всех сознательных рабочих, так как его общественно-публицистическая критика находится в неразрывной связи с критикой марксистской. «Марксистская критика, — указывала большевистская газета, — может вести свое происхождение и от Добролюбова и еще ранее от Белинского».

Накануне выдающихся великих исторических событий, незадолго до Великой Октябрьской социалистической революции большевики-ленинцы, наиболее передовые слои русского общества боролись за Белинского, принимали меры, чтобы увековечить память о нем, дать широкую дорогу его наследию. В условиях царской России осуществить это было трудно. Только с победой Великого Октября произведения Виссариона Григорьевича стали достоянием самых широких народных масс.

ВЕЛИКОЕ ИМЯ

С первых же дней установления Советской власти В. И. Ленин наряду с другими вопросами большое внимание уделял развитию новой пролетарской культуры — национальной по форме, социалистической по содержанию. В этом он видел одну из главных особенностей укрепления могущества молодой социалистической республики. Чтобы разумно, осмысленно, успешно участвовать в революции, подчеркивал Владимир Ильич, надо учиться и в повседневной работе неустанно повышать образовательный и культурный уровень народных масс.

В выступлениях перед рабочими, интеллигенцией, во многих статьях В. И. Ленин разработал основную программу культурного строительства. В речи на III съезде комсомола он указывал, что пролетарская культура должна создаваться не на пустом месте, а на основе закономерного развития лучших традиций, заложенных наиболее передовыми людьми в условиях чиновничьего, помещичьего и капиталистического гнета. Поэтому было бы величайшей ошибкой думать, что многочисленные народные массы можно вывести из темноты, невежества и предрассудков только по линии чисто марксистского просвещения. Владимир Ильич учил, что коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество.

Руководствуясь указаниями В. И. Ленина, Совет Народных Комиссаров принял ряд постановлений, на основе которых театры, музеи, библиотеки, картинные галереи, издательства из частной собственности передавались во всенародное достояние. Несмотря на огромные труд-

ности, которые приходилось преодолевать Советскому правительству в годы гражданской войны. Народный комиссариат просвещения и другие государственные органы, ведающие вопросами культуры, проделали огромную работу по пропаганде наследия великих представителей русской литературы, публицистики и искусства.

Так, 19 февраля 1918 года в «Газете рабочего и крестьянского правительства» сообщалось о том, что сочинения В. Г. Белинского монополизируются государством на пять лет. А спустя несколько месяцев вышел в свет двухтомник произведений великого критика под редакцией Р. В. Иванова-Разумника тиражом 50 тысяч экземпляров.

Издание произведений Белинского, Чернышевского, Добролюбова было важным событием в общественно-политической жизни молодой социалистической республики. Идеи революционных демократов оказывали определенное воздействие на поэтов, прозаиков, художников, композиторов. В результате многие из них стали критически относиться к своему творчеству, по-иному смотреть на роль литературы и искусства в жизни общества. Это наносило решающие удары по всяким формалистическим течениям.

В частности, примером может служить позиция, занятая в те годы С. А. Есениным, который под влиянием эстетики революционных демократов, и особенно Белинского, порвал идейные связи с имажинистами, резко выступил против теоретических установок футуристов и других русских модернистов. Несколько позже, в майском номере журнала «Знамя» за 1921 год, выдающийся поэт в статье «Быт и искусство» писал: «Сии строки я посвящаю своим собратьям по тому течению, которое исповедует Величию образа.

Собратьям моим кажется, что искусство существует только как искусство. Вне всяких влияний жизни и ее уклада. Мне ставится в вину, что во мне еще не выветрился дух разумниковской школы, которая подходит к искусству, как к служению неким идеям...»

Ссылаясь на «дух разумниковской школы», С. А. Есенин имел в виду произведения Белинского, вышедшие под редакцией и с комментариями Р. В. Иванова-Разумника, а также его исследования, посвященные творчеству великого критика. Ибо эту сторону в деятельности литературоведа ценил выдающийся поэт, который сам

благоговел перед личностью Виссариона Григорьевича. С. А. Есенин знал его письмо к Гоголю и другие произведения. В одном из своих посланий товарищу детства Г. А. Панфилову он указывал: «Разумеется, я имею симпатию к таким людям, как, например, Белинский...»[1].

Но противники реализма не сдавались без боя. Они видели, что идеи Белинского являлись той силой, которая подрывала их устои. Поэтому, отмечает В. Р. Щербина, когда В. В. Маяковский в стихотворении «На той стороне» отчетливо выразил свое стремление слить искусство с борьбой революционных масс, то члены футуристической группы подняли шум. Один из них, В. Шкловский, писал: «Искусство всегда было вольно от жизни, и на цвете его никогда не отражался цвет флага крепости...» «Товарищи,— взывал он,— ведь это же слача всех позиций, это — Белинский — Венгеров. И неужели просто не режет глаз тот шуршащий хвост из газетной передовицы, который сейчас ему приделывают»[2].

В. И. Ленин внимательно следил за ходом издания произведений лучших русских писателей, поэтов, в том числе Белинского, Чернышевского, Добролюбова. Владимир Ильич считал это только началом. В беседе с Горьким он указывал: «В массу надобно двинуть всю старую революционную литературу, сколько ее есть у нас и в Европе»[3]. В этой же беседе Владимир Ильич сожалел, что из-за неотложных дел некогда читать. И тем не менее он стремился всегда иметь под рукой наиболее нужные в работе книги, в том числе и связанные с деятельностью революционных демократов. Так, в его рабочем кабинете находились письма Белинского в трех томах, сборники его произведений «Басни Ивана Крылова. Стихотворения Аполлона Майкова. Петербургский сборник. О жизни и сочинениях Кольцова», «Горе от ума. Вступительная статья Н. Н. Кубикова», «Письмо к Гоголю. Предисловие П. С. Когана», «Сочинения Александра Пушкина (статьи 3-я, 4-я и 5-я)», «Статьи о Гоголе». Здесь же имелись книги Г. Плеханова «Речь о Белинском», Н. Правдухина «Виссарион Белинский — основоположник социальной эстетики», М. Неведомского «Зачинатели и продолжатели. Помпики, характеристики, очерки по русской литературе от дней Белинского до наших дней», Р. В. Иванова-Разумника «Книга о Белинском» и другие.

В тяжелые годы разрухи Владимир Ильич снова писал о великом критике. Разоблачая контрреволюционные элементы, которые утверждали, что у большевиков «ничего не выйдет, ибо государством могут управлять только высшие классы», вождь пролетариата указывал: «Со *шкурной* точки зрения их поведение понятно: прихлебателям и приживальщикам крепостников-помещиков, попам, подьячим, чиновникам из гоголевских типов, «интеллигентам», ненавидящим Белинского, тоже было «трудно» расстаться с крепостным правом. Но дело эксплуататоров и их интеллигентской челяди — безнадежное дело»[1].

В этих словах особенно ярко проявилась классовая направленность деятельности Виссариона Григорьевича. Крепостники ненавидели Белинского за его революционность, буржуазия в лице всей контрреволюции ненавидит большевиков, поднявших народ на борьбу за победу социалистической революции. Это еще раз подчеркивает, что идеи революционного демократа отражали надежды и чаяния трудящихся масс и горячо воспринимались ленинской партией.

В августе 1918 года был опубликован подписанный В. И. Лениным декрет о постановке памятников выдающимся деятелям революционного движения и культуры. В приложенный список были внесены К. Маркс, Ф. Энгельс, Бауман, Ухтомский, Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Толстой, Радищев, Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Салтыков-Щедрин, Некрасов, Герцен, Огарев, Бакунин и другие.

Владимир Ильич видел в развитии монументальной пропаганды одну из важнейших форм распространения идей марксизма и увековечения памяти борцов, которые своим творчеством развивали и поднимали революционную сознательность народа, посвятили свою жизнь борьбе за освобождение трудящихся. Претворяя в жизнь ленинские указания, в 1920 году в Екатеринбурге (Свердловске) установили на скромном постаменте небольшой бюст В. Г. Белинского в нише у парадного входа в библиотеку, носящую его имя. Это был первый памятник гениальному критику, сооруженный в России в послеоктябрьский период.

Не забыло Советское правительство и о доме Белинских в Чембаре. В сентябре 1918 года А. В. Луначарский пригласил на беседу председателя Чембарского

уездного комитета РКП(б) Е. И. Барышева*. И первый вопрос, который задал ему нарком просвещения, — о состоянии дома Белинских. Узнав о том, что в нем находится трактир, А. В. Луначарский посоветовал незамедлительно разобраться с этим вопросом. Нельзя, говорил он, чтобы этот вещественный памятник, в котором прошли детские и юношеские годы Виссариона Григорьевича, безжалостно разрушался и погиб для потомства. Надо его как можно скорее национализировать, привести в порядок и установить на нем на первых порах хотя бы простую мемориальную доску. Такие же распоряжения Анатолий Васильевич сделал относительно поместья в селе Тарханы, где прошли детские годы М. Ю. Лермонтова.

Возвратившись в Чембар, Е. И. Барышев доложил о своей беседе с наркомом просвещения на заседании исполнительного комитета уездного Совета рабочих и крестьянских депутатов. В соответствии с указаниями А. В. Луначарского дом Белинских, здание уездного училища, где учился Виссарион Григорьевич, и поместье в Тарханах были объявлены достоянием Советского государства.

С приближением 75-й годовщины со дня смерти Белинского по предложению А. В. Луначарского был создан юбилейный комитет. Он развернул активную деятельность по подготовке к изданию ряда сборников литературно-критических статей Белинского, а также обратил внимание литературоведов на создание научных исследований о жизни и творчестве революционного демократа на основе марксистской методологии.

Большую помощь оказала литературоведам речь А. В. Луначарского на объединенном заседании Российской академии художественных наук и Общества любителей российской словесности совместно с членами юбилейного комитета. Оратор охарактеризовал Белинского как крупнейшего представителя лучшей интеллигенции, сыгравшего громадную роль в развитии революционно-демократической мысли и литературной критики. А поэтому в современных исторических условиях, подчеркивал Анатолий Васильевич, необходимо дать

---

* Ермил Иванович Барышев, член КПСС с 1907 года, в феврале 1918 года по распоряжению В. И. Ленина был направлен из Петрограда на работу в Пензенскую губернию

… оценку Белинскому и определить его место «в истории русской культуры с точки зрения класса, являющегося носителем Октябрьской революции». А. В. Луначарский указывал, что такая колоссальная личность, как Белинский, «могла появиться только в исключительный момент социальной биографии народа». Те проблемные вопросы, которые решал революционный демократ в продолжение почти всей своей короткой сознательной жизни, не уходили в область фантазии и несбыточной мечты. Являясь глашатаем и выразителем мыслей, нужд … народных масс, Белинский верил, что Россия быстрее разрешит противоречия между «трудом и капиталом, чем Западная Европа

Говоря о социальной сущности наследия критика, А. В. Луначарский обратил внимание на то, что нельзя считать его творчество изученным, ибо «вся русская общественная мысль есть продолжение тех практических вопросов, которые поставил Белинский еще в 40-х годах прошлого века .

В течение 1923—1924 годов было издано почти два десятка названий книг со статьями Белинского о творчестве Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Крылова, Грибоедова, Кольцова, а также его политическое завещание — «Письмо к Гоголю

Небольшие книжки, дешевые по цене, были рассчитаны на массового читателя. Они пробуждали интерес к творчеству не только Белинского, но и лучших поэтов, писателей его эпохи, раскрывали значение их произведений для жизни общества. Особая необходимость в таких сборниках объяснялась и тем, что с победой Октябрьской революции по инициативе В. И. Ленина Наркомпрос разработал учебные программы для школ, в которых наряду с Пушкиным, Гоголем, Лермонтовым законное место занял и Белинский.

Произведения Белинского все более привлекали внимание литературоведов, историков, философов. Еще в период гражданской войны известные ныне ученые В. С. Спиридонов, Н. К. Пиксанов, Ю. Г. Оксман, Н. Ф. Бельчиков, изучая особенности лексики и текстологии его работ, выявили более ста анонимных статей и заметок, принадлежащих перу Виссариона Григорьевича

На основе критического пересмотра литературы о Белинском, которая была издана в дореволюционный

период, а также вновь найденных архивных документов в 1924 году вышло в свет ценное исследование — «Летопись жизни Белинского», под редакцией Н. К. Пиксанова. Авторы этого труда Н. Ф. Бельчиков, П. Е. Будков, Ю. Г. Оксман дали читателю богатый фактический материал, который включал свыше полутора тысяч дат и около четырехсот первоисточников.

Спустя пять лет М. К. Клеман подготовил сборник «В. Г. Белинский в воспоминаниях современников». Эта книга не потеряла своей значимости до наших дней, так как в ней опубликован тематический и библиографический указатель воспоминаний, которого нет в двух позднейших, хотя и расширенных изданиях.

Небывало возрос интерес к наследию и личности революционного демократа в период подготовки и проведения 125-летия со дня его рождения. Претворяя в жизнь постановление Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР от 11 июня 1936 года «Об увековечении памяти В. Г. Белинского», во многих городах страны улицам, площадям, паркам, культурно-просветительным учреждениям и учебным заведениям было присвоено имя великого критика.

13 июня в Колонном зале Дома Союзов состоялся вечер, посвященный памяти Виссариона Григорьевича. В организации торжества активное участие принимали Народный комиссариат просвещения, Академия наук СССР, Союз советских писателей. На вечере выступили с речами представители общественных и научных организаций, а также нарком просвещения А. С. Бубнов. Профессор И. К. Луппол сделал доклад «Философские взгляды В. Г. Белинского». Тему «В. Г. Белинский как критик» осветил в своем докладе П. И. Лебедев-Полянский. После официальной части выступили ведущие артисты Московской филармонии, Большого академического театра, которые прочитали отрывки из статей и писем критика, исполнили ряд музыкальных произведений.

Итоги работы, проделанной по изучению жизни и творчества Белинского в советское время, а также проблемные вопросы, по которым должно идти дальнейшее исследование его наследия, были обсуждены 20—21 июня 1936 года на сессии институтов литературы и философии Всесоюзной Академии наук, в которой приняли участие видные ученые Москвы и Ленинграда. С док

докладами выступили профессора П. И. Лебедев-Полянский — «Жизнь и деятельность В. Г. Белинского», Н. К. Пиксанов — «Белинский как историк литературы», В. В. Гиппиус — «Белинский и Гоголь», В. М. Жирмунский — «Белинский и Гёте», Л. Ф. Споннин — [illegible] Белинского» и другие.

Большая забота в то время была проявлена об организации музея В. Г. Белинского в Чембаре. Этот поистине самый лучший и самый значительный памятник создавался по инициативе пензенской общественности, местных партийных и советских органов, при непосредственной помощи Н. К. Крупской

Музейный отдел Наркомпроса оказал большую помощь не только в выделении денежных средств, но и в приобретении мебели и других предметов бытового комплекса для оформления мемориальных комнат в доме Белинских. Значительную собирательную работу провели директор музея А. И. Храмов и научный сотрудник А. В. Корнилов. В Чембарском районе у частных лиц было выявлено и приобретено несколько мемориальных вещей, которые принадлежали членам семьи Белинских.

В июне 1938 года, в 127-ю годовщину со дня рождения критика, музей его имени был открыт. Более тысячи человек присутствовало на этом торжественном акте. В небольшой районный город Чембар прибыли представители из Москвы, Саратова, Куйбышева, Тамбова, делегации от промышленных предприятий и учебных заведений Пензы, ряда колхозов, совхозов близлежащих районов.

Многое для популяризации наследия великого критика было сделано в связи с 90-летием со дня его смерти. В 1938 году в печати появились новые исследования о жизни и деятельности гениального мыслителя. П. И. Лебедев-Полянский подготовил монографию «Три великих русских демократа», где большое место занимал анализ наследия Белинского. М. Т. Иовчук выступил со статьей «Философские и социально-политические взгляды В. Г. Белинского». Тему «Проблемы реализма в эстетике В. Г. Белинского» разрабатывал В. Р. Щербина. Несколько позже весьма интересные факты собрал и прокомментировал В. Н. Шульгин. В своей публикации «О знакомстве Белинского с работами Маркса и Энгельса» он подтвердил мысль А. М. Путинцева о том,

что произведения основоположников научного коммунизма оказывали влияние на мировоззрение русского революционного демократа.

Значительным событием в белинсковедении того времени явилась монография А. Лаврецкого «Белинский, Чернышевский и Добролюбов в борьбе за реализм». Она, по определению В. И. Кулешова, как бы подытожила литературоведческое изучение наследия великого критика в 30-е годы и в значительной мере послужила исходным пунктом дальнейшего исследования его наследства в послевоенный период[6].

Ряд интересных работ, посвященных великому русскому критику, вышел в Болгарии. Георгий Бакалов в газете «Брод» поместил статью «Письмо Белинского к Гоголю». В ней автор говорил о влиянии этого выдающегося произведения на развитие революционных идей в славянских странах. М. Арнаудов опубликовал свое весьма значительное по объему исследование, в котором раскрыл тему «Пушкин в оценке Белинского». Многие авторы, в том числе Н. Цеков, М. Чолаков, В. Александров, К. Зидаров, А. Тодоров, Д. Явашев, в периодических изданиях поместили статьи, рассказывающие о жизни и творчестве Виссариона Григорьевича.

Но особое внимание болгарских читателей привлекли «Личные воспоминания о В. Г. Белинском и его жене», опубликованные в газете «Литературен глас» за 30 января 1940 года. Их автором являлся внук Белинского — Владимир Георгиевич Бенсис.

Большую и интересную жизнь прожил один из потомков выдающегося демократа. Окончив факультет Парижского университета, В. Г. Бенсис вместе с матерью Ольгой Виссарионовной и братом Елисеем вернулся в Афины, где прошел путь от рядового врача до крупного ученого. Долгое время он заведовал кафедрой внутренних болезней Афинского университета, имея ученую степень доктора наук и звание профессора. Одновременно внук Белинского являлся членом-корреспондентом Медицинской академии Франции. Наряду с занятиями медициной ему приходилось выполнять большую и очень важную общественную работу в качестве постоянного члена греко-болгарского Общества. Он вел неустанную борьбу за сближение Греции со славянскими странами. Особенно его влекло к Советскому Союзу — родине деда, о которой В. Г. Бенсис всегда вспоминал с волнением

«Судьбе было угодно,— писал Владимир Георгиевич в воспоминаниях,— чтобы я ее увидел тридцать лет спустя, в 1925 году, через два года после смерти Ленина. В этом году отмечалось двухсотлетие со дня учреждения Ленинградской Академии наук (т. е. Академии наук СССР.— *П. М.*).

Советское правительство уведомило все страны, которые поддерживали с ним дипломатические отношения, и пригласило принять участие в торжествах. Вследствие моих связей с Россией я был делегирован греческим правительством; это дало мне возможность увидеть Великую Россию — новую, переживающую один из самых волнующих периодов своей истории».

Во время пребывания в Советском Союзе В. Г. Бенсис внимательно осматривал музеи, исторические места. Он побывал на Волковом кладбище, где отдал дань почтения могиле своего деда, посетил дорогое сердцу Подмосковье. Поездка в Советский Союз оказала на него неизгладимое впечатление. О ней он помнил всю жизнь и постоянно радовался росту и могуществу страны, где ему приходилось почти каждое лето гостить в годы детства, отрочества и юности. Спустя полтора десятка лет после ее посещения внук Белинского подчеркивал: «Россия — великая страна, чье будущее мне представляется грандиозным и прекрасным. И для счастья всех и равновесия в мире нужна великая Россия, великая не по своим географическим границам, но и по духовным и моральным достижениям. И она этого, несомненно, достигнет».

В своих мемуарах Владимир Георгиевич с теплотой вспоминал рассказы Марии Васильевны о муже, его облике и тех условиях, в которых ему приходилось творить. С любовью обрисовывал В. Г. Бенсис бабушку, ее незаурядную натуру, писал о том, как она учила их, родившихся вдали от России, русскому языку, прививала любовь к русской литературе, заставляла на память читать стихи Лермонтова, басни Крылова, пересказывать произведения Тургенева, познавать быт простых людей.

И не удивительно, что публикация В. Г. Бенсиса вызвала много писем, просьб поделиться дополнительными данными о своем знаменитом дедушке и его родине. Если учесть, что это происходило в условиях уже начавшейся второй мировой войны, то будет вполне

понятно, какое огромное значение наряду с другими материалами, посвященными Белинскому, имели мемуары его внука для болгарских читателей

Революционизирующая сила идей Белинского в 30-е годы оказывала благотворное влияние на развитие прогрессивной литературы и искусства других стран Например, несмотря на жестокие правительственные репрессии, широкое распространение произведения великого русского демократа получили в Литве

Л. Гира-Радзикаускас называл Белинского «отцом русской критики», «титаном мысли». Народный поэт Литвы восхищался глубиной ума Виссариона Григорьевича, его принципиальностью и гражданским мужеством в борьбе с реакцией, за воплощение в жизнь лучших идеалов человечества.

«Давая в своих критических статьях решительную отповедь топтавшейся на месте литовской антинародной литературе,— пишет К. Амбрасас,— Л. Гира опирался на мысли Белинского Едко высмеивая тщетные потуги буржуазии создать «национальных» литературных кумиров, верных прислужников эксплуататоров, Людас Константинович ставил в пример Белинского, который в свое время бесстрашно взялся за развенчивание подобных «талантов» и «гениев» во имя здоровых эстетических взглядов.

Особенно дороги были бессмертные творения великого демократа для молодых литовских поэтов, писателей, публицистов — страстных пропагандистов и создателей критического реализма. Белинский их увлекал прежде всего своим революционным духом Это нацеливало прогрессивную творческую интеллигенцию на борьбу против буржуазного режима Произведениями Виссариона Григорьевича зачитывались К. Корсакас, С Нерис и другие. А. Венцлова, указывает К. Амбрасас, в своих беседах с П. Цвиркой не раз возвращался к письму Белинского к Гоголю, которое известные литовские писатели очень ценили за остроту и актуальность поднятых в нем вопросов, считая великого мыслителя одним из создателей традиций русского реализма [8].

С исключительным уважением говорил о гениальности Белинского выдающийся мастер реалистической прозы Ю. Балтушис. «На старом базаре буржуазного Каунаса,— пишет один из его современников,— Юозас,

тогда еще рабочий, отдав чуть ли не половину своего месячного заработка, купил у букинистов том сочинений Белинского, целыми ночами учился по нему познавать людей и жизнь. Сочинения Белинского раскрывали перед Ю. Балтушисом огромное воспитательное значение литературы, пробуждали в нем требовательность к собственному литературному труду.

Жизненный и творческий путь гениального мыслителя, философа-материалиста являлся идеальным образцом также для самого видного литовского критика И. Радвилиса К. Корсакаса. В 30-е годы он, воодушевленный идеями Виссариона Григорьевича, умело вел борьбу против литовских буржуазных националистов, всемерно способствовал развитию подлинно народной литературы, отражавшей интересы самых широких масс трудящихся.

В 1934 году в Загребе вышла книга А. Радича «О русской литературе». Свыше двадцати страниц в ней автор отвел разбору творчества Белинского. Через три года в Белграде на сербском языке А. Нелачут издал свое исследование «Русская творческая мысль и литературная критика XIX века», в котором многие страницы были отведены Виссариону Григорьевичу. Ряд статей, посвященных его деятельности, появился в журналах, хрестоматиях Польши, Чехословакии и других стран.

Учитывая возросший уровень изучения наследия революционного демократа, а также проведенную работу по выявлению и сбору мемориальных предметов, относящихся к его жизни, Наркомпрос в 1940 году поручил группе научных сотрудников подготовить для музея В. Г. Белинского новую экспозицию. В начале 1941 года был [illegible] тематико-[illegible] план. Однако Великая Отечественная война не позволила продолжить начатые работы.

Но имя Белинского не было забыто и в то грозное время. 7 ноября 1941 года, в день XXIV годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, когда озверевшие полчища фашистских захватчиков были у стен Москвы, газета «Правда» писала, что «эти люди, лишенные совести и чести, люди с моралью животных имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации, нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чай-

ковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова. Патриотические высказывания Белинского о судьбах русского общества, о великом назначении России, о талантливости русского народа вошли в отдельные брошюры библиотеки «Красноармейца» и в малую военную серию «Писатели — патриоты великой родины». Они помогали командирам и политработникам Советской Армии поднимать дух бойцов, воспитывать в них ненависть к врагу, совершать беспримерные героические подвиги во имя матери-отчизны.

Не только брошюры, но и десятки тысяч [illegible] листовок со словами Белинского призывали к мужеству и стойкости, к твердой вере в победу. Его пророческие мысли о том, что «дух народа, как и дух частного человека, высказывается вполне только в критические минуты, по которым одним можно безошибочно судить не только о его силе, но и о молодости и свежести его сил» (III, 346), как бы сливались с оценкой заслуг трудящихся нашей Родины со стороны всего прогрессивного человечества.

Многие армейские газеты использовали высказывания великого патриота, направленные против трусости и изменников своему отечеству. Белинский указывал, что человек, для которого где хорошо, там и родина, есть существо безнравственное и бездушное, недостойное называться священным именем человека. Бичуя подобных людей, критик писал: «Предатель своей родины есть злодей, при виде которого содрогается человеческое сердце, от которого с омерзением отвращается человечество и который... скитается по земле, подобно Каину, с печатью проклятия на челе и ненависти к собственному существованию» (III, 332).

На временно оккупированной территории, свидетельствует в цитированной выше статье К. Амбрасас, гитлеровские «культуртрегеры», боявшиеся распространения трудов Белинского, накладывали вето на его книги, уничтожали их. Но несмотря на все запреты и опасности, многие литовские юноши и девушки изучали русский язык и украдкой читали Белинского, черпая у него основы материалистической эстетики. По сохранившимся рассказам, некоторые работники библиотеки Вильнюсского университета втайне выдавали сочинения великого критика. Прогрессивные студенты пропагандировали его имя, вели острую полемику в литературном

кружке, где в тот период преобладал дух так называемого «чистого искусства».

М. И. Калинин в январе 1945 года, говоря о высоких моральных качествах советских людей, подчеркивал ту огромную воспитательную силу идей Белинского, которые близки и по времени и по своему содержанию нашей эпохе, которые оказывают благотворное воздействие на мировоззрение трудящихся нашей страны. В связи с этим Михаил Иванович дал высокую оценку всей деятельности революционных демократов и их заслуг перед русским обществом. «Вряд ли кто-либо еще в истории русской литературы и публицистики,— писал он, — так властвовал над умами людей и столь действенно поднимал их гражданское самосознание, толкая на борьбу с самодержавием, за демократическую революцию, как Белинский, Чернышевский, Добролюбов»[9].

С оружием в руках боролись с фашистской нечистью потомки Виссариона Григорьевича. Тяжелые испытания выпали на долю его правнука Александра Владимировича Бенеса, родившегося в 1908 году. С начала второй мировой войны он ушел добровольцем во французскую армию. Мужественный воин, не щадя своей жизни, смело сражался с гитлеровскими захватчиками, но с капитуляцией предательского правительства Франции попал в плен. Три года находился в концлагере Маутхаузен, переносил жестокие пытки, чудом остался жив, но вышел оттуда инвалидом. За стойкость и мужество, проявленные в боях с врагом, А. В. Бенес награжден орденами и медалями. Вышел в отставку в звании полковника.

Возводил фортификационные сооружения в знаменитой Брестской крепости, а осенью 1941 года под Москвой Иван Осипович Белинский. Родился он в 1876 году в семье подпоручика Апшеронского полка Осипа Васильевича Белинского — родственника великого русского критика и революционного демократа. Боевые заслуги ветерана Вооруженных Сил СССР отмечены орденами Ленина, Красного Знамени и многими медалями. В связи со столетием со дня рождения, генерал-майор-инженер в отставке И. О. Белинский был награжден орденом Трудового Красного Знамени[10].

В послевоенный период, когда встала необходимость повести непримиримую борьбу с космополитизмом и другой пошлостью, которая проникла в нашу литерату-

ру и искусство, Центральный Комитет Коммунистической партии напомнил о Белинском, как прекрасном примере служения русской национальной культуре. В докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград» А. А. Жданов указывал, что ошибки, которые стали возможны в творческой деятельности ряда писателей, не случайное явление, и объясняются они тем, что некоторые руководители идеологического фронта забыли положения ленинизма о литературе, воплотившие в себе прекрасные традиции русских революционных демократов XIX века в лице Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Салтыкова-Щедрина

Творчество Белинского апробировано самой жизнью. Шли годы, а его великое наследие все больше привлекало внимание, все больше завоевывало симпатии миллионов людей. Свидетельство этому 100-летний юбилей со дня смерти гениального мыслителя. Советское правительство приняло специальное постановление от 10 декабря 1947 года «О 100-летии со дня смерти В. Г. Белинского» и от 7 мая 1948 года «О мероприятиях по увековечению памяти В. Г. Белинского

Для более организованной подготовки и проведения знаменательной даты Совет Министров Союза ССР учредил Всесоюзный комитет под председательством выдающегося советского писателя А. А. Фадеева. Юбилейные комитеты по чествованию памяти критика были созданы во всех союзных республиках, во многих краях и областях страны. Была проделана большая работа по организации в колхозах, совхозах, на предприятиях, в учебных заведениях и культурно-просветительных учреждениях выставок, литературных вечеров, лекций и докладов, посвященных жизни и творчеству Белинского. Печать и радио систематически информировали о ходе подготовки к юбилею

7 июня 1948 года в Москве, в Большом театре Союза ССР, Всесоюзный юбилейный комитет провел торжественное заседание, посвященное памяти В. Г. Белинского В зале собрались видные ученые, писатели, рабочие и служащие московских предприятий, представители братских республик. Открыл заседание краткой вступительной речью академик В. П. Волгин, который указал, что советский народ имеет все основания с чувством любви и национальной гордости вспомнить о «неистовом Виссарионе», как о нашем соратнике, далеком от нас по

времени, но близком по своему революционному духу. С докладом «Белинский и наша современность» выступил генеральный секретарь Союза советских писателей СССР А. А. Фадеев. Можно не сомневаться, подчеркивал Александр Александрович, что великие творения Белинского, в которые он вложил столько душевной силы и жара сердца, любви к родине и своему народу, будут жить и при коммунизме.

Торжественные заседания, посвященные памяти Белинского, прошли также во всех республиках, краевых и областных центрах страны. В Москве, Ленинграде, Киеве, Пензе были развернуты большие выставки о жизни и творчестве критика.

В дни юбилейных торжеств во многих городах страны была увековечена память великого сына русского народа. На основании Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 17 мая 1948 года Чембар стал именоваться городом Белинским. Имя великого критика было присвоено Пензенскому и Николаевскому педагогическим институтам, Чембарскому педагогическому училищу, средней школе в столице Армении, библиотекам в Ленинграде, Баку, Новосибирске, Якутске, Ростове-на-Дону, Калуге, Харькове, Горьком и ряде других городов. Почти в каждом областном или республиканском центре сейчас имеются таблички с указанием улицы Белинского.

Мемориальные доски были открыты в Ленинграде, на доме № [illegible] по Невскому проспекту, где жил Белинский с ноября 1842 по апрель 1846 года; в селе Прямухине, Кувшиновского района, Калининской области, на здании старинной школы, сохранившемся от поместья Бакуниных, у которых Виссарион Григорьевич отдыхал в августе — сентябре 1836 года и останавливался на [illegible] 1837 и [illegible] 1843 года. В главном корпусе Московского университета имени М. В. Ломоносова наряду с мемориальной доской был установлен бюст В. Г. Белинского.

При огромном стечении почитателей Виссариона Григорьевича 13 июня на Московской улице в сквере против областного драмтеатра имени А. В. Луначарского общественность Пензы заложила камень под памятник В. Г. Белинскому. На этом торжестве присутствовали А. А. Фадеев, П. И. Замойский, Ф. В. Гладков, И. Г. Эренбург, И. Л. Андроников, П. П. Вершигора, А. А. Жаров,

члены Академии наук СССР В. В. В[illegible], М. П. Алексеев и другие писатели, поэты, об[illegible] деятели, приезжавшие на юбилейные пр[illegible] [illegible]да Пензу и Белинский

М[illegible]ументальную фигуру великого крит[illegible] выдающийся советский скульптор Е. В. Вучетич. А[illegible] [illegible] оформление выполнил лауреат Госуда[illegible] [illegible] премии СССР Л. М. Поляков. 10 июня 1954 г[illegible] [illegible]ржественной обстановке памятник В. Г. Б[illegible] был открыт.

В связи с памятной годовщиной [illegible]

[illegible]

ные Всесоюзной [illegible]

[illegible] 1948 года весь тираж [illegible] ства превышал полтора миллиона экз[illegible] [illegible] году только Государстве[illegible] [illegible]

[illegible] и переведены на языки народов СССР. Та[illegible] [illegible] 1948 [illegible] ника избранных статей Белинского, на армянском [illegible] [illegible] «Письмо к Гоголю» и избранные философские сочи[illegible] ния, на казахском, башкирском, киргизском, литовском, татарском, туркменском, узбекском, латышском, э[illegible] ском, уйгурском языках — сборники, на украин[illegible] «Письмо к Гог[illegible]», избранные фило[illegible] в двух томах и однотомник статей

Большое количество архивных документов, писем и других материалов о великом критике и его окружени[illegible] было опубликовано в 55—57-м томах «Литературн[illegible] наследства», вышедших в 1948—1951 годах под ре[illegible] цией А. М. Еголина, Н. Ф. Бельчикова, Н. С. Зильб[illegible] штейна и С. А. Макашина. Это издание сразу же получило высокую оценку в печати, и без него практи[illegible] теперь не могут обходиться не только белинсковеды, но и многие другие исследователи, занимающиеся изучением истории литературы прошлого века

Ряд новых сведений о жизни Виссариона Григорьевича приводился в книгах «Белинский и его корреспонденты», «В. Г. Белинский. Сборник статей и документов [illegible]графии великого критика, вышедших [illegible]

Москве, а вторая в Пензе под редакцией профессора Н. Л. Бродского.

Но исключительно важным событием в культурной жизни страны явилось академическое издание Полного собрания сочинений В. Г. Белинского, которое печаталось по постановлению Совета Министров СССР от 10 декабря 1947 года. Редакционная коллегия под руководством известного литературоведа Н. Ф. Бельчикова осуществила сверку всех известных и вновь выявленных произведений великого критика с первыми публикациями или с сохранившимися рукописями Виссариона Григорьевича. Большую работу в этом направлении провели члены редколлегии Д. Д. Благой, А. Г. Дементьев, В. А. Десницкий, В. С. Нечаева, Н. К. Пиксанов, В. С. Спиридонов, Б. В. Томашевский, заместитель главного редактора Б. И. Бурсов, контрольный рецензент Ф. Я. Прийма, а также комментаторы текстов В. Г. Березина, Е. И. Кийко, Л. Н. Назарова и другие. В результате с 1953 по 1959 год вышли в свет все 13 томов.

Этим как бы подводился итог столетней борьбы за наиболее точное воспроизведение трудов Белинского. Несмотря на некоторые упущения и спорные вопросы относительно тех или иных публикаций и пояснительных текстов к ним, академическое издание Полного собрания сочинений великого критика знаменовало собой огромное достижение советского белинсковедения[11].

В еще более широких масштабах наследие великого критика стало популяризироваться в послеюбилейный период. Различные издательства неоднократно выпускали в свет литературно-критические статьи Виссариона Григорьевича о Пушкине, Гоголе, Лермонтове, Грибоедове, Кольцове, Крылове, а также его сборники и однотомники избранных произведений.

Особенно плодотворную деятельность, направленную на более глубокое изучение жизни и творчества гениального мыслителя и революционного демократа, развернули многие белинсковеды. Здесь трудно не только прокомментировать, но даже назвать все исследования, вышедшие после 1948 года. Поэтому для иллюстрации проделанной работы приведем лишь некоторые из них. Так, В. С. Нечаева подготовила научно обоснованную биографию в четырех томах. М. Я. Поляков издал книги «Белинский в Московском университете» и «Висса-

рион Белинский. Личность — идеи — эпоха». Тепло встречен научной общественностью многолетний труд Ю. Г. Оксмана «Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского». На широком литературоведческом материале написаны книги В. И. Кулешова «Отечественные записки» и литература 40-х годов XIX века», а несколько позже обстоятельная монография «Натуральная школа». Достойный вклад в разработку историко-литературных и философских взглядов Виссариона Григорьевича внесли И. Г. Пехтелев — «Белинский как историк литературы», Н. И. Мордовченко — «Белинский и русская литература его времени», А. Лаврецкий — «Эстетика Белинского», Н. А. Гуляев — «Учение В. Г. Белинского о художественном методе», «Некоторые вопросы теории искусства в сочинениях В. Г. Белинского», «В. Г. Белинский и зарубежная эстетика его времени», В. Е. Иллерицкий — «Исторические взгляды В. Г. Белинского», А. Л. Хайкин — «Этика Белинского». Для студентов С. И. Машинский составил «Семинарий по Белинскому».

Впервые за всю историю к наследию великого русского критика обратились ученые братских народов. В Минске вышла в свет монография В. Н. Степанова «Философские и социологические взгляды В. Г. Белинского». В Армении обширное исследование «В. Г. Белинский — великий русский критик-публицист» подготовил академик А. Тертерян. В. Терзибатян обратился к теме «Белинский и армянский театральный реализм 60-х годов». А. Воскерчан выпустил книгу «Жизненный путь Белинского», а профессор Р. Оганнисян — «Жизнь и критическая деятельность В. Г. Белинского». В Азербайджане были изданы монография А. Мир-Ахмамедова «В. Белинский и А. Островский» и работа М. Арифа «Виссарион Григорьевич Белинский». Известный грузинский филолог и литературовед В. Шадури подготовил исследование «Виссарион Белинский». На украинском языке вышли работы Н. Н. Басса «В. Г. Белинский и украинская литература 30—40-х годов XIX ве[illegible]», Г. С. Костюка — «Психологические взгляды В. Г. Белинского», Н. Пильчука — «Великие русские ре[illegible] перы-демократы и украинская литература».

Яркое представление об активности изучения [illegible] и творчества великого критика дают защище[illegible] сертации. Судя по данным Государственной библио[illegible] СССР имени В. И. Ленина, до 1948 года пол[illegible]

ние кандидатов наук лишь семь челове[illegible] При[illegible] Н. А. Соколов представил к защите тему «Надеждин и Белинский» в 1928 году. В. Г. Лис обратился [illegible] истории русской [illegible]

[illegible]

[illegible] данные, выявленные в ходе исследования [illegible] чества великого критика, [illegible] 150-летию со дня рождения революцион[illegible] В этом благородном деле приняли уча[illegible] общественные и творческие организации М[illegible] [illegible]нграда, Пензы, Саратова, а также ряд почита[illegible] [illegible]ти Виссариона Григорьевича. В результате ф[illegible] [illegible] На некоторых из них имеются [illegible] рандашные пометки, подчеркивания, [illegible] Виссариона Григорьевича.

Государственная библиотека СССР имени В. И. Ле[illegible]нина передала в дар музею свыше пятисот томов ред[illegible]ких книг, журналов, комплектов газет конца XVIII века [illegible] столетия. Среди них жур[illegible]налы «Покоящийся трудолюбец», издававшийся Н. И. Новиковым, «Телескоп», «Отечественные записки», «Современник» со статьями критика, а также «Москвитянин», «Маяк», «Библиотека для чтения», с которыми он вел непримиримую полемику и клеймил их, как вер[illegible]ноподданнические и продажные издания. Большой инте[illegible]рес представляют сочинения Бюффона, Вольтера, Дер[illegible]жавина, Жуковского, Карамзина, Нарежного, Таци[illegible] С [illegible] Белинский был знаком еще в юношеские го[illegible] [illegible]святил им ряд реце[illegible]

В [illegible] имени Белинского пере[illegible]

али музею свои работы народи[illegible] СССР Н. В. Томский и М. К. Аникушин, [illegible] Ф. М[illegible]чун. Известный коллекционер, заслу[illegible] науки профессор И. М. Саркизов-Серазини переслал в музей большое количество литературных сборников [illegible] [illegible] публикациями произведений А. С. Пушкина, И. А. Крылова, Н. А. Некрасова, А. И. Полежае[illegible], Е. А. Баратынского, А. А. Бестужева-Марлинско[illegible], Ф. Н. Глинки и других поэтов, писателей, а также ком[illegible]лект «Полярной звезды», издававшейся Герценом [illegible] Огаревым в Лондоне

[illegible] музея [illegible] Пе[illegible]ы создали ряд интересных работ из цикла «Белинский в жизни». В эту серию вошли рисунки «Бели[illegible] споре с семинаристами» и «Белинский в Пензен[illegible] театре» художника Б. И. Лебедева, «Приезд Белинских [illegible] Чембар» и «Белинский читает драму «Дмитрий [illegible]нин» — графиков Н. Сидорова и А. Король. Ж[illegible] А. В. Северин написал картины «Больные на приеме [illegible] доме Белинских» и «Белинский читает Г[illegible] к Гоголю

Большой творческой удачей можно считать монум[illegible]тальную скульптуру «Белинский-г[illegible]ленную на городской площади недалеко от музея. О[illegible] держит в правой руке полураскрытую книгу. Ч[illegible] страниц прочитана. Возникли какие-то новые вопросы, на которые надо найти ответ. Глаза юноши полн[illegible]имости, вся его фигура, устремленная вперед, свиде[illegible]тельствует, что путь в будущее определен. В Москву, на широкий простор, где растут новые силы, и в этих ря[illegible] можно найти свое место. В простой композиции скульптор Г. И. Малов сумел передать внутренний мир юного Белинского, его стойкость и непримиримост[illegible] борьбе с невзгодами жизни

Куйбышевская киностудия документальн[illegible] и кинохроники выпустила к знаменательной дате цв[illegible] [illegible] киноочерк «Здесь жил Белинский». Режиссеру-постановщику В. А. Плотниковой и сценаристу А. С. Васильеву удалось показать ту атмосферу, в которой формировалось мировоззрение будущего гениального мы[illegible]теля и революционного демократа

Торжества, посвященные 150-летию со дня рождения великого сына России, начались в городе, где прошли годы его детства и юности. Здесь 10 июня [illegible]

торжественное заседание, а на следующий день — многотысячный митинг. Перед собравшимися на городском стадионе выступили доктор филологических наук, профессор Московского университета имени М. В. Ломоносова, известный белинсковед В. И. Кулешов, профессор Куйбышевского педагогического института Я. А. Ропкевич, представитель Всероссийского театрального общества доктор искусствоведческих наук Ю. А. Дмитриев, крупнейший советский писатель Б. Н. Полевой.

Гости и свыше двух тысяч экскурсантов, прибывших из разных городов и областей страны, осмотрели новую экспозицию, разработанную сотрудниками музея совместно с Государственным литературным музеем города Москвы. На стендах и в витринах были представлены архивные документы, многочисленные книги, гравюры, картины и другие изобразительные материалы, раскрывавшие неустанную литературно-критическую и общественно-политическую деятельность Виссариона Григорьевича, а также идейную борьбу за его наследие

12 июня чествование памяти великого земляка прошло в Пензе. В празднично убранном зале областного драмтеатра имени А. В. Луначарского собрались рабочие, партийные, советские работники, преподаватели высших и средних учебных заведений, студенты, служащие. С докладом «Белинский — гениальный мыслитель и революционный демократ» выступил ректор педагогического института кандидат философских наук В. И. Милосердов. Затем приветственные речи произнесли В. И. Кулешов, Ю. А. Дмитриев, Б. Н. Полевой и другие представители творческих союзов и общественных организаций

В Москве торжественное заседание, посвященное 150-летию со дня рождения Виссариона Григорьевича, состоялось 13 июня в Государственном академическом Большом театре СССР. Его открыл вступительным словом председатель Всесоюзного юбилейного комитета известный советский поэт А. А. Сурков. Присутствовавшие в зале тепло встретили старейшего литературоведа, лауреата Государственной премии профессора Д. Д. Благого, который рассказал о величии гения Белинского, значении его творчества для последующих поколений.

Торжественные заседания, научные сессии по случаю знаменательного юбилея великого критика, публициста и революционного демократа состоялись во всех союз-

ных республиках, Ленинграде, Свердловске, Томске, Хабаровске, Саратове, Казани. Широко отметили эту памятную дату в Болгарии, Чехословакии, Польше, Корейской Народно-Демократической Республике и других странах

Например, тема «Белинский и современность» отчетливо прозвучала в докладах и сообщениях на объединенной научной сессии отделений экономических, философских и правовых наук, литературы и языка, исторических наук Академии наук СССР. Гениальный мыслитель предвидел, как далеко шагнет Россия, ст[ала] демократической страной. Об этом напомнил в своем вступительном слове при открытии сессии вице-президент Академии наук СССР академик К. В. Ос[тровитянов]. Поистине пророчески, сказал он, звучат для нас сл[ова] Белинского: «Завидуем внукам и правнукам наших, [ко]торым суждено видеть Россию в 1940-м году — стоящею во главе образованного мира, дающею законы и науке и искусству, и принимающею благоговейную да[нь] уважения от всего просвещенного человеч[ества]».

Передовые идеи Белинского, подчеркивал оратор, помогают нашей современной борьбе против импе[риа]лизма, колониального рабства и крепостничества, за мир и социализм

Как отметил в своем докладе чл[illegible] Академии наук СССР М. Т. Новчук, провозглашенные [illegible] великим критиком высокие принципы реализма, идейности и народности в искусстве и литературе, его призыв к сближению искусства с жизнью, действительностью созвучны с партийными принципами современного советского искусства. Далее докладчик говорил о том, что научно-критическое наследие Белинского не оставляет равнодушными как его друзей, так и идейных противников. Словно с «живым врагом», указывал он, воюют с Белинским реакционные литературоведы буржуазных стран Европы и Америки. Но это, сказал в заключение М. Т. Новчук, нисколько не может умалить гениальность русского провозвестника свободы и выдающегося гуманиста в представлении всего прогрессивного человечества мира

На научной сессии были с большим интересом выслушаны и другие доклады, в которых освещались отдельные проблемы мировоззрения и литературных взглядов Белинского

[illegible] и в последующие годы. [illegible], историки, философы создали в [illegible] период ряд работ, посвященных различным [illegible] и творчеству великого критика. [illegible] исследования И. Я. Дьякова «[illegible] В. Г. Белинского» (1962), В. Кирпотина «[illegible] и Белинский» (1962; изд. 2-е, 1976), [illegible] «Белинский» (1976), П. Соболева «[illegible] Белинского» (1978), Б. Ф. Егорова «Литературно-[illegible] деятельность В. Г. Белинского» (1982).

[illegible] 1976—1982 [illegible] «Художественная литература» выпустило в свет стотысячным [illegible] собрание сочинений В. Г. Белинского в девяти томах. [illegible] из них снабжен обширными примечаниями, а также другим справочным аппаратом.

Из многочисленных зарубежных изданий за [illegible] исследование «Белинский и теория реализма». Автор этой книги — известный итальянский специалист по русской литературе Игнацио Амброджио. Напечатана она в римском [illegible] «Эдитори Риунити» в 1963 [illegible]

[illegible] труд польского литературоведа Ю. Борсукевича «Виссарион Белинский и русский романтизм». Монография издана в Варшаве в 1975 [illegible]

Польская общественность достойно увековечила имя великого русского критика. В [illegible] памяти гениального мыслителя А. Ш[illegible] историей Зальцбрунна, который перешел к Польской Народной Республике и стал называться Щ[illegible]. Краеведу удалось найти дом, в котором [illegible] месяца жил Виссарион Григорьевич во [illegible] в 1847 году и где родился документ, [illegible] В. И. Лениным «итогом» деятельности Белинского.

Польская общественность, Союз польских писателей, руководство города и курорта, партийные организации решили отметить исторический дом мемориальной доской. Присутствовавшая на этом торжестве В. С. Нечаева писала: «Яркое солнечное июльское утро 1965 года. Блестят медные трубы оркестра горняков шахты имени Мориса Тореза, пришедших на празднование в народных шахтерских костюмах

Профессор Вроцлав[illegible] университета М[illegible] Згу-[illegible], и перед нами польская надпись, которую с душевным [illegible]нением прочтет каждый гражданин Советского Сою[illegible]: «В этом доме жил в 1847 году Виссарион Белинский, ру[illegible]й философ, мыслитель, общественный де[illegible], литературный критик, ведущий представитель р[illegible] [illegible]ных демократов первой половины XIX века. Зде[illegible] он написал известное «Письмо к [illegible]

Ежегодно десятки тысяч экскурсантов посе[illegible] памятные места, связанные с жизнью и [illegible] Виссариона Григорьевича. И[illegible] Человеком. Побывавшие на [illegible] [illegible]стные советские писатели Г. Марков, С. Сарт[illegible] [illegible]епутат Верховного Совета Союза ССР С. М. Б[illegible] [illegible] В. Г. Белин[illegible] [illegible] этих исторических мест. Сердечное спа[illegible] страст[illegible] [illegible] ниального мыслителя. Хочется отмет[illegible] [illegible] Г. Н. М[illegible] [illegible] ни[illegible]

Студенты Пензенского педагогического [illegible], ознакомившись с музеем, оставили такую запись: «[illegible] хорошо принадлежать к [illegible] и [illegible], которым, провидя [illegible] «неистовый Виссарион». Как [illegible] [illegible]икий человеколюбец, если бы сегодня он мог увидеть родные пензенские края, преображенные годами Советской власти».

— Глубокий след оставляет в со[illegible] посещение [illegible]рода детства и юности В. Г. Белинского, — [illegible]ми впечатлениями туристы из Саратова. — Оно рождает большие мысли о нашей Отчизне, о могучем и богатом талантами народе, о мудрости великой ленинской партии...

Потомки не забывают и никогда не забудут имя великого искателя истины. И как бы пышно ни развивалась культура, каких бы вершин ни достиг ум человечества, наследие В. Г. Белинского будет жить в веках.

Примечания

Страшное время

1 Литературное наследство. Т. 56. М., 1950, с. 198
2 В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. М., 1977, с. [illegible]
3 Там же, с. 506—507
4 Там же, с. 203—204.
5 Там же, с. 265
6 Там же, с. 492
7 В. Г. Белинский и его корреспонденты. М., 1948, с. 96—97
8 Юбилейный сборник Литературного фонда. СПб., 1910, с. 292
9 В. Г. Белинский в воспоминаниях современников, с. 264
10 Лемке М. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904, с. 193, 194, 195
11 Лемке М. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. СПб., 1909, с. 175—177
12 Лемке М. Очерки по истории русской цензуры . с. 203
13 Русская старина, 1890, № 2, с. 385, 386
14 Центральный Государственный архив Октябрьской революции СССР (ЦГАОР), ф. III отд-ния. Комитет по делам цензуры, 1851, д. 162, л. 2 об
15 Литературное наследство. Т. 57, с. 290
16 Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897, т. 2, с. 273, 274
17 Литературное наследство, т. 56, с. 200
18 Лазутин С. Русский сказочник.— Литературная Россия, 1976, № 30, с. 11
19 Литературное наследство Т. 56, с. 197
20 В. Г. Белинский в воспоминаниях современников, с. 563.
21 Семенов Е. Беседа с дочерью В. Г. Белинского.— Новости и Биржевая газета, 1898, 21 апреля
22 В. Г. Белинский в воспоминаниях современников, с. 454—456
23 Литературное наследство. Т. 56, с. 528
24 См. подробнее: Максяшев П. Ф. Мемуары внука В. Г. Белинского.— Сб.: Поиски и находки. Из записных книжек краеведов. Саратов, 1984, с. 64—78
25 Дело петрашевцев. Т. 2. М.—Л., 1941, с. 100, 99.
26 Дело петрашевцев. Т. 3. М.—Л., 1951, с. 294—295
27 Поляков М. Я. Виссарион Белинский. Личность — идеи — эпоха. М., 1960, с. 452—457
28 ЦГАОР, ф. III отд-ния. Комитет по делам цензуры, 1851 д. 162, л. 3—4, 36—37
29 Чернышевский Н. Г. Избранные философские сочинения в трех томах. Госполитиздат, 1951, т. III, с. 819, 826, 835
30 Там же, т. I, с. 689—690
31 Добролюбов Н. А. Избранные философские сочинения. Госполитиздат, 1945, т. I, с. 318

32 Литературное наследство. Т. 57, с. 3—16.
Русская мысль, 1898, № 12, отд. 2, с. 1
И. С. Аксаков в его письмах. Т. 3. М., 1892, с. 290—291

Возрожденные идеи

Чернышевский Н. Г. Указ. соч. Т. I, с. 336, 340, 354, 361
Райхин Д. Я. Белинский в школе. Учпедгиз, 1955, с. 113
Чернышевский Н. Г. Указ. соч. Т. I, с. 418—419, 429—430
Некрасов Н. А. Сочинения. Т. 3. М., Правда, 1954, с. 423
Чернышевский Н. Г. Указ. соч. Т. I, с. 578, 690, 739, 754, 755, 763, 782.
Добролюбов Н. А. Указ. соч. Т. I, с. 272, 274
Поляков М. Я. Указ. соч., с. 505—506
Тургенев И. С. Письма в тринадцати томах. Т. III. М.—Л., 1961, с. 43, 61—62.
Эйхенбаум Б. Лев Толстой за чтением Белинского.— Молодая гвардия, 1956, № 2, с. [illegible] См. также: Эйхенбаум Б. [illegible] Белинского и Лев Толстой.— Вопросы литературы, 1961, № 6, с. 124—148
Московские ведомости, 1857, № 141
Стасов В. В. Сочинения. Т. 3. СПб., 1894, столб. 1681
Государственный архив Пензенской области (ГАПО), ф. 81, оп. 1, д. 638, л. 3
Там же, ф. 81, д. 639, л. 14
Там же, ф. 81, д. 638, л. 9; д. 639, л. 22, 24, 42
Федоров Н. Выдающиеся учителя и просветители [illegible]енской губернии. Пенза, 1958, с. 34
См.: Заборова Р. Новые материалы [illegible]ской.— Литературное наследство. Т. 57, с. 322
Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 174—175
Центральный Государственный архив литературы и искусства СССР, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 137
Литературное наследство. Т. 67, с. 580
Пыпин А. Н. Белинский, его жизнь и переписка. Изд. 2-е СПб. 1908, с. 581, 593, 595.
Кирпотин В. Достоевский и Белинский. М., 1976, с. 196, 197, 230.
Литературное наследство. Т. 57, с. 310
Там же, с. 324
Основой, вокруг которой образовывались «литераторские мостки» на Волковом кладбище, явилась могила В. Г. Белинского. По предсмертному завещанию подле революционного демократа был похоронен Н. А. Добролюбов. После трагической гибели здесь [illegible] Д. И. Писарев, а затем И. С. Тургенев, М. Е. Салтыков-Щедрин и [illegible] 1918 [illegible] было перевезено из Финляндии тело Г. В. Плеханова и похоронено рядом с могилой В. Г. Белинского
Литературное наследство. Т. 67, 1959, с. 555—573
См.: Максяшев П. Ф. Указ. соч., с. 145
ГАПО, ф. 9, оп. 1, д. 603, л. 24—25. См. также: Кремлев А. Ученый комитет и Белинский.— [illegible], 1906, № 11, с. 160—161

Стезею Белинского

[illegible] См.: Н[illegible] В. Г. Б[illegible]. Жизнь и творчество (1[illegible]—1848). [illegible], 19[illegible], с. 24[illegible]

[illegible] Н. С[illegible], т. Х. М., 19[illegible], с. [illegible]—575.

[illegible] Ш[illegible] и русская литература XIX [illegible]. М.—Л., 19[illegible], с. 7[illegible], 1[illegible]

[illegible] В. Г. [illegible]

[illegible]

Там же, [illegible]

[illegible] и современность. М., Наука, 1964, с. 209

См.: Дьяков Н. [illegible] [illegible] изд-во 1962 с. 325

Франко И. Указ. соч., т. IX, с. 53, 61

[illegible] 1, 64, 65, 179, 18[illegible]

Гуманов Г. М. (Туманишвили). Характеристики и воспоминания. Кн. 1. 1900, с. 162; Кн. 3. 1907. [illegible]

[illegible] О. Русские революци[illegible] [illegible]краты в грузинской публицистике и критике. Тбилиси, 1959, с. 40

Шароева Т. Белинский и грузинс[illegible] [illegible]

См.: Оганнисян Р. Из истории оценки русской лите[illegible]туры армянской общественной мыслью. Ереван, 19[illegible]

[illegible] т. 56, с. 4[illegible]

[illegible] С. М. Налбандян и [illegible]ные демократы. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. М., 197[illegible]

Там же, с. 37

[illegible]

Овнан Г. Великий мыслитель.— Коммунист, 1961, 13 июня.

Шаумян С. Г. Избранные произведения в двух томах. Т. I. М., 1957, с. [illegible]

[illegible]ников И. Лермонтов. Исследования и находки. М., 1964, с. 36[illegible]

См.: Гусейнов Г. Из общественной и философской мыс[illegible] XIX века. Баку, 1949, с. 329.

[illegible] М. Ф. Избранные философские произведения. Баку, 19[illegible], с. [illegible]

Б[illegible]нов Ч. Сочинения. СПб, 1904, с. 4

[illegible] правда, 1848, 6 июня

[illegible]й. СПб., 1909, с. 109

[illegible]вере В. А., Ма[illegible] Г. М. Латышско-русские литературные связи. Рига, 1965, с. [illegible]

Там же, с. 1[illegible]

Советская Литва, 1961, 13 июня

За пределами России

Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Издал В. А. Франце[illegible], профессор Импер[illegible]ского В[illegible]ского университета. Варшава, 1905, с. 309, 313, 314

См.: Цыбенко Е. З. Из истории польско-русских литературных связей XIX—XX вв. Изд-во МГУ, 1978, с. 67, 69, 70, 74.

[illegible] Русско-европейские литературные связи. М.—Л., 1966, с. 251.

Литературное наследство. Т. 56, с. 496

Там же, с. 450, 452, 454.

Письма к Ганке..., с. 1032, 1071, 614, 212, 499—501

Велчев Велчо. Въздействието на ру[illegible] литература за формиране и развитие на българ[illegible] [illegible] на Българската Академия на науките. [illegible] 1958, с. 21—22 [illegible]

[illegible] турна критика [illegible] Т. IV [illegible]

[illegible] соч., с. 59, 60

[illegible] Г. Указ. соч., с. 72.

Ру[illegible]ко-югославские литературные связи. М., 1975, с. 13

Герцен А. И. Собр. соч. в тридцати томах. М., И[illegible] АН СССР, 1954—1965, т. 7, с. [illegible]

См. Прийма Ф. Я. Белинский во французской литер[illegible] [illegible] Белинский. [illegible] 1949, с. 248, 251, [illegible]

[illegible] связи. Вторая пол[illegible] XIX [illegible] М., [illegible]

Брандес [illegible]

77, 78, 176

Карлин[illegible] Р. [illegible]

Пятьдесят лет спустя

ГАПО, ф. 109, оп. 1, д. 481, л. 1[illegible]

ЦГАОР, ДП, делопроизводство 3, 1897, д. 1499, л. 6

Там же, л. 14.

ГАПО, ф. 109, оп. 1, д. 437, л. 3, 118, 25, 17

ЦГАОР, ДП, делопроизводство 3, 1897, д. 1499, л. 19, 23, 26 27, 29, 30, 31

Там же, л. 43—44

ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 6775, л. 11.

Плеханов Г. В. Литература и эстетика. Т. I. М., 1958 с. 554, 555, 556, 563, 330, 310.

Более полно этот кодекс сформулирован Г. В. Пл[illegible] в статье «Литературные взгляды В. Г. Белинского», впер[illegible] чатанной в журнале «Новое слово» за 1897 г. А. Николадзе, видимо, не учла, что Хомлели при подготовке своей публикации пользовался этим изданием.

См.: Николадзе А. Русско-грузинские литературные связи. Тбилиси, 1958, с. 77

В памяти народной

1 Весы, 1904, № 9, с. 63.

Литературное наследство. Т. [illegible]

3 Русский вестник, 1906, № 3, с. 255, 259, 263, 264.

Брюкнер А. Русская литература в ее историческом развитии. В двух частях. Перев. [illegible] с немецкого А. Г. [illegible], под редакцией В. В. Битнера. Часть II, СПб, 1906, с. 27, 29.

Там же, с. 17. Ср.: Белинский В. Г. Указ. соч. Т. VI, с. 217

Брюкнер А. [illegible] соч., с. 21, 32, 42, 67

Там же, с. 56, 62

ГАПО, ф. 109, оп. 1, [illegible] 181, л. 168—169

Литературное [illegible] Г. 7—8, с. 200

Ленин В. И. [illegible] соч., т. 6, с. 25

Ленин В. И. [illegible] собр. соч., т. 19, с. 169

Воровский В. Литературно-критические статьи. М., 1964 [illegible]

[illegible] Г. В. Указ. соч. Т. I, с. 606

ГАПО, [illegible]

[illegible] И. Ф. Статьи, речи, письма. М., 1975, с. 217

[illegible] [Бе]линский и современность. М., 1964, с. 31

[illegible] В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 89

Великое имя

Есенин С. Собр. соч. Т. 5. М., 1962, с. 55, 92

См.: Белинский и современность..., с. 18.

Горький М. Собр. соч. Т. 17. Гослитиздат, 1952, с. 45.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 197

[Лу]начарский А. В. Статьи о литературе. М., 1957, [illegible]

Белинский и современность..., с. 201.

Ежегодник Софийского университета. Историко-филологический факультет, 1938, с. 1—49.

Амбрасас К. В. Г. Белинский и литовская литература.— Советская Литва, 1961, 13 июня.

Калинин М. И. О коммунистическом воспитании. М., Молодая гвардия, 1946, с. 220.

Королев Д. И вот век позади...— Правда, 1976, 26 сентября

См.: Белинский и современность..., с. 204—216

Нечаева В. Здесь [illegible] но «Письмо к Гоголю».— Известия, [illegible]

Указатель имен

Содержание

Петр Федорович Максяшев

НАШ БЕЛИНСКИЙ

Редактор *Л. Толм*[illegible]

Художник *В. Евграфов*

Художественный редактор *В. Иванов*

Технический редактор *Л. Борисова*

Корректор *Е. Феклистова*

ИБ № 1168

Сдано в набор 14.01.86. Подписано в печать 29.04.86. ФЛ14734
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Литературная». Печать высокая
Усл. печ. л. 12,6. Усл. кр.-отт. 12,6. Уч.-изд. л. 13,57.
Тираж 25000. Цена 70 коп. Заказ 100

Приволжское книжное издательство
Саратов, пл. Революции, 15

Производственное объединение «Полиграфист» управления издательств, полиграфии и книжной торговли Саратовского облисполкома. Саратов, пр. Кирова, 27.

